КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVII.

ОКТЯБРЬ.

1899 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО

и

ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ.

I.

Внѣшній видъ списка. Старинные любители малорусскаго чтенія. Корни Энеиды въ прошломъ.

Предъ нами рукописная книжечка, напоминающая форматомъ своимъ старинныя тетрадки странствующихъ дьяковъ и пиворѣзовъ. На лицевой сторонѣ ея написано: „Энеида—сочиненіе Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ". Почеркъ этой надписи не древній и, во всякомъ случаѣ, не тотъ, которымъ написана вся рукопись. Состоитъ она изъ 72 листовъ синей бумаги въ восьмую долю. Листки всѣ сохранились въ цѣлости, благодаря бумажному переплету съ кожанымъ корешкомъ и кожаными углами. Пагинація—не по страницамъ, а по листкамъ. Послѣдній не отмѣченъ цифрою, потому что текстъ рукописи оканчивается на первой страницѣ 71 листка. На 46 листкѣ есть водяные знаки, указывающіе на 1798 годъ: ясно, что рукопись не могла появиться раньше этого времени. Но если это обстоятельство убавляетъ цѣнность ея, то отмѣтка на заглавномъ сѣромъ листѣ возстановляетъ право ея на наше вниманіе. Отмѣтка эта сдѣлана рукою первоначальнаго владѣльца рукописи: «сія книга принадлежитъ протодіакону Николаю Заградскому, 1799 г." На внутренней сторонѣ переплета читаемъ слѣдующее: „сія книга подарена кіевскимъ протодіакономъ Николаемъ Заградскимъ въ 1828-мъ годѣ отцу моему Андрею Даниловичу Левченку, которая досталась мнѣ по наслѣдству Николаю Андреевичу Левченку».

Затѣмъ—съ новой строки: «отецъ мой Андрей Левченко умеръ 1845-го года декабря 26 дня въ 12 часовъ утра отъ водяной болѣзни въ мѣстечкѣ Лѣплявомъ, полтавской губерніи, золотоношскаго уѣзда, гдѣ и погребенъ священникомъ Даніиломъ Юркевичемъ».

Кто были эти Левченки—отецъ и сынъ, мы не знаемъ, но у насъ есть любопытныя свѣдѣнія о первоначальномъ владѣльцѣ рукописи Заградскомъ. Родился онъ въ 1767 году въ Переяславѣ, учился тамъ же въ семинаріи, но курса не окончилъ и въ 1786 году изъ пѣвчихъ митрополичьяго хора рукоположенъ былъ въ діакона при Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ. Въ этой скромной должности онъ прослужилъ весь свой долгій вѣкъ при шести митрополитахъ, которые дорожили имъ, какъ отличнымъ пѣвцемъ и опытнымъ уставщикомъ на соборномъ клиросѣ. Тѣ же самыя качества привлекали къ нему и симпатіи кіевлянъ, которые въ воскресные и праздничные дни переполняли Софійскій храмъ, чтобы послушать прекрасное пѣніе хора подъ управленіемъ о. Заградскаго. Слава о немъ дошла и до Петербурга, куда онъ вызванъ былъ въ 1810 году на открывшееся протодіаконское мѣсто въ придворной церкви. Приказано было ему ѣхать немедленно, для чего и получилъ онъ 250 р. на путевыя издержки. Но о. Заградскій, слѣдуя патріархальнымъ обычаямъ своего времени, двинулся въ путь хозяйскимъ образомъ—одною лошадью и на собственномъ возкѣ, нагруженномъ домашнею провизіей. Ѣхалъ онъ въ Петербургъ полтора мѣсяца и прибылъ уже послѣ того, какъ мѣсто его было занято. Къ утѣшенію своему онъ имѣлъ случай участвовать въ священнослуженіи въ присутствіи Государя и получилъ отъ него одобреніе за благозвучное исполненіе церковной службы, а въ награду за понесенные имъ труды ему пожалована была бархатная ряса и 300 р. на обратный путь. Обрадовались кіевляне возвращенію своего любимаго пѣвца, который послѣ этого не разлучался уже съ ними до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1841 году [1]).

---

[1]) Кіевскія Епарх. Вѣдомости, 1893 г, № 23.

Такова была несложная жизнь одного изъ почитателей Котляревскаго. Для насъ понятно теперь, почему онъ увлекался Энеидой. Очевидно, это былъ человѣкъ съ эстетическими наклонностями, которыя выражались не въ одномъ церковномъ пѣніи. Здѣсь онъ былъ мастеромъ своего дѣла, потому-то ему доступна была и область поэзіи. Изъ общественнаго положенія своего онъ извлекалъ все то, что окрыляло мысль и фантазію его. Такъ, онъ любилъ объяснять богомольцамъ мозаическія изображенія въ алтарѣ Софійскаго храма и разсказывать имъ исторію святынь его. Въ общеніи съ народомъ онъ находилъ, повидимому, нравственное удовлетвореніе. По всей вѣроятности, и тотъ Левченко, которому онъ подарилъ Энеиду, былъ человѣкъ того же типа, т. е. принадлежалъ къ мелкой интеллигенціи малорусской, въ составъ которой входили низшіе ряды духовенства, а также хуторскіе панки и полупанки, не потерявшіе симпатій къ народному языку и къ народной пѣснѣ. Для такихъ людей Котляревскій былъ выразителемъ поэтическихъ настроеній родной старины, тѣхъ настроеній, которыя созданы были южнорусской школой XVII и XVIII в. путемъ бытовыхъ соприкосновеній ея съ народной жизнью [1]).

Такимъ образомъ корни Энеиды—въ прошломъ. Къ нему мы и должны обратиться для того, чтобы понять генезисъ этого произведенія, отъ котораго ведетъ начало свое новая малорусская литература.

II.

Церковная регламентація въ богослужебныхъ книгахъ малорусской печати. Исходныя точки въ обзорѣ памятниковъ малорусской литературы XVIII в.

Нѣкогда Лазарь Барановичъ назвалъ Кіевъ «гнѣздомъ православія» и „русскимъ Парижемъ“ [2]). Конечно, это послѣднее

---

[1]) См. подробнѣе объ этомъ въ книгѣ нашей «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ» 39—59.

[2]) Письма Лазаря Барановича, Черниговъ, 1865 г., стр. 61, 117.

названіе есть ничто иное, какъ патріотическая гипербола, но въ первомъ ничего нѣтъ преувеличеннаго. Въ 1686 году это гнѣздо православія окончательно присоединено было къ московскому государству. Событіе это навсегда рѣшило участь южной Руси, которая чрезъ Кіевъ вступала не только въ политическое, но и въ культурное общеніе съ сѣверной Русью, гдѣ тоже было свое старинное «гнѣздо православія»—Москва.

Нужно сказать, впрочемъ, что въ Москвѣ съ большимъ недовѣріемъ смотрѣли на представителей южнорусскаго православія, особенно послѣ смерти Ѳеодора Алексѣевича, когда все малорусское духовенство заподозрѣно было „въ единоуміи съ папою и съ римскимъ костеломъ". Извѣстно, что при патріархѣ Іоакимѣ запрещены были сочиненія лучшихъ писателей малорусскихъ, не мало потрудившихся для защиты православія [1]). Ревнители московскаго православія опирались на грековъ, которые бросали невыгодную тѣнь на кіевскихъ ученыхъ. Такъ, уже при Петрѣ Великомъ патріархъ іерусалимскій Досифей убѣждалъ царя, чтобы „на Москвѣ не было игумена и архимандрита отъ козацкаго рода", чтобы „Москвитяне (были) и въ козацкой землѣ", такъ какъ они „хранятъ отеческую вѣру непремѣнную сущіи не любопытательные и не лукавніи человѣцы" [2]). Причиной нерасположенности Патріарха къ духовенству „изъ козацкаго рода" была увѣренность, что южнорусскіе іерархи заведутъ и въ Великой Руси порядки, неблагопріятные греческому вліянію. Въ письмѣ къ Стефану Яворскому (отъ 15 ноября 1703 г.) тотъ же Досифей прямо говоритъ: „нынѣ, находясь въ православномъ градѣ (Москвѣ), въ конецъ эллинское ученіе стерлъ еси и токмо о латинскихъ школахъ стараешися" [3]). Па-

---

[1]) «Большой Требникъ и Служебникъ» Петра Могилы, «Катихизисъ» и «Экзегезисъ» Сильвестра Коссова, «Выкладъ о церкви» Ѳеодосія Сафоновича, «Миръ съ Богомъ» Иннокентія Гизеля, «Мечъ» и «Трубы словесъ» Лазаря Барановича, «Ключъ разумѣнія» и „Мессія Праведный" Іоанникія Галятовскаго, «Огородокъ» Антонія Радивиловскаго.

[2]) Труды кіевской академіи, 1854 г., к. III, стр. 249

[3]) Ib.

тріархъ упрекалъ также Стефана Яворскаго за то, что онъ не подражалъ патріарху Іоакиму въ изобличеніи тѣхъ людей, которые приносятъ смущеніе къ царствующій градъ, т. е. иностранцевъ [1]). Очевидно, латинская школа, процвѣтавшая въ южной Руси, при всѣхъ ея несовершенствахъ, не была склонна поддерживать отчужденіе отъ Европы, которое вело къ національному самомнѣнію и невѣжеству. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ появленія своего въ Москвѣ, Стефанъ Яворскій выступилъ съ полемическимъ сочиненіемъ, направленнымъ противъ приверженцевъ старины, которые утверждали, что Москва, начавшая перенимать иностранные обычаи, сдѣлалась новымъ Вавилономъ, что она, подобно Вавилону, погибнетъ отъ развращенія нравовъ [2]). Съ талантомъ замѣчательнаго проповѣдника Стефанъ Яворскій отзывался на всѣ текущія явленія жизни, оправдывая и защищая усилія правительства, направленныя къ сближенію Россіи съ Западной Европой. Въ проповѣдяхъ своихъ онъ доказывалъ необходимость построенія Петербурга, толковалъ о пользѣ флота, о преимуществахъ морской торговли предъ караванною и т. п. Понятно послѣ этого, что отзывы іерусалимскаго патріарха о неблагонадежности Стефана Яворскаго имѣли въ глазахъ Петра Великаго совсѣмъ противоположное значеніе...

Тѣмъ не менѣе этнографическая рознь между сѣверянами и южанами постоянно примѣшивалась къ вопросу о чистомъ православіи и при Петрѣ Великомъ, и послѣ него, поэтому на сѣверѣ всегда относились съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ къ церковнымъ книгамъ кіевской печати. Вотъ факты.

Въ 1709 году изданы были въ Москвѣ „Бесѣды Іоанна Златоустаго на четырнадцать посланій Ап. Павла“. Въ предисловіи къ этому изданію сказано, что Бесѣды перепечатаны съ кіевскаго изданія, при чемъ издатели старались сохранить „орѳографію, сирѣчь правописаніе и правовѣріе *великороссійское* правильное по ученію грамматистовъ и любомудрецовъ, въ учили-

---

1) Исторія Россіи Соловьева, т. XV, 115.

2) Знаменіе пришествія Антихриста и кончины вѣка. 1703 г.

щахъ издревле и донынѣ обдержимому... А малороссійская примрачная рѣченія изъяснихомъ обыкновенными [1]).“

Въ 1720 году по поводу изданнаго въ Кіевѣ Минологіона на 1718 годъ, гдѣ на заглавномъ листѣ кіево-печерская лавра названа была ставропигіей константинопольскаго патріарха, издано было распоряженіе, чтобы впредь этого не было, и чтобы „вновь книгъ никакихъ, кромѣ церковныхъ прежнихъ изданій, не печатать. А и оныя церковныя старыя книги съ такими же церковными книгами справливать, прежде печати, съ тѣми *великороссійскими* печатьми, дабы никакой розни и особаго нарѣчія не было“ [2]).

Въ 1721 году первоначальная типографія въ Москвѣ, а также типографіи петербургская, кіевская и черниговская были подчинены св. Синоду. Наблюденіе за всѣми типографіями было возложено на члена св. Синода Гавріила Бужинскаго съ титуломъ протектора типографій. Обязанность этого протектора по отношенію къ малорусскимъ изданіямъ заключалась въ сличеніи ихъ съ великорусскими. Такъ, въ книгѣ Дѣяній и Посланій Апостоловъ, изданной въ кіево-печерской лаврѣ въ 1722 году, значится: „сія книга Апостолъ повелѣніемъ святѣйшаго правительствующаго Синода всероссійскаго въ конторѣ типографской противъ Апостола всероссійскаго зводу изслѣдованна, и по изслѣдованіи обрѣтеся во всемъ съ *великороссійскимъ* сходна. Того ради печати предати и въ народъ отпущати св. правительствующій синодъ всероссійскій благословляетъ“. Слѣдуетъ далѣе подпись Бужинскаго. [3]) Такія же отмѣтки встрѣчаются и на другихъ кіевскихъ и черниговскихъ изданіяхъ. [4]) Требованія этого рода были иногда редактируемы въ самой рѣшительной формѣ. Такъ, въ 1726 году настоятель кіевскаго Златоверхо-Михай-

---

[1]) Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ Великомъ, т. II, стр. 193.

[2]) Ibid. т. II. 669—670.

[3]) Ibidem, т. II, 556.

[4]) Подробности объ этомъ, особенно любопытныя по отношенію къ черниговской типографіи, см. ibid., т. II, 672—673.

ловскаго монастыря ходатайствовалъ предъ синодомъ о дозволеніи напечатать акафистъ великомучениц̂ѣ Варварѣ, составленный, какъ извѣстно, въ Кіевѣ митрополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ, когда онъ былъ еще архимандритомъ. Получено было разрѣшеніе, но съ тѣмъ, чтобы изданіе вышло „на *великороссійскомъ* нарѣчіи“ [1]).

При Аннѣ Іоанновнѣ архіепископу кіевскому Рафаилу Заборовскому повелѣно было отобрать отъ всѣхъ малороссійскихъ церквей книги прежней южнорусской печати, замѣнивъ ихъ книгами московскаго изданія. Но такъ какъ московская типографія не могла удовлетворить всѣ заказы, то книги прежней печати не выходили изъ употребленія. При Елисаветѣ Петровнѣ снова потребовали уничтоженія этихъ книгъ, разрѣшивъ митрополиту Тимофею Щербацкому завести при Софійской каѳедрѣ особую типографію съ тѣмъ, чтобы „противно печатаемыхъ въ московской типографіи книгъ несогласія отнюдь не было“ [2]). Но типографія эта не была открыта. Кіево-печерская типографія продолжала печатать книги по старинѣ. Тогда указами 1766 и 1772 годовъ рѣшительно приказано было ей перепечатывать слово въ слово московскія изданія. Въ 1769 году архимандритъ кіевопечерскій Зосима просилъ у Синода позволенія печатать, по крайней мѣрѣ, буквари не московскіе, ссылаясь на то обстоятельство, что народъ не хотѣлъ покупать этихъ послѣднихъ. Въ этомъ было ему отказано [3]). Митрополитъ кіевскій Гавріилъ Кременецкій вмѣнилъ въ обязанность священникамъ выписывать церковныя книги только чрезъ консисторію, которая обращалась за этими книгами въ московскую типографію [4]).

Что же происходило въ самой Малороссіи, на почвѣ собственно литературной, болѣе независимой отъ церковной регламентаціи?

На этотъ вопросъ мы будемъ отвѣчать обзоромъ литературныхъ произведеній, созданныхъ малорусскими писателями въ

---

[1]) Ibidem, т. II, 8—9.

[2]) Описаніе кіево-софійскаго собора, стр. 206.

[3]) Руководство для сельскихъ пастырей, 1862 г. № 32, стр. 495.

[4]) Ibidem.

XVIII вѣкѣ подъ впечатлѣніями мѣстной жизни, по вызову мѣстныхъ потребностей.

Предъ нами матеріалъ громадный, но мы должны выбрать изъ него только то, что уясняетъ такъ или иначе связь и преемственность умственныхъ теченій, предшествовавшихъ появленію Энеиды Котляревскаго.

Для этихъ теченій еще въ XVII вѣкѣ выработаны были два типа литературной рѣчи—рѣчь славянорусская и книжная малорусская. Анализъ той и другой рѣчи мы сдѣлали въ отдѣльномъ изслѣдованіи [1]). Опираясь на этотъ анализъ, мы будемъ слѣдить за видоизмѣненіями каждой изъ нихъ въ XVIII вѣкѣ, подъ вліяніемъ новыхъ условій религіозной и политической жизни, наступившихъ для южной Руси послѣ соединенія ея съ сѣверной Русью.

Въ связи съ этими видоизмѣненіями мы будемъ отмѣчать характерныя черты самихъ писателей, насколько онѣ отразились въ содержаніи и стилѣ ихъ произведеній.

III.

Черты славяно-малорусской рѣчи въ раннихъ произведеніяхъ Өеофана Прокоповича, въ лѣтописи Грабянки и въ „Странствованіяхъ" Василія Григоровича-Барскаго.

Извѣстно, что церковнославянскій языкъ, разработанный въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, сближенъ былъ съ такими свойствами русскихъ нарѣчій, которыя составляютъ общее достояніе ихъ (отсутствіе глухихъ гласныхъ, полногласіе и т. п.), поэтому его можно назвать не столько церковнославянскимъ, сколько славянорусскимъ въ самомъ общемъ значеніи этого слова [2]). Вотъ этотъ славянорусскій языкъ въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей XVII вѣка почти свободенъ былъ отъ

---

[1]) Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в., 1883 г.

[2]) Подробнѣе объ этомъ см. ibidem, стр. 1—36.

мѣстной малорусской примѣси. Не то мы видимъ въ XVIII вѣкѣ. По прежнему онъ пользовался уваженіемъ въ средѣ малорусскихъ писателей, но въ немъ замѣтны уже значительныя отклоненія въ пользу народныхъ элементовъ рѣчи.

Черты этого языка явственно замѣтны уже въ раннихъ сочиненіяхъ Ѳеофана Прокоповича, написанныхъ въ Кіевѣ.

Такъ, въ Похвальномъ словѣ Прокоповича (Панегурикос) „о преславной надъ войсками свѣйскими побѣдѣ" постоянно смѣшиваются *и* и *ы*, тогда какъ въ славянорусскихъ произведеніяхъ XVII вѣка эта звуковая особенность малорусскаго нарѣчія встрѣчается очень рѣдко: *веселій* вм. *веселый*, *вѣри*, *сили* (род. п. един.), *подобнимъ* и проч. [1]). Въ трагедокомедіи его же „Владиміръ:" *вына* вм. *вина*, *обыди* вм. *обиды*, *страни* вм. *страны*, *ти* вм. *ты*, *на ви* вм. *на вы*, *златій*, *елишахъ*. [2]) Въ тѣхъ же произведеніяхъ Ѳеофана Прокоповича не менѣе часто употребленіе *ѣ*, какъ *и*. Рифмуются, напримѣръ, слова: *тѣлу* и *силу*, *бѣдный* и *сильный*, *находити* и *навѣты*, *входити* и *зрѣти* (Панегирикосъ), *до моей волѣ*, *царевѣ* (дат. ед.), *держѣмъ*, *потерпѣмо*, *творѣте* (трагедокомедія „Владиміръ"). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ произведеній Ѳеофана Прокоповича въ спискахъ, современныхъ самимъ произведеніямъ. Въ библіотекѣ кіевской Духовной академіи есть списокъ проповѣдей его, относящійся къ 1751 году: нѣкоторыя изъ этихъ проповѣдей сказаны были

---

[1]) Мы пользовались изданіемъ Панегирикоса изъ библіотеки кіевской Духовной семинаріи подъ № 188), которое тождественно съ описаннымъ у Пекарскаго (Наука и Литература при Петрѣ Великомъ подъ № 142). Другое изданіе, описанное подъ № 148, отличается московскимъ выговоромъ и правописаніемъ, хотя оба изданія относятся къ одному и тому же году (1709). Понегирикосъ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей—предисловія, довольно объемистаго Похвальнаго слова и стихотворенія подъ заглавіемъ: *Епінікіон*. Все это напечатано было въ кіево-печерской лаврѣ 10 іюля 1709 года, слѣдовательно, для составленія Панегирикоса и напечатанія его потребовалось менѣе двухъ недѣль.

[2]) Рукопись кіевск. Дух. академіи не позже первой половины прошлаго вѣка, № J. т. 92. 13.

въ Кіевѣ. Судя по этому списку, Өеофанъ Прокоповичъ наклонялъ въ нихъ славянорусскую рѣчь къ малорусскому типу. Но еслибы эти привычки и не принадлежали ему лично, то, во всякомъ случаѣ, это не ослабляетъ силу фактовъ, характеризующихъ литературное употребленіе славянорусской рѣчи въ XVIII вѣкѣ. Замѣчательно при этомъ въ проповѣдяхъ его 1) крайне ограниченное употребленіе славянскихъ глагольныхъ формъ; 2) незначительное количество польскихъ союзовъ и полное отсутствіе польскихъ глагольныхъ формъ; 3) смѣшанное употребленіе славянскихъ звуковъ и формъ вмѣстѣ съ малорусскими: *кто, что, яко* и *хто, що, якъ; бывъ, было* и *бувъ, було*; *упалъ, осквернилъ* и *учинивъ, отвѣвъ* [1]).

Въ 1710 году написана была въ г. Гадячѣ лѣтопись Грабянки тою же славянорусскою рѣчью съ сильнымъ малорусскимъ пошибомъ [2]).

„Соболѣзновахъ не мало", говоритъ Грабянка въ предисловіи къ читателю, „яко нашего отечества, ничимъ же отъ иныхъ въ воинскихъ трудахъ разнствующаго, въ толикой забвенія пучинѣ дѣлъ видя погруженна; сего ради не коею-либо любострастною славицею, но общою возбужденій ползою судилъ и сего вѣрнѣйшаго Россійскаго сина благоразумнаго вожда Богдана Хмельницкаго... немолчная дѣйствія не оставляю въ пепелѣ погребенихъ повѣстми свѣту явити" [3]). Грабянка одушевленъ славою

---

1) Рукопись кіевской Духовной академіи, О. 4°. 8.

2) Издана Временною коммиссіей для разбора древнихъ актовъ въ Кіевѣ въ 1854 году. Принявъ во вниманіе одинъ изъ списковъ лѣтописи Грабянки, относящійся къ первой половинѣ прошлаго вѣка, коммиссія, къ сожалѣнію, не отмѣтила разночтеній по другимъ спискамъ, которые были у нея подъ руками. Въ особенности пожалѣть можно, что она допустила нѣкоторыя перемѣны въ правописаніи (вывела буквы изъ-подъ титлъ, поставила *і* предъ гласными, *ъ* и *ь* въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ), а также и о томъ, что до сихъ поръ не изданъ одинъ изъ списковъ конца прошлаго вѣка, который, по мнѣнію коммиссіи, «есть ничто иное, какъ позднѣйшее переложеніе лѣтописи Грабянки на языкъ народный. (Предисл. XXVII).

3) Предисл. т. IV.

своего отечества, идеальнымъ лицемъ котораго онъ считаетъ Богдана Хмельницкаго. Онъ жалѣетъ объ участи Сомка и Ивана Поповича, который промѣнялъ чинъ полковника на рясу священника, а потомъ сбросилъ ее и снова сдѣлался полковникомъ, чтобы умереть геройскою смертiю. Разсказавъ о смерти Поповича, Грабянка замѣчаетъ: „аще би сiи два союзнiе мужи Поповичъ и Сомко далѣе пожили, то могли би старого Хмелницкого дѣлемъ слѣдствовати“ (183—184). Онъ вѣрноподданный русскихъ царей, но это не мѣшало ему любить родину и стоять за ея интересы. Лучше всего это настроенiе его выразилось въ разсказѣ о взятiи Азова, гдѣ малороссiяне въ присутствiи царя Петра показали чудеса храбрости „царскому Величеству на прислугу, а матерѣ своей малой Россiи, на лонѣ своемъ ихъ воспитавшей, на славу“. (248).

Мы коснулись личности писателя для того, чтобы объяснить пристрастiе его къ славянской рѣчи, которая вполнѣ соотвѣтствовала его возвышенному настроенiю, его серьезному взгляду на важность изображаемыхъ имъ лицъ и событiй. Пристрастiе это было такъ велико, что даже обычныя, бытовыя слова Грабянка облекаетъ въ славянскiе звуки и формы. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ *есень* вм. *осень* (158), *нань* вм. *на него* (ib), *двадесяти* (ib.), *сожещи* (173), *посѣщи* (181).

Онъ предпочитаетъ славянскiе союзы малорусскимъ: *абiе*, *аки*, (155), *аще*, *обаче* (165), *убо* (159).

Прошедшiя простыя предпочитаетъ прошедшему на *лъ*.

Онъ не чуждается не только полныхъ причастiй дѣйств. зал., но даже краткихъ, и употребляетъ эти послѣднiя въ склоняемой формѣ: „изведоша не хотяща Хмелницкого къ себѣ на совѣтъ“ (156).

Онъ любитъ дательный самостоятельный: „симъ тако на Москвѣ и на Украинѣ биваемимъ, въ Полщи тимъ временемъ собрали Поляки сеймъ, на которомъ президующему найвишему Маршалку коронному Гнѣнскому начаша размишляти“ (160).

Само собою разумѣется, что употребленiе причастiй, особенно краткихъ, не поддержанное живымъ чувствомъ этихъ формъ, не

отличается правильностію: „войско запорожское пораженно сущи стояше недоумѣющи (155); епископъ Меѳодій, завистливъ сый сущи, болѣе чести желалъ Васютѣ, неже Сомковѣ“ (177).

Не могъ, однако же, Грабянка, при всей доброй волѣ своей устранить изъ своей „Презѣльной брани“ народной рѣчи. Она является у него, какъ въ звукахъ, такъ и въ формахъ.

Основное *и* постоянно смѣшивается у него съ *ы*, съ малорусскимъ преобладаніемъ *и* надъ *ы*.

Изрѣдка *и* стоитъ вмѣсто *о*: *пидъ горою* (228), *одійти* (220).

Гораздо чаще *и* стоитъ вмѣсто *ѣ*: *разстриляти* (186), *высикли* (230), *плиниша* (237), *за крипкимъ* (190), *укрипился* (199).

Еще чаще *ѣ* употребляется по малорусски, для выраженія звука *i*, какъ въ корняхъ, такъ и въ формахъ словъ: *собѣрати* (155), *тогдѣ*, (187), *Сомковѣ* (дат. ед. 176), *хуторѣ* (вин. мн.), *монастирѣ*, *запорожцѣ* (им. мн. 191, 161, 181), *землѣ* (им. мн. 171), *мельницѣ* (вин. мн. 191).

Нерѣдко встрѣчаемъ малорусское *у* вмѣсто *ы* въ глаголахъ отъ корня *бы*, а также въ глаголахъ съ суффиксомъ *ова*: *добувати* (202), *добувши* (168), *забувши* (240), *здобувшися* (177), *попустошували* (232), *повимучувавши* (219), *зазимувалъ* (252), *хожували* (237).

Такъ же нерѣдки удвоенные согласные: *споводанне* (169), *Запорожжа* (189), *на Запорожжу* (192).

Большею частію употребляются мягкіе свистящіе: *столицѣ* (180), *танцями* (236) и т. п. То же нужно сказать и о свистящихъ, которые образовались путемъ переходнаго смягченія изъ гортанныхъ: *повазѣ* (161), *присязѣ* (218), *Муращцѣ* (216), *Монарсѣ* (158).

Звучные согласные выдерживаются предъ отзвучными, а отзвучные превращаются въ звучные: *прикажчики* (190), *Запорожци* (192), *одъ того времени* (189) и проч.

Отмѣтимъ, наконецъ, глагольныя формы малорусскія: *запобѣгти* (159), *вымогти* (269), *плисти*, (178), *изрекнутись* (158), *предлежатиметь* (156), *дамо* (253), *змѣнивъ* (257), *памятаючи* (169), *хотячи* (ib.) и т. п.

Тѣ же малорусскія наслоенія встрѣчаются и въ описательной прозѣ на славянорусскомъ языкѣ, напримѣръ, въ извѣстныхъ „Странствованіяхъ Григоровича-Барскаго" по св. мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 годъ [1]).

Уроженецъ г. Кіева, Барскій учился въ кіевской академіи, но, не окончивъ ученія, ушелъ во Львовъ по нуждѣ для излѣченія какой-то раны на ногѣ, а по выздоровленіи отправился въ г. Баръ (въ Италіи), чтобы поклониться мощамъ св. Николая Чудотворца. Возвращаясь на родину, онъ зазимовалъ въ Венеціи и отсюда весною пустился моремъ на Востокъ — въ Египетъ, Сирію и Палестину. Глубоко поразила его судьба христіанъ на Востокѣ: „здѣ мнѣ пишущу", говоритъ онъ, „слезы изліяшася отъ очесъ, воспомянувшу, яко многихъ убогихъ случися мнѣ видѣти, не стерпѣвшихъ даній и мученій турецкихъ и отвергшихся Христа" [2]). Не одно религіозное чувство влекло Барскаго по святымъ мѣстамъ Востока, но и любознательность. Онъ изучаетъ не только религіозную святыню, но и всѣ памятники старины, которые попадались ему на пути. Онъ всматривается въ порядки жизни, въ привычки и нравы жителей, вдумывается въ причины тѣхъ явленій, которыя поразили его своею новостію. Онъ изучаетъ языки арабскій и греческій и въ то же время пишетъ свои записки правдивыя и искреннія, снабжая ихъ массою рисунковъ, чтобы дать наглядное понятіе о предметахъ, которые онъ видѣлъ. Съ посохомъ странника, безъ всякихъ средствъ къ жизни, онъ переходитъ изъ одного мѣста въ другое, чтобы изучить что-нибудь новое. Въ разныхъ греческихъ школахъ онъ проживаетъ по нѣскольку лѣтъ, учитъ и учится среди нужды и тяжелыхъ лишеній. „Сице убо азъ учащи и учащийся", говоритъ онъ, „въ Патмѣ пребыхъ лѣтъ шесть, многая препятія къ поученію имѣяй, найпаче же нищету, и пройдохъ грамматическое изученіе, логику и полфизики; риторику же оставыхъ слабой ради моей памяти, и не могущи понести великихъ трудовъ

[1]) Сочиненіе это издано православно-палестинскимъ обществомъ по подлинной рукописи подъ редакціей Н. Барсукова, СПБ. 1884 г.

[2]) Вып. XXVI, стр. 324.

ради прискорбнаго житія"[1]). Предъ нами растетъ человѣкъ, его умственное и нравственное содержаніе. Съ каждой новой страницей его записокъ расширяется кругъ его умственныхъ интересовъ, въ который вовлекаемся мы съ невольнымъ любопытствомъ, раскрывается полнѣе и яснѣе его кроткая и гуманная личность, къ которой привязываемся мы всею душею. Обаяніе личности Барскаго облегчаетъ для читателя тяжеловѣсный составъ рѣчи въ его „Странствованіяхъ". Чтобы избѣжать повтореній, мы не приводимъ примѣровъ для грамматической характеристики ея. Она та же, что и у Грабянки, съ тѣмъ же причудливымъ сочетаніемъ славянскихъ элементовъ съ малорусскими.

Вообще же сказать можно, что въ XVIII вѣкѣ въ составъ славянорусской рѣчи входили, какъ и въ XVII вѣкѣ, многія фонетическія и морфологическія особенности церковнославянскаго нарѣчія: изъ фонетическихъ—преимущественно отсутствіе полногласія и церковнославянское смягченіе зубныхъ и гортанныхъ; изъ морфологическихъ — простыя прошедшія и краткія формы причастій. Но эту славянскую рѣчь малороссіяне произносили по малорусски, да сверхъ того, въ литературныхъ произведеніяхъ XVIII вѣка примѣшивали къ ней не малое количество словъ и формъ малорусскихъ, которыя даютъ основаніе назвать ее рѣчью славяно-малорусскою.

IV.

Лучшія драмы XVIII в., написанныя славяно-малорусскою рѣчью.

Отъ прозы мы перейдемъ къ поэзіи XVIII вѣка, или лучше сказать, къ стихотвореніямъ, написаннымъ славяно-малорусскою рѣчью.

Не будемъ мы касаться стихотвореній хвалебнаго содержанія, написанныхъ въ честь сильныхъ міра сего. Кіевская академія издавна славилась искусствомъ слагать эти стихотворенія, не имѣвшія ничего общаго съ поэзіей. „Спудеи" знали, что это

---

[1]) Вып. XXVII, стр. 350.

искусство не безполезно было въ практической жизни. Услужливый стихъ выручалъ изъ разныхъ злоключеній ея, а иногда доставлялъ и выгодную карьеру. Къ нему обращались для утоленія гнѣва *потентатовъ*, для испрошенія отъ нихъ всякихъ милостей, вообще же для манифестаціи такихъ чувствъ и мыслей, на которыя былъ спросъ въ данную минуту. Одинъ наивный составитель „Малороссійской пѣсни объ измѣнѣ Мазепы" въ концѣ своего стихотворенія говоритъ о себѣ, что онъ можетъ „всѣхъ измѣнниковъ *овършописати* по имени на вѣчную ихъ отъ всего народа злую память и пагубу"[1]). Очевидно, всѣ эти стихотворныя издѣлія не возвышались надъ уровнемъ низменныхъ житейскихъ интересовъ, не возводили мысль читателя въ область чистыхъ идеаловъ.

Совсѣмъ иное мы должны сказать о малорусской драмѣ, которая тоже имѣла стихотворную форму. Не входя въ подробный анализъ всѣхъ малорусскихъ драмъ, мы остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которыя не потеряли историко-литературнаго значенія до настоящаго времени. Если и нѣтъ въ нихъ живой струи поэтическаго творчества, то есть, по крайней мѣрѣ, общественная мысль, высказанная съ искреннимъ убѣжденіемъ и литературнымъ талантомъ.

Къ лучшимъ драмамъ изъ первой половины XVIII вѣка, написаннымъ славяно-малорусскою рѣчью, относятся слѣдующія:

„Владиміръ, славенороссійскихъ странъ князь и повелитель", трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича (1705 г.)[2]).

---

[1]) Чтенія въ императ. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1859, № 1, стр. 241.

[2]) Тихонравовъ, «Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ», т. II». Есть нѣсколько списковъ: 1) въ библіотекѣ, бывшей Толстова, от. IV, 4, нынѣ въ императорской публичной библіотекѣ; 2) въ московской Духовной академіи подъ № 169/580, л. 207—230; 3) въ Румянцевскомъ музеѣ копія съ этого списка CCCXVIII; 4) въ одномъ изъ сборниковъ кіевской Духовной академіи подъ № J. Ш. 92, 13.

„Милость Божія... Украину чрезъ Богдана Хмельницкаго... свободившая“ неизвѣстнаго автора [1]).

„Трагедокомедія о тщетѣ міра сего, составленная Варлаамомъ Лащевскимъ и репрезентованная въ академіи кіевской“—приблизительно въ 1742 году, когда авторъ былъ въ академіи учителемъ піитики [2]).

„Воскресеніе мертвыхъ“, драма Георгія Конисскаго (1746 г.) [3])

Во всѣхъ этихъ драмахъ есть нѣчто общее. Видно, что онѣ написаны лицами духовными, для которыхъсохраняютъ всю свою обязательную силу религіозные мотивы жизни. Съ этой стороны онѣ напоминаютъ старинныя драмы средневѣковаго типа. Различаются же онѣ отъ этихъ послѣднихъ своимъ построеніемъ, на которомъ отразилось вліяніе гуманизма и позднѣйшихъ псевдоклассическихъ понятій о драмѣ. На это вліяніе указываетъ уже одно названіе приведенной нами выше первой драмы. Не отрываясь отъ богословской почвы, авторъ трагедокомедіи „Владиміръ“ изображаетъ величайшее событіе отечественной исторіи—принятіе Владиміромъ христіанской вѣры. Собственно говоря, это есть апотеоза Владиміра, въ которой существуютъ только слабые намеки на драматическое движеніе страстей въ лицѣ представителей старой вѣры, языческихъ жрецовъ.

Начинается драма появленіемъ тѣни Ярополка, который предупреждаетъ жреца Жеривола, что Владиміръ задумалъ при-

---

1) Драма эта издана въ «Чтеніяхъ москов. общества истор. и древн.» 1858 г. кн. I, а также въ «Собраніи сочиненій» Максимовича т. I и въ «Историческихъ пѣсняхъ» Антоновича и Драгоманова, т. II. Самый древній списокъ ея въ рукописной риторикѣ 1727-1728 годовъ, преподанной въ кіевской Дух. академіи Стефаномъ Калиновскимъ,—рукопись въ библіотекѣ кіев. Дух. семинаріи № 608.

2) Рукопись церковно-археологическаго музея при кіевск. Дух. акад. № β. 58. Есть и другіе списки. Напечатана Тихонравовымъ въ Лѣтописяхъ рус. литературы 1859 г., т. I, отд. III.

3) Драма напечатана въ Лѣтописяхъ русской литературы Тихонравова, кн. VI, по рукописи Императорской публичной библіотеки, № XIV, O. 2. Время появленія пьесы обозначено 1747 годомъ, въ рукописи же кіевской Духовной академіи (№ β. 58) пьеса помѣчена 1746 годомъ.

нять христіанскую вѣру. Жериволъ и самъ замѣтилъ уже охлажденіе Владиміра къ богамъ языческимъ, такъ какъ съ нѣкотораго времени князь не приноситъ имъ изобильныхъ жертвъ.

„Даде“, говоритъ жрецъ, „вчера единаго козла тако худа,
Тако престарѣлаго, тако безтѣлесна,
Тако изнуреннаго, изсохша, безчестна,
Тонка, лиха, немощна, безкровна, безплотна,
Еще ножа не пріяхъ, а смерть самохотна
Постиже его“. (Дѣйс. I, явл. 2) [1])

Ярополкъ разсказываетъ затѣмъ, какъ Владиміръ убилъ его. Жериволъ клянется отомстить братоубійцѣ.

Между тѣмъ, жрецъ Куроядъ громкими возгласами собираетъ людей на праздникъ Перуна, но товарищъ его Пѣяръ совѣтуетъ ему не горячиться, такъ какъ Жериволъ въ этотъ день не будетъ приносить жертвы. Куроядъ сомнѣвается въ этомъ.

„Ты этому, вѣруешь, друже“, говоритъ онъ Пѣяру,
„Азъ же ни, но чаю, что уже
Онъ бы хотѣлъ, дабы былъ праздникъ непрестанный.
Дивну вещь реку: видѣхъ, когда напитанный
Многими онъ жертвами лежаше въ хладѣ,
А чрево его бяше превеликой кладѣ
Подобное,—обаче въ ситости толикой
Знаменіе бысть глада и алчбы великой—
Скрежеташе зубами на мнозѣ, безъ мѣри,
Движа уста и гортань: а достойно вѣри
Слово твое, Пѣяре? И во снѣ жретъ Жериволъ“...
(Дѣйс. II, явл. 2) [2])

Является Жериволъ и извѣщаетъ своихъ собратьевъ о намѣреніи Владиміра перемѣнить вѣру. Силою волшебства онъ даетъ идоламъ душу, и они скачутъ со жрецами, поющими хвалебныя пѣсни богамъ. Но свѣтъ истинной вѣры побѣждаетъ

[1]) Рукопись кіев. Дух. акад. № J, III. 92. 13.
[2]) Ibidem.

тьму язычества. Въ присутствіи Владиміра происходитъ преніе о вѣрѣ между Жериволомъ и христіанскимъ философомъ. Жрецъ наивно высказываетъ свои чувственныя представленія о богахъ. „Престани", говоритъ ему Владиміръ, „стыждуся красномовства твоего". (Дѣйс. III, яв. 3). [1]) Послѣ этого философъ излагаетъ истины христіанской вѣры предъ Владиміромъ и сыновьями его Борисомъ и Глѣбомъ. Владиміръ глубоко потрясенъ проповѣдью философа и, къ ужасу жрецовъ, приказываетъ разрушать кумиры. По словамъ Куроядa, Жериволъ, услыхавъ о погромѣ боговъ, заболѣлъ и потерялъ вкусъ къ ѣдѣ:

„Третій день", говоритъ Куроядъ, „минаетъ,
Якъ онъ единого только пожираетъ
Быка на день". (Дѣйс. IV, явл. 1). [2])

Является вѣстникъ и, разсказавъ, какъ очевидецъ, о крещеніи Владиміра, читаетъ посланіе отъ князя, повелѣвающаго всему народу креститься.

Нельзя не замѣтить въ этой драмѣ преувеличеній и натяжекъ, но нельзя отрицать въ ней также нѣкотораго чутья живой дѣйствительности. Фигуры жрецовъ обрисованы прямолинейно и рѣзко. Они представители грубой чувственности и того ложнаго религіознаго настроенія, въ которомъ сознательная ложь не разграничена отъ суевѣрія. Но не безъ основанія думаютъ, что въ лицѣ трехъ жрецовъ авторъ представилъ современные ему пороки католическаго духовенства. [3]) Зная католическія антипапатіи Ѳеофана Прокоповича, не трудно понять, почему онъ направилъ жало сатиры своей противъ враговъ *благочестивой* вѣры, полученной Владиміромъ отъ грековъ по предсказанію ап. Андрея, который появляется въ заключительной сценѣ драмы. Но авторъ не указалъ болѣе конкретныхъ признаковъ тѣхъ лицъ, на которыя мѣтилъ. Забавныя рѣчи жрецовъ, играющихъ

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в., Н. Петрова, стр. 38. См. также статью Тихонравова «Трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича» въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 г., май, стр. 92.

въ трагедокомедіи роль невѣжественныхъ и суевѣрныхъ шутовъ, изобилуютъ церковнославянскими словами такъ же, какъ и рѣчь философа, убѣждающаго Владиміра принять христіанскую вѣру, а также и другихъ лицъ, стоящихъ на ея сторонѣ. Такимъ образомъ, слыша изъ устъ тѣхъ и другихъ одни и тѣ же слова, мы получаемъ невольно сбивчивое представленіе о томъ, кого авторъ разумѣетъ подъ жрецами.

Того же Θеофана Прокоповича Максимовичъ считалъ авторомъ драмы „Милость Божія", тогда какъ г. Петровъ предполагаетъ, что авторомъ ея былъ Θеофанъ Трофимовичъ, преподаватель піитики въ кіевской Духовной академіи въ 1729 г. Какъ то, такъ и другое мнѣніе не имѣетъ достаточныхъ основаній, особенно мнѣніе Максимовича. „Въ 1728 году, говоритъ онъ, Θеофанъ больше полугода проводилъ въ обществѣ малороссіянъ, находившихся тогда въ Москвѣ по случаю коронаціи Петра II. Въ ту свѣтло блеснувшую для него пору пылкій душою Θеофанъ, вдохновясь первенствующимъ героемъ своей родины Богданомъ, написалъ драму „Милость Божія". [1]) Все это голословно, а главное—именно въ ту пору не до того было Θеофану Прокоповичу, чтобы писать драму. Не безъ драмы было и въ его личной жизни. Хотя послѣ ссылки Меншикова ему сдѣлалось легче, но все же и при Петрѣ II онъ долженъ былъ напрягать всѣ силы своего изворотливаго ума, чтобы не погибнуть въ борьбѣ съ многочисленными врагами, во главѣ которыхъ стоялъ энергическій архіерей изъ великороссіянъ Георгій Ростовскій (Дашковъ). Несомнѣнно только то, что драма „Милость Божія" написана была при Петрѣ II, когда оживились патріотическія надежды малороссіянъ, вызванныя благосклонностію къ ихъ родинѣ молодого государя. „Не бойся", говоритъ Смотрѣніе Божіе, обращаясь къ Украинѣ:

„Петръ не дастъ ти упасти,
Не дастъ и славѣ твоей всячески пропасти,

---

[1]) Собраніе сочиненій Максимовича, III, 734.

Подастъ ти Даніила (рѣчь идетъ о гетм. Апостолѣ), который
Супостатомъ твоимъ Хмелницкій будетъ вторый".

Въ этомъ мы видимъ новое доказательство, что драма была написана не Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, который, какъ извѣстно, не былъ охотникомъ до малорусскаго патріотизма.

Какъ показываетъ заглавіе драмы, въ ней прославляется милость Божія за освобожденіе Украины отъ обидъ лядскихъ. Герой драмы—тотъ же Богданъ Хмельницкій, котораго мы видѣли главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ лѣтописи Грабянки. Онъ—носитель идеи освобожденія, потому что глубже другихъ чувствуетъ, до чего „докозаковались" козаки подъ ляхами. Авторъ дѣлаетъ зрителя свидѣтелемъ того момента, когда эта идея только что возникла въ умѣ Хмельницкаго. Вождь козацкій „оплакуетъ козацкую долю и новые совѣты въ умъ пріемлетъ", заканчивая свои размышленія восклицаніемъ:

„Живъ Богъ и не умерла козацкая мати!"

Затѣмъ мы видимъ Хмельницкаго въ толпѣ запорожскихъ козаковъ, къ которымъ онъ обращается съ энергическою рѣчью. Онъ изображаетъ бѣдствія Украины, и каждое слово его потрясаетъ сердца слушателей. Мы видимъ это изъ отвѣта кошевого:

„Поки силы нашея, поки духа стане,
Будемъ себе боронить, вельможный гетмане...
Вѣдаемъ, яко всѣмъ намъ Украина мати:
Кто же не похощетъ руку помощи подати
Погибающей матцѣ, былъ бы той твердѣйшій
Надъ камень"...

Послѣ дружеской встрѣчи съ передовымъ отрядомъ козаковъ, посланныхъ поляками противъ Хмельницкаго, онъ отправляется въ походъ. Горюетъ Украина, томимая неизвѣстностію объ исходѣ рискованнаго дѣла. Она молитъ Бога объ успѣхѣ оружія Богданова. Между тѣмъ появляется Вѣсть съ словами утѣшенія о побѣдѣ Хмельницкаго, а вслѣдъ за нею и самъ Хмельницкій, котораго привѣтствуютъ „дѣти украинскіи, въ училищахъ кіевскихъ учащіися", а отъ лица козаковъ—войсковой писарь:

„Будутъ", говоритъ онъ, „вѣтіи вездѣ тя славити,
Будутъ и ритмотворцы дѣла твоя пѣти
Зъ гисторіографами".

На эти привѣтствія Хмельницкій отвѣчаетъ рѣчью, въ которой выражаетъ задушевныя свои желанія, чтобы козаки жили „въ другoлюбіи и згодѣ", чтобы сильные не обижали слабыхъ

„Кто лѣсокъ добрый или хуторецъ порядный,
Кто ставъ, кто луку, кто садъ имѣетъ изрядный,
Болѣть или завидовать тому не хотите,
Якъ бы его привлащать къ себѣ не ищите".

Онъ умоляетъ ихъ, чтобы они предпочитали желѣзо золоту:

„Зъ сребныхъ полумисъ отцы наши не ѣдали
И зъ золотыхъ пучаровъ они не пивали,
О желѣзѣ старались, желѣзо любили
И велику тѣмъ себѣ славу породили.
Онихъ путемъ идите, онимъ подражайте.
Славы ища, богатство вы за ничто майте.
Сами не купчуйте,
Лука, стрѣлки, мушкета и шабли пильнуйте!
И дѣтей своихъ, скоро отправлятъ науки,
До сей же обучайте козацкои штуки".

Драма заканчивается пророческими словами „Смотрѣнія Божія", обращенными къ Украинѣ: „врази твои,

Оружьемъ не можа острымъ воевати,
Языкомъ много начнутъ на тебе щекати,
Аки грубу въ народѣ тебе поносяще,
Аки наукъ чуждую тебе обносяще,
Но Богъ, тя въ воинской наукѣ и штуцѣ
Прославивый, прославитъ той же и въ науцѣ.
И сіе Коллегіумъ чрезъ Петра Могилу
Основавъ, произведетъ въ толикую силу,
Что отъ него вѣтіи красноглаголивы,
Тонкіе философы, благоглаголивы
Богословы
И ини изрядніе мужіе изыйдутъ".

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе драмы. Проникнута она сословно-козацкими воззрѣніями, которыя, впрочемъ, умѣряются симпатіями автора къ массѣ козацкой, а не къ привилегированнымъ козакамъ. Во всякомъ случаѣ, это одно изъ выдающихся драматическихъ произведеній XVIII вѣка, какъ по реализму въ изображеніи бѣдствій, пережитыхъ малорусскимъ народомъ подъ властію пановъ польскихъ, такъ и по созвучію тона съ тономъ народныхъ малорусскихъ думъ, въ которыхъ можно указать на цѣлыя картины, сжатыя въ краткихъ, энергическихъ выраженіяхъ драмы.

Трагедокомедія Лащевскаго состоитъ изъ пяти явленій, въ которыхъ изображаются пороки современнаго ему общества. Источникомъ этихъ пороковъ было, по мнѣнію автора, оскудѣніе вѣры, которое произошло отъ того, что сперва

„Папа возбѣсися,
Отъ папы Лютръ, отъ Лютра Калвинъ уродися".

Вотъ это тлетворное дыханіе Запада проникло и въ православную церковь, которая въ первомъ явленіи трагедокомедіи сѣтуетъ, что

„Вси пойшли во слѣдъ міра, вси за суетою...
Нинѣ", говоритъ она,
„Живутъ въ мірѣ семъ, аки посредѣ пустинѣ".

Во второмъ явленіи міръ съ торжествомъ указываетъ на свои побѣды. „Я", говоритъ онъ, „аки Богъ, обладаю свѣтомъ", ибо люди поклоняются не Богу, а моимъ кумирамъ—сребролюбію, властолюбію, обжорству и пьянству.

Въ третьемъ явленіи „благодать Божая въ потѣшеніе Церкви и въ укореніе міра будущая воздаянія праведнимъ и грѣшнимъ припоминаетъ". И дѣйствительно, въ четвертомъ явленіи „виходятъ два лица женскаго полу, едина отъ благодати, другая отъ муки, благочестива и злочестива". Оказывается, что это двѣ родныя сестры, изъ коихъ одна въ раю, а другая въ

аду. И вотъ злочестивая разсказываетъ благочестивой, за что она мучится. За то, говоритъ она, что

„по игрищахъ всюду,
По улицахъ, по валахъ разхождахъ повсюду",

за то, что „искусна бѣхъ лстити,

И самима очима умѣхъ говорити",—

что „на умѣ у нея были только „танци да пляси,

Музики, студни лики, бяху по вся часи",—

что „въ перезвахъ, безъ всякаго срама,

Срамословихъ, и воплихъ, и плескахъ рукама...
Вимивахся по всякъ часъ, не ступихъ безъ мила,—
Благовонніе краски, драгіе бѣлила
Устраивахъ на тварѣ, очерня все цвѣти,
Прилѣпляхъ зловонніе мушки на ланиты...
А нинѣ, яко зриши: тваръ оная бѣла,
Какъ жупелемъ геенскимъ, вовся очернѣла".

Въ пятомъ явленіи выступаютъ два юноши, которые были свидѣтелями предыдущаго разговора. „О, если бы", говорятъ они, „сей страшній позоръ всѣмъ былъ видимій!" Тогда пастыри церкви „свято блюли бы свое стадо", судьи не снѣдали бы вдовичого дому", дѣвицы „дѣвство свое не теряли, въ супружествѣ оное бъ чисто сохраняли". Но, замѣчаетъ другой юноша, все это извѣстно уже людямъ изъ писанія.—„Правда", отвѣчаетъ ему собесѣдникъ его, что „въ писаніяхъ (Богъ) открылъ вся пространно", но бѣда въ томъ, что

„Инніи писанія священна и знать не желаютъ,
Да не когда услышатъ, уши затыкаютъ",—

другіе кое-что разумѣютъ, но толкуютъ писаніе въ угоду своимъ „похотямъ растлѣннымъ", третьи

„Букварь только виучатъ единій,
Да когда еще знаютъ что и отъ латини:
Запроси отъ писаній, вездѣ сочиняютъ,
Аки бы всѣхъ мудрѣйши били, притворяютъ,
А спросишъ къ спасенію нужнѣйшаго слова,
Безотвѣтна увидишъ того суеслова".

Въ нынѣшній вѣкъ

„Кощунствуютъ кощуни безстудни,
Гдѣ канти, комплименти слагаются блудни,
Матерія съ писаній кощуномъ готова:
Въ кантахъ студнихъ начало отъ Божія слова,
Въ крайной и тѣ имѣютъ оное огидѣ,
Кои слишаще слово у другихъ въ бесѣдѣ,
Называютъ коею-жъ то пиворѣзнею“...

Итакъ, главный порокъ времени, по мнѣнію автора, заключается въ умственной распущенности его современниковъ, изъ которой произошла распущенность нравственная. Очевидно, рисуетъ онъ картину городскихъ нравовъ, затронутыхъ новыми вѣяніями жизни, которыя проникали въ малорусское общество, по видимому, не прямо съ запада, но съ сѣвера, гдѣ подражаніе французскимъ модамъ при Елисаветѣ Петровнѣ становилось весьма замѣтнымъ явленіемъ общественной жизни. Пренебрежительный тонъ свѣтскости по отношенію къ духовенству, смѣшеніе кіево-могилянской науки съ болтовнею пиворѣзовъ, все это было только началомъ того порядка вещей, который долженъ былъ водвориться въ Малороссіи послѣ того, какъ вопросъ о вѣрѣ сдѣлался только вопросомъ нравственнаго чувства, не зависимымъ отъ историческихъ преданій мѣстной народной жизни. Замѣчательно, что авторъ приписываетъ тому же вліянію моды и шутливыя пародіи пиворѣзовъ, начинавшіяся обыкновенно отъ „Божія слова“. Конечно, это было увлеченіе моралиста, привыкшаго сваливать въ одну кучу всякій соръ жизни, но важно то, что говоритъ онъ подъ впечатлѣніемъ современной ему дѣйствительности, которую, по его словамъ, „видѣть безъ слезъ не мощно“.

Драма Кониескаго „Воскресеніе мертвыхъ“ находится во внутреннемъ родствѣ съ трагедокомедіей Лащевскаго. И тамъ, и здѣсь настойчиво развивается мысль о возмездіи въ будущей жизни. Представители церкви, видимо, были озабочены въ то время

появленіемъ въ малорусскомъ обществѣ матеріалистическихъ воззрѣній, которыя, конечно, имѣли болѣе характеръ легкомыслія, чѣмъ какой бы то ни было серьезной доктрины. Георгій Конисскій во многихъ своихъ произведеніяхъ касается вопроса о безсмертіи души человѣческой: это была, можно сказать, любимая тема его поученій и стихотвореній. Въ одномъ изъ поученій въ день Воскресенія Христова (1787 г.) онъ говоритъ: „воскресеніе Христово есть воскресеніе наше, о чемъ хотя я уже не однажды говорилъ въ радостнѣйшій праздникъ сей, однако и теперь хлѣбъ сей вамъ предложу“ [1]). Пересматривая сборникъ поученій Конисскаго, писанныхъ его собственною рукою, мы нашли, что не въ одинъ „радостнѣйшій праздникъ“ Воскресенія Христова онъ являлся предъ слушателями своими съ хлѣбомъ этимъ—„не скучливымъ на всякій день ядущему“. Такъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ день Новаго года (1788 г.), онъ снова возвращается къ развитію мысли о вѣчности, „числа лѣтъ не имѣющей“. Это одно изъ прекрасныхъ поученій, въ которомъ высказаны тѣ самыя мысли, что и въ драмѣ „Воскресеніе Христово“. „Къ вѣчности“, говоритъ проповѣдникъ, „я рожденъ. Какъ же стану имѣнія собирать, домы огромные безъ потребы созидать, владѣнія распространять, не имѣя въ томъ нужды убѣдителной, особливо, естли тіе домы создаю на развалинахъ хижинъ нищихъ и сиротъ, естли владѣнія моя тягость неудобоносная и разореніе подданнымъ моимъ: принуждаю ихъ мякинами давитися, дабы самъ, продавши хлѣбъ ихъ, пресыщался и упивался въ шумныхъ на всякій день компаніяхъ: пятъ сотъ у мене собакъ гончихъ, да пятъ сотъ и крестьянъ моихъ отъ глада померло. И се ли приуготовленіе къ вѣчности?.. Не помышляю о томъ, что въ вѣчности мнѣ будетъ дѣло не съ собаками, но съ подданными моими, и что они будутъ мнѣ и судіи, и мстители“ [2]). Даже поэтическіе символы вѣчности, какъ въ драмѣ, такъ и въ лирическихъ стихотвореніяхъ Конисскаго, одни

---

[1]) Рукопись кіевской академіи № J, I, 31.

[2]) Ibidem.

и тѣ же. Въ одномъ стихотвореніи, написанномъ еще въ молодые годы, онъ говоритъ:

„Пойди на поле, что можешъ узрѣти?
Всѣ сѣмена суть землею покриты,
Влажной и теплой ради перемѣны
Лежатъ разтлѣнни.
Смотри жъ весною, когда солнце блеснетъ,
Все тое аки отъ гроба воскреснетъ—
Стеблъ, листъ, цвѣтъ и духъ явится повсюду
Не вѣсть откуду.
А какъ будуща вѣка весна станетъ,
Все наше племя отъ гроба встанетъ,
Не вѣсть откуду и въ плоть превратится
И духъ вселится.
И единъ убо вознесется въ славу,
Другій на многихъ воспріимлетъ державу...
Будетъ и Лазаръ, лежавій во гною,
Лежать на ложи вѣчного покою,
Обступятъ его ангели поющи,
Не пси грызущи.
Явятся тогда и грѣшници скверни,
Смрадни, безлични, какъ головня, черни,
Явятся токмо и тотъ часъ исчезнутъ
Въ адову бездну“ [1]).

Въ этомъ стихотвореніи обрисованъ, можно сказать, весь планъ драмы Конисскаго. Начинается она размышленіемъ земледѣльца, который выходитъ на свое поле осматривать весенніе всходы:

„Слава Богу, не дармо весну праціовали
И долини, и горби пашнѣ поровняли:
Не умерло, знать, въ земли зерно а нѣ мало,
Ба умерло все, да все жъ и пооживало“.

Возвращаясь домой, онъ вспоминаетъ слова священника, сказанныя въ церкви, что

[1]) Рукопись кіевской Дух. академіи, № J. III, 32, 3.

„И тѣло наше, хочай гноемъ станетъ,
Но по смерти, якъ зерно, на страшній судъ встанетъ".

Онъ только затрудняется понять,

„Где бы тое тѣло
Взялося, которое на порохъ истлѣло".

Встрѣчаетъ онъ на дорогѣ священника и высказываетъ ему свое сомнѣніе. Священникъ поучаетъ его о праведномъ воздаяніи Божіемъ въ будущей жизни добрымъ и злымъ. Дѣйствіе заканчивается кантомъ, въ которомъ выражается увѣренность, что

„Настанетъ часъ,
Когда всякъ отъ насъ
Воспріиметъ въ награду
Муки чи отраду".

Во второмъ дѣйствіи выступаетъ на сцену нѣкій Гипоменъ, ограбленный Діоктитомъ. Жалуясь въ судѣ на Діоктита, Гипоменъ не нашелъ тамъ правды. Въ отчаяніи отъ преслѣдованій Діоктита, онъ не знаетъ, гдѣ ему „подѣтись". Діоктитъ приказываетъ слугамъ своимъ бросить Гипомена въ темницу.

„ Гвалтъ, панове", кричитъ Гипоменъ, „люде!
Виноватъ ли въ чемъ тебѣ, судъ на тое буде!"

На это Діоктитъ ему отвѣчаетъ,

что „на судѣ и самъ онъ засѣдаетъ",
что будетъ онъ отъ должности „отрѣшенній,
Да будутъ судить его единомысленни,
А буде бы сталъ на мене апелліовать вишше,
И въ вишшемъ судѣ маю патроновъ излишше.
Нехай толко кто схощетъ правду защищати,
А сей мой Юда малой (при этомъ Діоктитъ „капшукомъ трусить") можетъ доказати:
Ослѣплю очи дармы, руцѣ плѣню мздою".

Не желая, однако же, съ „харпакомъ" судиться, Діоктитъ рѣшается избрать простѣйшій путь для уничтоженія своего безсильнаго противника:

„Лучше", говоритъ онъ, „прибю его въ смерть, а тое самое
За голову заплачу, а хочай и вдвое".

Въ третьемъ дѣйствіи „Терпѣніе" проситъ Бога Гипомену „отъ бѣдъ освобожденія", „Діоктиту же отмщенія", а „Отрада" обѣщаетъ, что то и другое наступитъ для нихъ въ будущей жизни. Тамъ, говоритъ она, Богъ

„За лѣсокъ воздастъ прекрасній рай цѣлый,
За млинокъ превиспренная круги со свѣтили,
За пляцикъ узкій, за домокъ убогій
Отведетъ въ небеснія жилища чертоги".

Въ четвертомъ дѣйствіи избитый и измученный Гипоменъ умираетъ. Хоронятъ его нищіе и, въ благодарность за его щедролюбіе, когда онъ былъ въ счастіи и въ довольствѣ, „высыпаютъ" надъ нимъ „большую могилу". Между тѣмъ, и дни Діоктита уже сочтены. Зиболѣлъ онъ отъ пьянства, при чемъ ему кажется, что онъ

„Не лишнее выпилъ—по гавсту въ началѣ
Водки сердечной съ другомъ испили, а далѣ
Вина, може, съ полу вѣдра, наконецъ—сливянки
Росхожои не болшъ было, какъ по чтири склянки.
Да се же не первина пить, и поболшъ пивалось,
Теперь мнѣ не вѣдаю, что такое сталось.
Дайте мнѣ толко водки и мякое ложе,
Какъ випю (sic), а ось мнѣ поможе".

Не помогла водка и мягкое ложе. Умеръ Діоктитъ въ страшныхъ мукахъ.

Въ пятомъ дѣйствіи оба противника, подобно евангельскому богачу и убогому Лазарю, встрѣчаются на томъ свѣтѣ. Горько жалуется Діоктитъ на свою печальную участь:

„Поплывутъ лѣта, аки краткіи години,
А грѣшникамъ не будетъ въ мукахъ перемѣни.
Протекутъ тисящами и тмами темъ вѣки,
А грѣшніи пребудутъ въ адѣ человѣки,
Не станетъ числа далѣй, забудетъ начатку,
А и тогда не дождемъ мученій остатку".

Въ рукописи, напечатанной Тихонравовымъ, есть *прологъ* и *эпилогъ*. Въ этомъ послѣднемъ авторъ утверждаетъ „свободно“, что произведеніе его съ священнымъ писаніемъ „сходно“, и проситъ „прощенія“ за „прегрѣшенія“. Можно утверждать также, что не менѣе сходно оно съ малорусскою дѣйствительностью того времени, когда на всемъ пространствѣ Малороссіи сильные люди, безъ всякаго суда и права, съ *гвалтовнымъ* нападеніемъ, захватывали у слабыхъ поля, луга, лѣса, млины и всякое добро. Такимъ образомъ, драма Конисскаго по реализму содержанія, взятаго изъ мѣстной жизни и воспроизведеннаго талантливо и правдиво, можетъ стать рядомъ съ драмой „Милость Божія“. Конисскій достигъ своей цѣли, о которой говоритъ въ прологѣ:

„Комѣковъ свойственная должность сицевая —
Еже учить, въ обществѣ нравы представляя.“

И дѣйствительно, во всѣхъ этихъ драмахъ есть нѣчто поучительное не только въ смыслѣ общей христіанской морали, но и въ національно-общественномъ смыслѣ. Въ трагедокомедіи Ѳеофана Прокоповича мы видимъ усиліе связать въ одну цѣльную картину современную жизнь Кіева съ его отдаленнымъ прошлымъ. Драма заканчивается появленіемъ въ ангельскомъ хорѣ апостола Андрея, который въ пророческомъ видѣніи разсказываетъ о судьбѣ „любимаго“ имъ „града Кіева“, о „вѣтвяхъ корене святаго“ Борисѣ и Глѣбѣ, о двухъ „свѣтлыхъ мужахъ“, которые „въ горахъ себѣ глубокія ями копаютъ изсохшими отъ поста руками“, о Батыѣ, въ рукахъ котораго „мечъ огненный“, отъ коего будетъ Кіевъ „исѣченный“, о мужахъ „премудрихъ, учительныхъ, къ тому и храбрихъ, въ брани многодѣльныхъ“, которые возстановятъ славу Кіева,—наконецъ, о современныхъ автору представителяхъ могущества и силы русскаго государства Петрѣ Великомъ и Мазепѣ. Апостолъ заканчиваетъ свою рѣчь молитвой къ Богу, чтобы Онъ подалъ

„Брань всегда побѣдну,
Здравіе, державу, тишину безбѣдну

Царю Петру, отъ Бога вѣнчанну,
И его вѣрнѣйшему вожду Іоанну [1]".

То же историческое самосознаніе, на почвѣ уже малорусскихъ преданій, болѣе близкихъ къ моменту появленія драмы, проходитъ и чрезъ всю драму „Милость Божія", въ которой прославляется Богданъ Хмельницкій за то, что онъ былъ

„Дѣлъ предковъ своихъ теплый подражатель,
Древней козацкой славы соблюдатель",—поэтому
„Ляховъ викторъ преславный явися,
Побѣдамъ же его весь міръ удивися".

Наконецъ, въ драмахъ Варлаама Лащевскаго и Георгія Конисскаго мы видимъ уже современную авторамъ малорусскую жизнь, къ которой оба относятся съ трезвымъ и честнымъ реализмомъ. Въ этой смѣнѣ одной темы другою мы видимъ въ лучшихъ представителяхъ малорусской драмы стремленіе внести ясный свѣтъ мысли въ общественное самосознаніе.

П. Житецкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Трагедокомедія написана была еще до измѣны Мазепы. Послѣ полтавской битвы имя Мазепы замѣнено было словами: *Христовъ рабъ* (См. Тихонравова «Трагедокомедія Θеофана Прокоповича» въ Журналѣ Министерства Народнаго просвѣщенія 1879 г., Май, стр. 58).

Малорусское слово „паляныця" и греческое „ΠΈΛΑΝΟΣ".

Указывая на чередованіе въ малорусскомъ языкѣ звуковъ *е* и *я*, г. Крымскій въ числѣ другихъ словъ, въ которыхъ наблюдается такое чередованіе, помѣстилъ и слово *паляныця* [1]. Отъ какого корня производитъ авторъ это слово, неизвѣстно; поэтому и не видно основаній, почему онъ находитъ въ этомъ словѣ чередованіе звуковъ *е* и *я*.

Съ своей стороны, я нахожу, что въ словѣ *паляныця* звукъ *я* коренной, а не альтернація звука *е*, и въ доказательство такого заключенія могу привести слѣдующіе доводы. У великороссовъ Воронежской губ. это слово звучитъ чаще всего, какъ *пеляница*, и рѣже—какъ *паленица* или *пеленица*. Послѣдняя форма замѣчена В. И. Далемъ и въ Тамбовской губ. Рядомъ съ этимъ, *пеляница* у великороссовъ Воронежской губ. называется *пирогомъ* или *пирожкомъ*. Отъ обыкновеннаго ржаного хлѣба этотъ пирожокъ отличается тѣмъ, что его пекутъ изъ просѣянной, чаще ржаной, муки и небольшого размѣра, тогда какъ обыкновенный хлѣбъ, *коврега* или *корвега*, печется большой и изъ муки совсѣмъ непросѣянной.

У малороссовъ же Воронежской губ. *паляныця* печется изъ пшеничной муки или изъ пшеничной въ смѣси съ ячменной или ржаной, или изъ одной ячменной и гречневой. Въ послѣднемъ случаѣ она называется *яшныкомъ* или *грычаныкомъ*. Въ прежнее

[1] *Крымскій А.*, Филологія и Погодинская гипотеза; «Кіевская Старина», т. LXIV, стр. 11.

время приготовляли, преимущественно на поминки и на *Голодну* и *Багату Кутю*, еще особую паляницу подъ названіемъ *кнышъ* [1]) представляющую собою розанъ, т. е. лепешку съ загнутыми вверхъ и придавленными почти къ центру краями. Кнышъ, точно такъ же какъ и поминальная паляница, обыкновенно намазывался сверху масломъ, медомъ, сырымъ яйцомъ, которое, конечно, запекалось, и, наконецъ, истолченнымъ, просѣяннымъ и разведеннымъ водою *коноплянымъ симнямъ*, преимущественно въ постные дни, при отсутствіи меда и масла.

Къ кнышу по формѣ нѣсколько подходитъ великорусская вотрушка съ тѣмъ различіемъ, что она значительно меньше кныша, и сверхъ того въ ней загнутые вверхъ края пригибаются возможно далѣе отъ центра, предохраняя такимъ образомъ полагаемый на лепешку сыръ отъ скатыванія. У великороссовъ лепешка сгибается и просто вдвое, представляя собой полукругъ или сегментъ, внутри котораго кладется лукъ, пережаренный въ постномъ маслѣ. Такое печеніе, приготовляемое обыкновенно въ постные дни, по-великорусски называется также *пирогомъ*, а по-малорусски это *стулень*. У малороссовъ по своей формѣ стульню соотвѣтствуетъ вареныкъ, хотя послѣдній значительно меньше стульня, и не печется подобно ему, а варится преимущественно съ сыромъ [2]).

Такимъ образомъ, почти всѣ роды приведенныхъ печеній восходятъ къ лепешкѣ, которой придается та или другая форма.

Обращаясь къ греческой терминологіи, мы тамъ находимъ слово πέλανος, подъ которымъ разумѣлись жертвенные пирожки, лепешки и вообще жертвенное печенье или возліяніе. У насъ съ греческими πέλανος имѣетъ созвучіе еще и слово *блины*. У спартанцевъ хлѣбъ былъ обыкновенно ячменный и плоскій въ видѣ нашихъ блиновъ.

---

[1]) Отъ глагола *гнуты*. Ср. *кныга* вм. *гныга*.

[2]) Объ обрядовомъ значеніи вареника, какъ символа луны, подробнѣе сказано мною въ предисловіи къ программѣ для собиранія свѣдѣній объ улицѣ, вечерницахъ и складкахъ, помѣщенной въ т. I «Етнольокгичныхъ Матерыяливъ».

II.

Подобно греческимъ πέλανοι, и наши паляницы, или замѣняющія ихъ лепешки (перепички) и блины имѣютъ обрядовое значеніе. У грековъ ежемѣсячно выставлялись на перекресткахъ трехъ дорогъ, гдѣ порхала богиня луны Геката въ сообществѣ съ Эриніями и душами умершихъ, а также передъ домами и въ домахъ, *Гекатина вечеря*, δεῖπνον Ἑκάτης. При этомъ существовало такое чередованіе: три послѣднихъ дня каждаго мѣсяца посвящены были душамъ умершихъ и подземнымъ богамъ, къ числу которыхъ принадлежала и Геката, а первое число каждаго мѣсяца—богу солнца Аполлону. Такимъ образомъ дни, посвященные душамъ умершихъ, всегда предшествовали днямъ, посвященнымъ богу солнца.

У насъ этому чередованію соотвѣтствуетъ поминовеніе умершихъ обыкновенно въ субботу [1]), т. е. въ день, предшествующій Воскресенію Христа, на котораго народная мысль перенесла повѣрья, относящіяся къ Аполлону, какъ это видно, напр., изъ многихъ нашихъ заговоровъ.

Въ жертвоприношеніяхъ, какъ и въ самой греческой миѳологіи, наблюдаются пережитки того періода, когда мущины, съ одной стороны, и женщины съ дѣтьми—съ другой представляли особые союзы и когда женщины питались продуктами

---

[1]) Изъ *родительскихъ* субботъ у насъ наиболѣе извѣстна *Дмитріевская*. Для выясненія смысла этого имени достаточно слѣдующихъ словъ А. А. Потебни: «О связи Деметры съ подземельнымъ міромъ говоритъ ея эпитетъ χθονία и первоначальное тождество съ дочерью Персефоны, царицею подземнаго міра, и Эриніями. Ей приносились жертвы при похоронахъ. Въ Афинахъ умершія назывались Δημήτριοι, что указываетъ на пребываніе ихъ у Деметры». (*Потебня*, о миѳич. знач. нѣкот. обряд. и повѣр., стр. 197—8). Слово Δημήτηρ обыкновенно принимается за альтернацію первоначальнаго Γῆ-μήτηρ= «Мать Земля»; я же полагаю, что Деметра, отождествлявшаяся съ Персефоной, какъ «Небесной Матерью», и сама могла приниматься за «Небесную Мать», Δία Μήτηρ въ параллель къ «Небесному Отцу», Ζεὺς (v. Δήν) Πατήρ.

домашняго хозяйства, земледѣлія и рыбной ловли, а мущины—продуктами охоты. И въ самой греческой жизни еще въ историческое время существовали пережитки этого періода, заключавшіеся въ спартанскихъ и критскихъ общественныхъ обѣдахъ, или сисситіяхъ, въ которыхъ принимали участіе только мущины, тогда какъ женщины, каждая порознь, обѣдали у себя дома. Естественно поэтому, что хтоническія божества, преимущественно женскаго пола, получали въ жертву то, что могла дать женщина, а ураническія божества, преимущественно мужскаго пола, получали мясную жертву.

Въ частности же родъ жертвъ у грековъ опредѣлялся тѣми или другими свойствами боговъ и богинь, ихъ именами и прозвищами. Такъ, Гермесъ и Діонисъ назывались *Подземными* Ἐρεμβεῖς, а вслѣдствіе смѣшенія словъ Ἔρεβος=„Подземное царство“ съ ἐρέβινθος и ὄροβος=„горохъ“, прозвище Діониса Ἐρεμβεὺς превратилось въ Ἐρεβίνθιος или Ἐρεβίνθινος, а также въ *Царя-Гороха*, Ὄροβος, русскихъ сказокъ и въ *Торопа*, слугу Александра Поповича въ Никоновской лѣтописи подъ 1216 г. [1]).

[1]) Къ Александру Поповичу въ этомъ случаѣ пріурочена миѳологія, относящаяся къ Гермесу, сыну *Папы* (=«Великой Матери»), имѣвшему прозвище ἀκάκιτα, ἀλεξίκακος=«отвратитель зла». По великорусскимъ же былинамъ слуга Алексѣя Поповича называется *Якимомъ Паробкомъ*, Ἴακχος Κόρος, т. е. именемъ того же Діониса.

Въ малорусскихъ колядкахъ, разсказывающихъ объ отгадываніи дѣвицею загадокъ, предлагаемыхъ молодцомъ, Гермесъ называется по имени матери то *Поповичемъ*, т. е. сыномъ Папы (*Голов.* IV 171), то *Маемъ* или *Майномъ* (*Купчанко*, пѣсни № 331), т. е. сыномъ Маи (Μαιαδεύς), и, конечно, потому что имена Πάπα и Μαία первоначально были нарицательными и имѣли одно и то же значеніе „Великой Матери“. На тождество Папы и Маи указываютъ и великорус. былины, гдѣ подъ этими двумя именами извѣстно одно лицо: *Бабища-Мамаишна*. Повтореніе корня въ словѣ *Мамаишна* представляетъ первобытный способъ усиленія качества, и слово *Мамаишна* поэтому означаетъ «Весьма Великую Мать». Ср. малорус. бранное названіе великороса *кацапъ* (вм. *какапъ*)=„козлище“ и рядомъ *цапъ* въ томъ же значеніи (напр. въ разсказахъ М. Т. Симонова о Бѣлокопытенкѣ) отъ латин. caper=«козелъ». Въ Воронежѣ въ 80-хъ годахъ длиннаго и въ то же время тонкаго актера по имени Тихона шутя называли *Титиша*, вм. *Тиша*.

Такое искаженіе прозвища послужило къ тому, что на третій день установленнаго въ честь Діониса праздника Анөестеріи, извѣстнаго подъ названіемъ *Горшечнаго* праздника (Χότροι), приносились въ жертву подземному Гермесу и душамъ умершихъ вареныя стручья. Повидимому здѣсь было принято во вниманіе и другое созвучіе: Ἐρεμβεύς=„Эребецъ" и Κεραμεύς=„Горшечникъ" [1]).

А такъ какъ жертвы хтоническимъ божествамъ Греціи приносились обыкновенно вечеромъ, то отсюда и у насъ пережитокъ этого обычая, заключающійся въ требованіи на *Святъвечиръ*, подъ Рождество, употреблять горохъ, фасолю и чечевицу, какъ въ видѣ особыхъ *стравъ*, такъ и въ видѣ *начынкы* въ пирожкахъ, и воздерживаться отъ ѣды *до звизды* [2]).

Что касается Гекаты, богини луны и ночи, то ей приносили въ жертву особенно любимыя ею яства: лукъ, яйца, проскурнякъ (malva), плохой сортъ рыбы, именно: бѣшакъ (μαινίδες) и краснобородокъ (τριγλίδες), а также собакъ (κύων) и медъ (μέλι).

Употребленіе въ жертву Гекатѣ лука, яицъ ц проскурняка, очевидно, обусловлено ихъ круглой формой, какъ симво-

---

[1]) Въ Аөинахъ былъ извѣстенъ герой по имени Κέραμος, сынъ Діониса и Аріадны.

[2]) Ср.: Hic suut ludi Romani communes in Kalendis Ianuarii. In vigilia Kalendarum in sero surgunt pueri et portant scutum. Quidam eorum est larvatus cum maza in collo; sibilando sonant timpanum, eunt per domos, circumdant scutum, timpanum sonat, larva sibilat. Quo ludo finito, accipiunt munus a domino domus, secundum quod placet eï. Sic faciunt per unamquamque domum. *Eo die de omnibus legumïnibus comedunt.* (*Ducange,* Glossarium med. et inf. latinitatis, a. v. *Kalendae januariae*).

Перев. «Здѣсь въ Январьскія Календы происходятъ общія Римскія игры. Наканунѣ Календъ мальчики встаютъ рано утромъ и носятъ щитъ. Одинъ изъ нихъ замаскированъ, съ лепешкой на шеѣ. Со свистомъ бьютъ они въ барабанъ и, переходя изъ дома въ домъ, становятся вокругъ щита. Барабанъ гремитъ, маска свиститъ. По окончаніи этой игры, они получаютъ отъ хозяина дома въ подарокъ, что тотъ соблаговолитъ дать. *Въ этотъ день ѣдятъ всякіе стручковые плоды*».

ломъ луны и звѣздъ, пожираемыхъ луною; приношеніе же въ жертву бѣшакъ, краснобородокъ, меду и собакъ—прозвищами Гекаты: Κύων (вм. Κύμνη', Κεχύμνη', Κεχαυμένη=„Огненная")=„Собака", Μανία=„Бѣшеная",[1]). Τρίγλινος, Τριγλανθίνη и Μελαινίς=„Темная" [2]).

Такимъ образомъ всѣ приведенныя выше составныя части нашего обрядоваго хлѣба уже въ древней Греціи составляли предметы жертвоприношеній въ честь хтоническихъ божествъ.

Паляница и кнышъ, какъ я уже сказалъ, въ видѣ обрядового хлѣба употребляются на поминкахъ; въ слоб. Борисовкѣ Валуйскаго у., какъ и въ другихъ мѣстахъ, во время совершенія панихиды на кладбищѣ, паляницы, вмѣстѣ съ кутьею, ставятъ на могилу умершаго [3]). Всякая панихида вообще, и на кладбищѣ въ особенности, народомъ и до настоящаго времени понимается въ смыслѣ матеріальнаго кормленія душъ умершихъ, о которыхъ разсказывалъ еще Гомеръ въ Одиссеѣ. По этому поводу одинъ изъ моихъ корреспондентовъ говоритъ слѣдующее:

„На просвити и въ аду, якъ *Хрыстосъ Воскресъ* заспиваюнь, такъ царство растворяется, ажъ ув адъ свища, а вси чортй ныць лежать. Теперъ хто умре на святкахъ, такъ щасливый, пйде прямо у царство того, що на дорози до царства ныма чортивъ: уси попадалы, лыжать ныць, царство ны зачыныто, такъ прямо душа иде у царство.—А що поминають на проводы, такъ та мылостыня дохôды ажъ ув адъ, іи нйкому

---

[1]) Такое прозвище представляетъ искаженіе первоначальнаго Μᾶ Νηΐς=«Молодая Мать». Это объясненіе можно приложить и къ латин. Mania, имени матери Ларовъ. Въ такомъ случаѣ и прозвища Эриній: Μανίαι и Εὐμενίδες (вм. *Ἐωμηνηΐδες), равно какъ латин. Manes (sc. dii), первоначально должны были означать «дочерей Молодой Матери», или «Молодой Матери Зори».

[2]) Ср. м.-рус. названія звѣздъ: «зори», «зирныци»=«дочери зори»?

[3]) Лѣтомъ 1898 г. на екатеринодарскомъ кладбищѣ я видѣлъ оставленными на могильной плитѣ пирожки съ вареньемъ.

ыспынять, цыю тилко и жывуть увесь годъ того мертви родычи, хто пра́вы панафыду та дайе мылостыну. У кого ны багато родычывъ, такъ такы довшъ йидять, поди́лять: а якъ у кого багато, то уфатять по кусочку, та такъ ото и жывуть увесь годъ голодни: отъ воны и мучатся. Такъ треба побилшъ давать мылостыны, опроче яець: у яйци дванадцять мылостынь [1])". (1899. Сл. Попасная Богучарскаго уѣзда. Рукопись кр. А. А. Суботы).

Тотъ же смыслъ имѣетъ и оставленіе въ мискѣ съ ложками кутьи, накрытой паляницей или кнышомъ „на покути" и въ рождественскую ночь.

Сюда же относится обычай носить подъ Рождество кутью, пирожки и двѣ паляницы „хрещеному батькови", „хрещени матери" и „баби". Обычай этотъ въ сущности представляетъ видоизмѣненіе жертвы, извѣстной подъ именемъ „Гекатиной вечери", обусловленное тѣмъ, что слово „хрещеный" произведено не отъ слова „перекрестокъ", σταυροδρόμος, а отъ глагола „крестить".

Обычай, аналогичный ношенію вечери „хрещеному батькови" и „хрещени матери", хотя по другому поводу, наблюдается у бѣлоруссовъ. Тамъ для излѣченія человѣка отъ болѣзни, приписываемой дѣйствію нечистой силы, употребляется слѣдующій заговоръ:

„Прошу я васъ, Адамя (=Адаме) съ отцами, зъ дзицями, кабъ вы ласкавы былі́, мою хлѣбъ-соль принялі́ и молитву принялі́ и рабу божаму етому помочи да́ли. Выговарюю я раба божаго при ясныхъ зоряхъ, при цёмныхъ лѣсахъ, при быстрыхъ рѣкахъ, при торныхъ шляхахъ". Все это надъ *хлѣбомъ* и солью, сложа руки, „три разы по дзевяць переказать", затѣмъ отнести *Доброхоту* „на ростаньки" (σταυρόδρόμος). Стать тамъ, заложить руки на спину, „кабъ не перякститца", и по три раза на переднюю и боковыя дороги поклониться до земли и сказать три раза: „Святъ Доброхотъ, хлѣбъ-соль прими и раба божаго про-

[1]) Припомнимъ, что яйца приносились въ жертву и Гекатѣ, царицѣ двѣнадцати годовыхъ мѣсяцевъ.

сьци". И на переднюю дорогу хлѣбъ положить въ чистой тряпочкѣ. (*Романовъ*, Бѣлорус. Сборн. V, 39 № 8).

Подъ *Адамомъ* здѣсь разумѣется „Неумолимый Гадесъ", Ἀδάμας (v. Ἀδάμαστος) Ἀΐδης (Theocr. 2, 34; Hom. Il. 9, 158), Доброхотъ—Πλούτων Εὐβουλεύς, т. е. онъ же; отцы и дѣти—очевидно обитатели Эреба.

Малорусскій „хрещеный батько", которому носятъ кутью съ паляницами, соотвѣтствуетъ бѣлорусскому Доброхоту, имѣющему право на названіе „хрещеного" въ томъ отношеніи, что, по мысли заклинателя, онъ долженъ явиться за принятіемъ приносимой жертвы на перекрестокъ, на *крестовую* дорогу.

Въ великорусскихъ былинахъ о Василіѣ Буслаевичѣ крестнымъ отцомъ обыкновенно является новгородскій „Старичищо Андронищо" (*Гильферд*. №№ 44, 141), въ нѣкоторыхъ варіантахъ называемый „Старцемъ Приугрюмищемъ", или „Пилигримищемъ" (*Тихонр.*, *Миллеръ*, II, №№ 61, 64), а въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ—„Отцомъ" или „Владыкой Черниговскимъ" (*Гильф.* №№ 9, 52). Кромѣ того, имя Андроника, какъ родного отца богатыря, упоминается въ одной изъ греческихъ былинъ (*Дестунисъ*, Разысканія о греч. богат. былин. № 14).

Для объясненія приведенныхъ именъ слѣдуетъ исходить изъ того, что великорусскія былины заимствованы у грековъ, и что на греческой почвѣ они возникли еще въ періодъ матріархата, когда родословная велась по женской линіи, и богатыри поэтому должны носить родовыя имена нѐ отцовъ, а матерей.

Съ этой точки зрѣнія Василій Буслаевичъ является сыномъ Буславки, которая въ малорусской думѣ называется *Поповной Марусей Богуславкой* (Πάπα, Μᾶ Ῥέα, Θεά Σελάνα), подъ именемъ которой слѣдуетъ разумѣть отождествлявшуюся съ Реей-Богородицей „Великую Мать" Селену, богиню луны [1]).

Имя *Василій* въ данномъ случаѣ—передѣлка нарицательнаго βασιλεύς=„царь". Изъ Ипатьевской лѣтописи мы знаемъ,

---

[1]) Въ вульгарномъ говорѣ Воронежской губ. слово «богословы» произносится какъ «буслай». Отсюда семинарская шутка:

— Мужичекъ, каво везешъ?—Буслаёфъ!—А што ета за буслай?—Цырковнайи вешши!

что этимъ именемъ называется Царь-Солнце, сынъ С(а)вароговъ. Въ былинахъ же мать Василія Буслаевича называется Омельѳой Тимоѳеевной. Слѣдовательно, помимо имени Богуславки, мы должны считаться еще съ двумя: Омельѳой и Саварогомъ.

Имя *Омельфа* (по др. былинамъ, *Мамельѳа, Памельѳа, Намерѳа, Наперпа* и т. д.) есть искаженіе греч. прозвища богини Аѳины Μαμέρσα или Μαμέρθα [1]), имя же самой Аѳины, Ἀθαναία, первоначально должно было представлять только сложное имя „Молодой Богини Зори“, Αὔ' (Αὔως) Θᾶ (Θεά) Ναΐς (Νεανίς) [2]). Съ такимъ заключеніемъ согласуется и имя *Сварогъ*.

Обыкновенно это имя понимается въ смыслѣ неба, по производству отъ санскритскаго svarga=„небо“. Однако же сопоставленіе в.-рус. былинъ съ сказками и м.-рус. колядочными припѣвами приводитъ насъ къ тому заключенію, что имя Сварогъ въ данномъ случаѣ восходитъ къ греч. имени: Ἄνασσα Αὔωρ (дорич. формѣ отъ Αὔως)=„Царица Зоря“, которое смѣшано съ созвучными: Ἄνα' Σαῦα=„Царица Небесная“, Ἀνα' Σοφά=„Премудрая Царевна“ и т. д. Отъ формы Αὔωρ произошло и имя *Сварогъ*, какъ имя отца Царя-Солнца, представляющее передѣлку на русскій ладъ греческаго Σαυώροχος (Σιὰ Αὐώροχος) =„Богиня Владычица Зори“.

Однако же никогда не слѣдуетъ забывать, что богиня Зори, будемъ ли мы за нее принимать Афродиту, Розоперстую Киприду, богиню утренней и вечерней звѣзды, или же Эосъ, отождествляясь съ богиней Реей и называясь Наядой Ναΐς, Νέη, въ то же время носила имя *Матери*, понимавшееся въ этомъ случаѣ какъ ея прозвище, независимо отъ ея родства съ тѣмъ или другимъ богомъ. Съ забвеніемъ же первоначальныхъ семейныхъ отношеній, возникшихъ въ періодъ матріархата, родовое имя стали принимать не за имя матери, а за имя отца [3]).

---

[1]) Mamersa Laphria, Lycophr. 1417.

[2]) Ср.: м.-рус. колядочный припѣвъ: «Авъ Ней (v. Нейи), Авъ Молоденькый, Авъ Ней», Αὔ Νέη, Αὔ Ναΐς, Αὔ 'Νέη, т. е. «Молода Зоря, молоденька Зоря, молода Зоря» (*Голов.* II, 76, 77, 81 et pass.).

[3]) Впрочемъ, есть основаніе думать, что въ переходный періодъ ломки матріархальнаго общественнаго строя, подъ вліяніемъ возни

Эти общія положенія одинаково примѣнимы и къ былинѣ о Василіѣ Буслаевичѣ: его „Крестный Отецъ Старичищо Андронищо", внѣ всякаго сомнѣнія, первоначально назывался не „Крестнымъ Отцомъ", а „Крестною (!) Матерью", *Σταυρόπαπα (вм. *Σαυρόπαπα) по имени Ἄνα' Τ'ρῶ [Ἄνασσα Τειρῶ] Νηΐς= „Молодая Звѣздная Царица [1])", причемъ смѣшаны слова Πάπα= „Великая Мать" и πάππος—„Старичищо".

Чередованіе имени Андронища съ именами: *Пригрюмище* и *Пилигримище* не только не противорѣчитъ сказанному, а наоборотъ подкрѣпляетъ его. Изъ этихъ двухъ альтернацій одного и того-же имени первоначальнымъ слѣдуетъ признать альтернацію *Пилигримище*, представляющую переводъ греч. Ὀδαία или Ὀδαλίσκη; послѣднее же имя есть искаженіе первоначальнаго прозвища, пріурочиваемаго подземнымъ божествамъ: Ἀϊδωνεὺς Οὐδαῖος (или Οὐδαία)=„Подземный слѣпецъ" или „Подземный Гадесецъ" („Подземная Гадесянка"). Въ великорусскихъ былинахъ это двойное прозвище отразилось въ двойныхъ же или одиночныхъ име-

---

кавшаго патріархальнаго, и самая греч. миѳологія была передѣлана, при чемъ подвиги древнихъ богинь были приписаны богамъ: этимъ санкціонировались вновь возникавшія общественныя и семейныя отношенія. (Къ такой тактикѣ впослѣдствіи прибѣгали еретики, сочиняя апокрифы для подтвержденія своихъ ученій). Этимъ объясняется и отразившееся въ в.-рус. былинахъ превращеніе греческихъ богинь въ богатырей. Такъ, богиня Аѳина въ Одиссеѣ является только покровительницей героя, а въ былинахъ она оказывается уже матерью тождественнаго съ Одиссеемъ Добрыни (Ὀβριμόθυμος), называясь то Омельѳой Тимоѳеевной, Μαμέρθα Τίμια Θεά, то Никитой Романовичемъ, Νίκη Ῥωμαθέα, т. е. Сильной Побѣдительницей. (Сила и разумъ—отличительныя черты Аѳины). Точно также Царица Аѳина, Ἀθαναΐς Ἄνα', въ былинахъ превращается то въ Дона (Τάναϊς), то въ Луная (id.!) Ивановича; Аѳина-Ключница, Ἀθαναΐς Κληδοῦχος,—въ Дуная-Ключника, Τάναϊς (!) Κληδοῦχος; Аѳина-Амазонка, Ἀθ. Ἱππία,—въ Дуная-Конюха, Τάν. Ἵππιος; Сильная Аѳина, Ἀθ. Κραταιά,—въ Дуная-Чашника, по смѣшенію словъ: κράτορ (дорич. форма)=«сила» и κρατήρ= «чаша».

[1]) Самыя звѣзды въ великорусскихъ былинахъ носятъ названіе камней—*тироновъ*.

нахъ; *Соловей Разбойникъ* ('Αηδὼν 'Οδαῖος), [1]). *Соловей Будимировичъ* („Αηδών Οὐδεμία, вм. Οὐδινηῖς=„Подземная Наяда"), [2]) *Одолище* или *Идолище* ('Οδαιΐσκη=„Пилигримище"), *Чевъжа* (по производству слова Αἰδωνεὺς не отъ корня ειδ-=„видѣть", а отъ корня οιδ-=„вѣдать"); въ в.-рус. сказкѣ—въ имени *Невидимаго „Никто"* (Αἰδωνεὺς Οὐδεμία; *Аѳан.* № 122); въ малорусскомъ же варіантѣ этой сказки (*Чуб.* II, № 74)—въ имени *Юрзы—Мурзы* (Μαυρὰ Σιά=„Темной Богини"), изображающей *Падло*, Οὐδεμία [3]).

Выраженіе: *Владыка Черниговскій* въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ, повидимому, есть переводъ греческаго Δεσπότις Μαυρά, имени Персефоны, а имя *Отецъ Черниговскій*—переводъ греческаго Πάπα (=„Великая Мать") Μαυρά.

---

[1]) Ср. былинное выраженіе: «разбойнички-придорожнички».

[2]) Подобно этому слово νηῖς=«наяда» искажено въ μοῖα=«муха» въ прозвищѣ Аѳины и Афродиты Κονάμοια=«Песья Муха», первоначально Κομένη (=καομένη), Νηΐς=«Огненая Наяда». Такая этимологія подкрѣпляется другимъ прозвищемъ Аѳины 'Αλαλκομενηΐς, отъ ἄλια=«свѣтлая», κωμένη, или καομένη=«горящая», «огненная» и νηῖς=«наяда».

Прозвище Гекаты Σκύλλα=«Сука», очевидно, также представляетъ искаженіе слова, произведеннаго отъ σιά=«богиня», κυ—, καυ=«огненная» и ἄλια= свѣтлая». Имена в. рус. Костромы (*Καυστρομᾶ) и латышской *Kuhta* или *Kohta* (Κωμᾶ, Κομᾶ), какъ извѣстно, также связаны съ обрядами, въ которыхъ употребляется огонь. Кромѣ того, Геката въ в.-рус. сказкахъ носитъ имя: «Баба Яга, Костяная Нога», Πάπα 'Εκά', Κωστὴ (Καοστὴ) Βάσις, т. е. «Великая Мать Геката, Горючее подножіе (Луна)».

Чередованіе слоговъ *nV* и *mV*, *nVmV* и *mVnV* (V.=Vocalis) наблюдается въ словахъ Οὐδεμία и Κονάμοια, вм. Οὐδινηΐς, Κομενηΐς, принадлежитъ къ явленіямъ общечеловѣческой фонетики. Ср. испан. *Adán* вм. *Adam*, франц. *nappe*, *nèfle*, изъ лат. *mappam*, *mespilum* (*Passy*, Étude sur les changm. phonet., § 335); м.-рус.: *намысто*, *намастырь*, *окомонъ*, вм. *монысто*, *манастырь*, *окономъ*; греч. падежн. окончанія: —ον, —ην, —αν при лат.: —*um*, —*am*.

[3]) Ср. греч. выраженіе: οὐδεμία εἰμί=«быть мертвой», «буты падломъ».

Изъ сказаннаго можно заключить, что многія греческія нарицательныя имена, употребляясь въ смыслѣ собственныхъ, послужили къ тому, что богини, ихъ носящія, принимались за отдѣльныя личности, и изъ одной богини такимъ образомъ дѣлалось нѣсколько. Тотъ-же процессъ наблюдается и у насъ, гдѣ Марія, мать Іисуса, называется не собственнымъ, а исключительно нарицательными именами: „Богородыця", „Божа Маты" и пр. По этому поводу одинъ изъ моихъ корреспондентовъ говоритъ: „Богородыцивъ багато, ны одна: Казанська, Неопалыма, Смоленська, Иверська; Богородыця Тройця—це все Маты Божа". (VI. 1893. Сл. Попасная Богучарск. у. сообщ. кр. А. Субота). [1])

Въ своей статьѣ „о царскихъ загадкахъ" (Этногр. обозр. кн. XXXI, стр. 57), я указывалъ на то, что, по словамъ Лактанція, древними поэтами богиня луны изображалась стоящей на планетѣ луны съ любимымъ младенцемъ, который отъ стыда

[1]) Этимъ объясняется и смѣшеніе личностей греч. богинь Артемиды и Афродиты. Ср. у. Гомоля:». Utraque dea vim naturae exprimit, qua res gignuntur, et crescunt, pereuntque; utraque ex asiatico fonte manavit, sive Assyrii numinis Anat, seu Phoenicae Astartes germana creditur; utraque cum sole et luna, luce et tenebris necessitudinem obtinet, ac triplex imperium occupat superioris mundi, et huius nostri, et inferioris etiam; utraque triplicem induit formam, ac triplici nomine vocata est. Itaque fit interdum utrius assimilatio ac quasi confusio quaedam, et nomen, personamque invicem, ut ita dicam, mutant Venus et Diana. (*Homelle*, *Th*, De antiquissimis Dianae Simulacris Deliis [Paris, 1885], p. 55—56).

Перев. «И та, и другая богиня олицетворяетъ собою силу природы, благодаря которой все происходитъ, растетъ и погибаетъ; и та и другая своимъ просхожденіемъ имѣетъ азіатскій источникъ все равно, считаютъ-ли ее родной сестрой Ассирійскаго божества «Анатъ», или Финикійской Астарты; и та и другая имѣетъ связь съ солнцемъ и луной, свѣтомъ и тьмой и обладаетъ тройною властью,—надъ вышнимъ міромъ, нашимъ земнымъ и подземнымъ; та и другая является въ трехъ видахъ и называется тройнымъ именемъ. Итакъ происходитъ порою уподобленіе и какъ-бы нѣкоторое смѣшеніе того и другого божества, а потому Венера и Діана, такъ сказать, взаимно мѣняются своимъ именемъ и своимъ обликомъ.

скрылъ свое лицо. Это изображеніе послужило образцомъ для христіанской иконографіи. На самомъ дѣлѣ на иконахъ византійскаго происхожденія бросается въ глаза изображеніе младенца Іисуса, какъ будто прячущаго свое лицо. Кромѣ того, особенность византійской иконографіи, по сравненію съ западноевропейской, составляетъ изображеніе звѣзды на головномъ покровѣ, а иногда и на плечахъ Богоматери.

На лубочныхъ изображеніяхъ внутренняго состоянія сердца грѣшнаго и потомъ раскаявшагося человѣка „всевидящее око" является символомъ „Всевидящаго Гелія", бога солнца (πανόπτης κύκλος ἡλίου; Prom. 91 [1]) а подъ нимъ большая звѣзда, какъ символъ луны.

Все это указываетъ на то, что названіе Персефоны, богини луны, „звѣздной Царицей" было очень популярно.

Съ другой стороны, на перенесеніе еретиками первыхъ вѣковъ христіанства чертъ богини луны на Богородицу указываетъ апокрифъ о раздѣлѣ земли и природы между святыми (представляющій аналогію къ языческому раздѣлу природы между Зевсомъ и другими богами), гдѣ Божіей Матери отводятся страны, названныя именами лунныхъ богинь, именно: 1, Пространы, 2, Индія проклятая; 3, земля Легенская; 4, земля Палавонская (*Веселовскій*, Опыты по истор. развит. христіан. легенды, II, 189, 190 въ Ж. М. Н. Пр. ч. 189): названіямъ этихъ странъ соотвѣтствуютъ имена лунныхъ богинь 1) Τ'ρώ (или Θ'ρώ) Ἄν'α Ἀρά=„звѣздная Царица (*или*: Царица Поляница), богиня проклятія"; 2) Ἀΐδης Ἀρά=„Гадесская (*или*: Слѣпая) Ара" (богиня проклятія); 3) Λέαινα (прозвище Гекаты)=„Львица"; 4) Πολύβοια—сестра Гіакинфа, взятая на небо и принимавшаяся за Артемиду и Кору—Персефону.

III.

Выраженіе былинъ: „Крестный Отецъ" точно также, какъ и малорусскія: хрещеный батько", „хрещена маты" рождествен-

---

[1]) По Гезіоду—πάντα ἰδὼν Διός ὀφθαλμός=«Всевидящее око Зевса»; по Макробію (Saturn. I, 21, 13): τί ἥλιος οὐράνιος ὀφθαλμός.

скаго обряда, возникли еще въ языческій періодъ, только христіанскій смыслъ приданъ имъ уже впослѣдствіи. Причина этому заключается въ слѣдующемъ.

Обычнымъ эпитетомъ греческихъ боговъ было слово *небесный,* выражавшееся различнымъ образомъ: если рѣчь шла о богахъ, связанныхъ съ дневнымъ свѣтомъ, то они назывались олимпійскими или ураническими (отъ словъ Ὀλύμπος, *οὐρανός*=„небо“); если же рѣчь шла о подземныхъ, то къ нимъ прилагались эпитеты, произведенные отъ словъ, имѣющихъ нѣкоторое созвучіе съ санскритскимъ svarga=„небо“, а именно: *σαῦρα, σῶρα, σοῦρα* [1]), *σοῦσα, σῦβα, σαῦα, σάβα, σάβος,* откуда *ταῦρος, σταυρός, σταῦρα.* Такимъ образомъ хтоническій или эребскій Діонисъ, богъ заходящаго солнца, имѣлъ прозвище: Σάβος, Ταῦρος, Σάτυρος (=Σαυρόταυρος=„Небесный Туръ“; ср. сканд. имя *Суртуръ*). Въ апокрифахъ и греч. былинахъ слово *σαῦρα* смѣшано съ именемъ Сиріи, а въ великорусскихъ былинахъ—съ городомъ Суражемъ или Суздалемъ, и въ малорусскихъ пѣсняхъ съ *лисомъ* ξύλα, возникшимъ изъ *σῦλα,* шепелеватой формы отъ *σῦβα.* Отсюда же ведутъ свое происхожденіе и былинныя имена: *Ставръ Годиновичъ,* Σταυρός Ἀΐσωνεύς (=„Невидимое [т. е. ночное] Небо“), *Попъ Ростовскій Левонтій* Πάπα τοῦ σταυροῦ Λέων (=„Великая Небесная Мать Львица“, т. е. Персефона), и обратно σταυρός Λέοντος=„Крестъ Леванидовъ“ великорусскихъ былинъ (собственно: „Небо Львицы“, т. е. ночное небо, подвластное Львицѣ-Персефонѣ).

Еще на греческой почвѣ имя „Небесной Матери“, *Σαυρομᾶ было смѣшано съ названіемъ страны Сарматіи, Σαυρομάτις, чѣмъ и объясняется мифическая исторія этой страны. Въ свою очередь, названіе Σχορομάτις въ великорусскихъ былинахъ переведено двумя словами: *Литва* и *Ляхетія.* Обыкновенно два незнакомыхъ богатыря встрѣчаясь предлагаютъ вопросъ о родствѣ не такъ, какъ мы: „Чей ты сынъ? Какова фамилія твоего отца“? а: „Какой ты Литвы?“ или: „Какой ты Орды?“—т. е.

---

[1]) Но также и Ἀπόλλων Σοδριος.

„Какой ты Небесной Матери?“ Слово *Орда* въ этомъ случаѣ соотвѣтствуетъ греческому *'Αωρϑᾶ, Ἄως ϑεά=„Богиня Зоря“. Такимъ образомъ вопросъ: „Какой ты Орды?“ означаетъ: когда ты восходишь на небосклонъ: при утренней, или же при вечерней зорѣ? Такой вопросъ тѣмъ болѣе былъ умѣстенъ, что богиня Зори вообще называлась Матерью, Μᾶ.

Слово Σαῦρα утвердилось за ночнымъ небомъ, очевидно по созвучію съ упомянутымъ ранѣе Ἄνασσα Αὔωρ=„Царица Зоря“, смѣшаннымъ съ Ἄνα' Σαῦρα, или Σαυα=„Царица Савская“, т. е. небесная. Затѣмъ это названіе получило народное осмысленіе при помощи слова σταυρός=„колъ“, „частоколъ“, „острогъ“, „тынъ“ [1]).

Наконецъ по введеніи въ Греціи христіанства слово σταυρός получило значеніе креста, откуда и выраженіе: „Небесная Мать“; Μασταυρα (прозвище Реи), Σταυρομᾶ, превратилась въ малорусское: „Хрещена Маты“. А такъ какъ, „Небесная Мать“ носила еще имя Πάπα, понимавшееся въ смыслѣ „отца“ и въ смыслѣ „бабы“, то до „Хрещеной Матери“ были еще присоединены: „хрещеный батько“, „крестный отецъ“ и „баба“, какъ мать родителей и какъ повитуха [2]).

---

[1]) Въ заговорахъ, былинахъ и колядкахъ слово σταυρός, въ сочетаніи съ эпитетами, имѣетъ значеніе желѣзнаго или серебрянаго тына. (Потебня, Объясненіе м.-рус. и сродн. нар. пѣс. II, 608 sq); *Романовъ*, Б-рус. Сборн. V, 41 № 150; 45 № 167 et pass.).

[2]) Обозначеніе неба словами: ξύλα (=σῦρα)=«лѣсъ» и σταυρός=«крестъ» послужило мотивомъ съ созданію апокрифа о «крестномъ древѣ», которое поэтому также означаетъ небо.

Въ западно-европейской иконографіи слово σταυρός понималось въ томъ же смыслѣ, что видно изъ слѣдующаго. На имѣющейся у меня олеографической картинѣ, изображающей Франциска Ассизскаго, этотъ святой стоитъ одной ногой на землѣ, а другой на темно-голубомъ шарикѣ, очевидно, изображающемъ вечернее небо, и снимаетъ съ креста распятаго Іисуса. Фонъ картины темный съ небольшой полосой желтоватаго зарева на горизонтѣ. Іисусъ представленъ живымъ, съ открытыми глазами и обнимающимъ одной рукой св. Франциска (другая прибита на крестѣ). Очевидно, картина изображаетъ въ лицахъ заходъ солнца и восходъ луны. Святой Францискъ

Кромѣ того, въ греческой былинѣ имя „Великой Небесной Матери“ передается при помощи слова Παπαδιά [1]).

Такимъ образомъ выраженіе „хрещена маты“ есть передѣлка первоначальнаго: „Небесна Маты“.

Послѣ этого становится совершенно понятнымъ, что ношеніе кутьи съ паляницами или пирожками къ бабѣ возникло вслѣдствіе пониманія слова Πάπα не въ смыслѣ „Великой Матери“, а въ смыслѣ „бабы“, т. е. старой женщины“.

Такое же пониманіе слова Πάπα отразилось еще и на другомъ малорусскомъ обрядѣ. Въ слободѣ Борисовкѣ Валуйскаго уѣзда на второй день Рождества, Пасхи и Пятидесятницы, называемый „Богородыця“, молодыци носятъ паляницы, пирожки и проч. „до бабы, шо бабуйе в йихъ“, а баба въ свою очередь, устраиваетъ пришедшимъ обѣдъ. Въ эти же дни служатъ панихиды въ церкви, устраиваютъ поминальные обѣды, раздаютъ нищимъ милостыню.

Въ мѣстечкѣ же Полонномъ, Новоградъ-Волынскаго уѣзда, существуетъ обычай на второй день Рождества, 26-го декабря, „ходыть до Богородыци“, т. е. приносить хлѣбъ и поздравлять

несомнѣнно привлеченъ сюда, несмотря на анахронизмъ, потому, что французское слово francisque означаетъ бердышъ, а бердышъ, какъ извѣстно, имѣетъ форму луннаго серпа. И прозвище святого *Ассизскій*, по созвучію съ латинскимъ assidere=«сидѣть», соотвѣтствуетъ греческому *Καθεός=«Сидяка», превратившемуся у насъ въ «Костія», или «Кащея Безсмертнаго» (Ἀθάνατος Καθεός) и въ апокрифическихъ Касьяна Сидящаго и Аѳанасія Сидящаго (Ἀθανάσιος Καθεός).

[1]) Рядомъ съ нею упоминаются *вдовы* χῆραι, несомнѣнно появившіяся въ былинѣ по смѣшенію съ Κῆρες=«Керы», «Эриніи». Въ бѣлорусскихъ же заговорахъ слово χῆρ смѣшалось χείρ=«рука»: «одна рука Дамида» (χῆρ Δημήτηρ), а другая Соломида (χὴρ Σαυλομᾶ (Σαυρομᾶ) θεά), а третья Маланка (χὴρ Μελαινίς, или Μέλαινα), а оттуда уже искаженіе на бѣлорусской почвѣ: «одна рака (=рѣка) Дамида», и т. д. (*Романовъ*, Б.-рус. Зборн. V, 17 № 45, 46). Проф. Дестунисъ выраженіе Παπασιὰ понялъ въ смыслѣ «попадьи». (Розысканія, стр. 81, прим. 158).

„добродзійку" (жену священника) послѣ службы. (Чуб. III, 436) [1]) Говоря иначе, выраженіе Παπαδιά=„Небесная Мать" понято въ смыслѣ „попадьи".

Такимъ образомъ въ одномъ случаѣ имя лунной богини Πάπα перенесено на „бабу пупоризну", а въ другомъ—на попадью.

Въ западной Европѣ, вмѣсто нашего ношенія кутьи съ паляницами и пирожками „хрещеному батькови, матери и баби", существуетъ обычай въ повечеріе Богоявленія [2]) ставить въ сѣняхъ вечерю, состоящую изъ *хлѣба*, молока [3]) и проч. Бертѣ (Bertha, Berthe, Perchtel), которая представляется древней старухой, женой Пилата, осужденной блуждать до страшнаго суда. Иногда вмѣсто нея является Богородица съ младенцемъ. (*Веселовскій*, Опыты II, 279 въ Ж.-М. Н. Пр. ч. 183).

Берта здѣсь—Πέρϑα (первоначально Κέρϑα)=„Рогатая Богиня", т. е. богиня роговидной луны, Персефона, въ великорусской сказкѣ превратившаяся въ „Лису Перикеевну" (*Потебня*, О миѳологич. значен. нѣкот. обр. и повѣр., стр. 136), Κερδὼ Περιγαία (=собственно: „Рогатая Богиня, вѣчно блуждающая около земли"); *Пилатъ*, Ἄιδης Πυλάρτης=„Гадесъ, крѣпко запирающій свои ворота", т. е. никого не выпускающій изъ подземнаго царства.

Безъ сомнѣнія, повѣрье, относящееся къ Бертѣ, какъ женѣ Пилата, восходитъ къ греческой поговоркѣ: Ἄρτεμις Περγαία (вм. первоначальнаго Περιγαία)=„Вѣчный Жидъ". По малорусскому

---

1) Не слѣдуетъ забывать, что терминъ «Богородыця» былъ извѣстенъ языческой Греціи еще до Рож. Христ.: этимъ именемъ (*ϑεητόκος*) называлась отождествлявшаяся съ лунными богинями «Небесная Мать» (*Μάσταυρα*) Рея.

2) Отнесеніе обряда къ Богоявленію, а не къ Рождеству, какъ у насъ, объясняется тѣмъ, что до половины IV вѣка Богоявленіе праздновалось въ одинъ день съ Рождествомъ; а послѣ отнесенія послѣдняго праздника на двѣнадцать дней назадъ, первоначальные обряды распредѣлены между этими двумя праздниками.

3) Γάλα=«молоко» имѣетъ созвучіе съ эпитетами: Зори—Ἄλια=«Свѣтлая», и Эриній—Ἀρά въ шепелеватой формѣ.

же повѣрью, до страшнаго суда обречены не умирать жиды, которые распяли Спасителя и стоятъ на стражѣ у гроба Господня въ Іерусалимѣ. Въ теченіе четырехъ недѣль луна перерождается, а вмѣстѣ съ нею перерождаются и эти жиды. (Чуб. I, 10—11). Не трудно догадаться, что названіе *жиды* и выраженіе „Вѣчный Жидъ" представляютъ истолкованіе прозвища Персефоны, какъ богини луны, Οὐδαία, не въ смыслѣ „Подземной" богини, какъ бы слѣдовало, а въ смыслѣ „Жидовки" (Ἰουδαία).

По сицилійской сказкѣ „Вѣчнымъ Жидомъ" оказывается прикованный къ столбу „Отчаивающійся Маркъ" (собст. Малхъ), по пути къ Пилату давшій Іисусу желѣзной рукавицей пощечину. Онъ, въ наказаніе, долженъ ходить вокругъ столба до *суднаго дня*. Самое имя его: Marcu disparatu является переводомъ греческаго выраженія Μαργή Ἄνελπις, какъ контаминированной шепелеватой формы, восходящей къ первоначальной Καργή Ἄνα' (=Ἄνασσα) Ἐρεβίς=„Бѣшеная Эребская Царица [2])," т. е. Геката. Въ греческихъ былинахъ она превратилась въ „Яни Отчаяннаго" (разум.: Ἀνά Ἄνελπις) съ тавтологическимъ именемъ. (*Дестунисъ*, Разысканія № 18).

По румынской колядкѣ (*Веселовскій*, Разысканія, VII, 264). вмѣсто Марка въ адѣ къ столбу прикованъ цѣпью Іуда, похититель солнца, луны, утренней звѣзды и проч., а по малорусской сказкѣ, чортъ, замѣняющій „рогатую богиню", Κερθᾶ.

(Рукопись кр. слоб. Россоши Острогожск. у. Пант. Яковл. Череватенка) [1]).

Повидимому, во всѣхъ этихъ случаяхъ слово *столпъ* должно соотвѣтствовать греческому σταυρός (=σαῦρα)= „небо"; въ такомъ случаѣ Геката, въ качествѣ „Вѣчнаго Жида, соотвѣт-

---

[1]) Сюда же относятся малорусскія миѳическія имена: «Марко Проклятый», Μαργή Ἀρά, и «Безкостний Марко, що въ погребці замурувався». (*Драгомановъ*, М.-рус. пар. пред., 38—39), Ἀναχωστή (=Ἀνά Καυστή) Μαργή «Бѣшеная (Страстная?) Огненная Царица».

[2]) Варіантъ этой сказки, недосказанный, см. въ «Этногр. Мат.», Б. Д. Гринченко т. I, № 97.

ствовала бы вѣчно ходящей около земли Артемидѣ: (Ἄρτεμίς Περγαία).

Кромѣ того, какъ остатокъ „Гекатиной вечери", слѣдуетъ отмѣтить обычай дивчатъ слободы Борисовки, Валуйскаго уѣзда, съ паляницей, приготовленной для печенія прежде другихъ, выходить вечеромъ подъ Рождество на дорогу для гаданія по лаю собакъ и мычанію коровъ о замужествѣ. Этотъ обычай безъ сомнѣнія стоитъ въ связи съ греческими вѣрованіями, относящимися къ Гекатѣ, какъ богинѣ колдовства, носившей прозвища: „Собака", Κύων, и «Корова», Ταῦρος (первоначально Σταῦρα, Σαῦρα=«небесная»").

Приведенныхъ данныхъ, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, я полагаю достаточно для того, чтобы признать тождество, между обрядовой паляницей и греческимъ πέλανος.

Остается сказать нѣсколько словъ о фонетической сторонѣ слова *паляныця*. Звукъ *а* въ первомъ слогѣ малорусской формы появился подъ вліяніемъ двухъ факторовъ: 1, по ассимиляціи, обусловленной гласнымъ *а* второго слога, и 2, по воздѣйствію звука *л*, который, произносясь по-малорусски при помощи языка, установленнаго желобкомъ болѣе къ концу, чѣмъ къ срединѣ, требуетъ соотвѣтственнаго раскрытія рта. Подобно слову *паляныця*, образовалось и малорусское имя *Палáга* отъ греч. Πελαγία [1])

Во избѣжаніе нареканій, считаю необходимымъ заявить, что, давая новую этимологію словъ 'Αθηναία' Αλαλκομενηΐς и проч., я оставилъ безъ критики мнѣнія по этимъ же вопросамъ Макса Мюллера, Курціуса, Велькера и Преллера единственно потому, чтобы не уклоняться слишкомъ въ сторону.

М. Дикаревъ.

Екатеринодаръ. 15 іюня 1899 г.

[1]) Ср. *Passy P.*, Études sur les changements phonétiques etc. Paris, 1891), p. 177. *oliva* изъ ἐλαία, *olifantus*, вм. *elephantus*, *modus* (вм. *molos*) изъ μέλος, *Siculus* изъ Σικελός.

„ОСТАННЯ НИЧЪ".

Исторычня [1]) драма въ двохъ картынахъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ.

1) Степанъ Братковськый—подчашый Львовськый; молодый ще, але жовтый, худый и знеможеный; оброслый бородою, посывившою строха. Въ рештаньскимъ халати; вьязень.

2) Инстигаторъ — тодишній осуднықъ; остаркуватый, сывенькый; жовчна и злобна фигура. Полякъ.

---

[1]) Сюжетомъ для ціеи драмы послужыла дійсна исторычня подія. Въ кинци XVII в. бувъ соби шляхтычъ-руськый Братковськый; мавъ винъ маетокъ на Волынщыни, а прожывавъ часто у Львови; Братковськый бувъ чоловикъ освиченый, талановытый, напрямку социніанського, але руськои виры, велыкый патріота и на дыво велыкый народовець. Въ ти часы шляхта уже була вкоренылася и дбала про заневолення селянъ; а Братковськый навпакы пишовъ проты шляхты за голоту; винъ знався и зъ гуртомъ правобережныхъ лыцаривъ—Паліемъ, Самусемъ, Искрою,—яки тяглы до Ливобережнои Украины и хотилы одбытысь одъ Польши и злучытысь зъ Правобережною Украиною. Братковськый хотивъ пиднять на Волыни повстання крестьянъ; ёго піймалы зъ манифестаціямы и покаралы на горло въ Луцьку, 1702 року.—Жону и едыного сына не допустылы навить до побачення.

Авторъ.

3) **Сторожъ** — добрячый, сердешный дидъ, зъ сывымы навыслымы бровамы, а видъ того й зъ суворымъ выразомъ.

4) **Бургграбя** — замковый и тюремный комендантъ, середнихъ литъ; полякъ.

5) **Ксёнзъ**—худый и блидый.

6) **Остапъ**—товарышъ Степана; молодый.

7) **Тася Братковська**—жинка Степанова; у сни вона удае—и панну, и молодычку. У сни тилькы вона жыва, румьяна, а такъ—змарнила, блида.

8) **Маты Степана**—тинь старои покійныци.

Голосы: хлопьячи, чоловичи и жиночи.

Вартови.

Діется въ мисти Луцьку, въ 1702 роци; за панування Польши.

КАРТЫНА ПЕРША.

Середына тюремного покою. Направо видъ актёра лижко, соломою вкрыте; наливо—шыроке и высоке викно зъ дрибнымы кгратамы, яки стылу, а сами шыбкы викна чымъ-сь замазани,—прозоры лышь верхни; просто—зализни двери, зъ кругленькимъ викномъ посередыни. Стины въ покои чорни, облупани; паутыння торочкамы высыть по стели. Зъ мебели—стилъ за лижкомъ и табуретъ пидъ викномъ. На столи—кухоль воды и окраець хлиба. Вечиръ. Сонце грае ще на верхнихъ шыбкахъ у викни и по стели; внызу сутинь.

Выхидъ I.

Вьязень самъ.

Степанъ Братковськый. (*Сыдыть на лижку; лива рука прыкута ёму до стины ланцюгомъ; у правій винъ державы якыйсь аркушъ. Чыта поволи*).

Належытъ винъ, увьязанный пры зброи,
Якъ зрадныкъ злый, якъ бунтаривъ ватагъ,
Тяжкій выни, а ще найтяжчій кари...
(*Говорыть*) Обрехы й лжа! Не бунтари мы, ни,
А вирни лышъ сыны свого народа!
Напастныкъ—ты, нашъ вороже лыхый!
Ты гвалтомъ край осуджуешъ въ неволю
И нападомъ катуешъ ридный людъ,
Ламаючы и право наше, й волю...
„Пры зброи бувъ!“ Та соннаго взялы,
А Тасю ще... мою дружыну любу...

Охъ, и згадать... холоне въ жылахъ кровъ...
Де-жъ, де вона? Невже закатувалы? (*Пауза*).
И хыжый гвалтъ зовуть ище судомъ?!
О моцари, о двоязычни зміи,
Вы мыръ кильцемъ гадючымъ обвелы...
Де-жъ правда, де?! (*Сипа рукою; зализо вйидается ще бильше, до крови*) Зализо вйилось въ рану,—
Такъ рвы-жъ, шматуй нездатню руку сю,
Що й видплатыть не зважылась катюзи!
Ай! А!! (*Пауза*) Ну, й кровъ... Колыжъ останній часъ,
Колы кинець? Колы-бъ вже швыдче кара!
«Найтяжча»? Ха! Тортуры прыганя,
Щобъ чулы мы и смакувалы смертю!
(*Пауза*). Все въ голови змишалось, и думкы
У цимъ лёху вильготнимъ розлетилысь,
А серце—геть одубло... Тило все
Скандзюбылось и нечувственнымъ стало...
Мынають дни и ночи у питьми,
И скилькы ихъ пырнуло у безодню—
Не розберу: лыстъ жовкъ, зрывався зъ витъ,
Ихъ па́морозь вберала въ срибни шаты,
И знову на ныхъ пышавъ роскишный цвитъ...
А я сыжу... прыкутый, стражду тиломъ...
А въ серци—гадъ... и душу рве нудьга...
Хоть-бы зырнуть на жинку, на дытыну!
Що зъ нымы тамъ? Де друзи, де браты? (*Пауза*).
Але надъ все—людське поспильне горе,—
Ярмо и бычъ голоты!.. Тяжко! Охъ,
Якъ боляче! Якъ душу шарпа туга!
Знать, видаты, що море слизъ, крови
Геть поняло нашъ гордый духъ и волю,
Прыныжену до рабства,—й не здолать
Видпомстыты, а гныть на ланцюзи тутъ!
(*Сипа*) Шматуй, кривавъ!... Колы-бъ вже правый судъ...
Ха, ха, ха, ха! (*Брязкитъ*). Идуть?... Сюды... До мене?!..

Ява 2-а.

Ти-жъ и Инстигаторъ, Комендантъ Замковый та Сторожъ, та ще одна людына, яка ховается по-за плечи).

Сторожъ (*одсовуе на середыну столыкъ, подае инстигатору табуретъ и видходыть до дверей; въ рукахъ у ёго ключи*).

Инстигаторъ (*озыра въязня, що вставъ; розклада на столи паперы; по паузи*).
Панъ одибравъ осудный лыстъ?

Братковськый (*поглядa спокійно, трохы гордa*). Давно.

Инстигаторъ У вьязня кровъ... Для чого ця жорстокисть?
(*до Коменданта*). Знять кайданы́! (*Сторожъ кыдается, здійма*).

Братковськый (*мовг бы до себе*). Якъ, знять? Щó то за знакъ?

Инстигаторъ. Сподиванка на мылосердя зверхне.
И я прыйшовъ ёго оповистыть:
А колы панъ, по щырости, одповидь
На зàпыты мои подасть, то вмыть
Зъ ціи тюрьмы на свитъ винъ выйде вильнымъ,
Въ обіймыща коханои симьи,
До огныща....

Братковськый (*зрушеный*). До кревныхъ? Боже мылый!
А чы жыви-жъ жонà и немовля?

Инстигаторъ. Жыви, жыви! Я выпустывъ на волю.

Братковськый. Жона... дытя... и воля! Ахъ, яка
Спокуса то!.. Мій пане... Богъ видплате!
Тоби я все... Не скрывджу словомъ...

Инстигаторъ. Такъ,
Я виры йму; мы будемо друзьямы...

Братковськый. Друзьямы? Эхъ!... що хоче панъ?

Инстигаторъ. А ось:
Учынкы зли, на котрыхъ пана взято,
Ты вызнаешъ: не сыла ихъ зректысь!

Братковськый. И такъ и ни! Помылкы суть чи-мáли:
(*показує на папиръ*). Тутъ зрадныкомъ зовусь я, бунтаремъ...
Хиба-жъ любыть отчызну свою—зрада?
Хиба-жъ стоять за кревныхъ—вчынъ лыхый?
Та все-жъ мене учылы навить въ школи,
Щобъ не щадывъ за ридный людъ жыття!
Та самъ Хрыстосъ, розипьятый катамы,
Прорикъ, що несть любови бильшъ надъ ту,
Яка виддасть за друзи свою душу...

Инстигаторъ. А друзи хто?

Братковсьсый (*гордовыто*). Ти, що й булы... Чого-жъ
Любыть своихъ—тепера лыходійство?

Инстигаторъ. Де влада й мицъ—тамъ мусыть буты й ридъ
За намы мицъ, такъ мы тепера й друзи.
(*дражлыво*). Нашъ станъ и мечъ—отчызна вамъ!

Братковськый (*усмихается гирко*). Ха, ха!
Такъ знать кулакъ—едыный батько въ свити,
Тяжке ярмо—едына благодать,
(*зъ бильшымъ запаломъ*). Ризкый канчукъ—едыная святыня?!
И сыли тій слипій лышень молысь?
А людъ, братывъ, отчызну, навить Бога
Ваалу кынь пидъ ногы?

Инстигаторъ (*розлютовано тупа ногою*). Цыть! Мовчы!!
Ты гордый зухъ! запеклый суповстанець!
У! Я тебе!

Братковськый (*спокійно*). Що-жъ панська воля! Хтивъ,
По щыросты, чого бажавъ добродій...

Инстигаторъ. По щыросты? Ты бувъ за ватажка?

Братковськый. Велыка честь; ще мы не шыкувалысь...

Инстигаторъ. Ще ни? А хто-жъ тамъ керувавъ?

Братковськый. Уси!

Инстигаторъ (*нетерпляче*). Ну, хто-жъ, та хто?

Братковськый. Товарышивъ не выдамъ.

Инстигаторъ. Але-жъ у тимъ рятунокъ твій!

Братковськый (*гирко*) Невже?
Въ продайности, у клятьболомстви, зради?
Якъ его мосць мене не поважа!
Іудою не бувъ: за жодну цину—
Ни вирности, ни чести не продамъ.

Инстигаторъ. Колы жыття, и смерть, и вси тортуры
У тій цини?

Братковськый. Хочъ пекло навить все!

Инстигаторъ. Чого-чого, а пекла ты скуштуешъ!
Намъ видомо, що въ звязку бувъ
Изъ Искрою и зъ Паліемъ-псявиромъ,
Зъ Мазепою, зъ Москвою злытысь хтивъ,
Пидбурювавъ все быдло...

Братковськый (*усмихается*). Колы звисно усее вамъ, то
ничого й пытать.

Инстигаторъ (*скажено*). Ну ,почекай! На кутни засміешся,
Не те спивать на дыби станешъ ты,
Чи на жару...

Братковськый (*зъ прызырствомъ*) Вельможный панъ осудныкъ
Шануе-жъ честь, и гоноръ, и повынъ...

Инстигаторъ. У шляхты-но!

Братковськый. То на̀-що вамъ мерзота?
Хто здатенъ пакъ своихъ братывъ продать,
То той и васъ....

Инстигаторъ. О, певенъ я!... Одначе,
Намъ треба знать, хто наши ворогы?..
(*По паузи*) Щобъ прымырыть зъ новымъ ихъ берломъ...

Братковськый. Пане!
И довгый часъ тыхъ ранъ не зажывыть!

Инстигаторъ. Такъ думаешъ? (*Вставъ и пройшовся.
Дали пидійшовъ и щось тыхо шепоче коменданту,
одвившы его въ бикъ*). Упартый песъ, звирюка!

Комендантъ. Схызматъ лыхый.

Инстигаторъ. Хочъ-бы въ однимъ попавсь!
(*хутко сида; до вьязня*). Намъ хтилося-бъ, щобъ всякъ пидда-
нець нашъ

Прыпавъ чоломъ до стопъ святого Папы;
Не для того, що кращый нашъ костёлъ,
Бо Богъ едынъ и виры вси хороши,
А для того, що религiйна ризнь
Лышъ появля злобу, та свару въ панстви,
И певнисть есть лышъ въ одновирцяхъ....

Братковськый. Ни,
У гвалти-пакъ надъ вирою розрада....
И я прошу про виру залышыть:
Колы братывъ, родыны и отчызны
Не зражу я, то виры вже-й повикъ!

Инстигаторъ. Ну й овшемъ (*тыхо*). Этъ тварюка безнадiйна!
Ты бунтувавъ наридъ, озбройно бывсь,
Колы взялы?

Братковськый. Чы не въ однiй сорочци...

Инстигаторъ. Есть свидокъ тутъ, що вьязневи ствердыть.

Братковськый. Запроданець?

Инстигаторъ. Ни, прыятель найпе́ршый!

Братковськый. Не може буть?

Инстигаторъ. Але напевно такъ!
(*До свидка*). Одкрыйся, панъ, и выявы!

(*Свидокъ выступывъ и заразъ змишався*).

Братковськый (*сплеснувъ рукамы, глянувшы*). Мiй Боже!
Остапъ? Мiй другъ? Надiя наша вся?
Орелъ-козакъ? Пылке, завзяте серце,
Велычнiй умъ... незрадлыва душа...
И ты, и ты запродався? Чы зрикся
Святыхъ думокъ?

(*Свидокъ за кожнымъ словомъ проймается мукою*).

Инстигаторъ (*бъе по столу кулакомъ*). Ни слова!... Ну, свидкуй!

Братковськый (*зъ несамовытымъ паломъ; чуты въ голоси слёзы*).
Свидкуй скоришъ!... Лобзай!... А вы, катове,

Рвить серце се!... О, мукы ваши вси—
Нищо, нищо, передъ такымъ страждáннямъ!
Для чо̀го я дожывъ сёго часу?
Що станется зъ тобою, Украино,
Колы тебе найкращіи сыны —
Рады страху, рады мамоны —зрадять?
Надъ всимъ святымъ то регитъ, глумъ...

Инстигаторъ (*ажъ посынивъ, затупавъ ногамы*). Мовчы!
(*До свидка*). Чекаю я!

Свидокъ (*ламае рукы*). Не можу!... Винъ безвынный!
Карай мене!

Инстигаторъ (*скажено*). Въ зализа взять!

Сторожъ (*бере свидка за руку*) Въ ту жъ мыть!

(*Разомъ выходять*).

Ява 3.

Инстигаторъ, Братковськый и комендантъ.

Инстигаторъ. Упертый ты!.. Завзятый, але щырый...
Одно лышъ жаль, що̀ впертисть нависна...
(*Пауза. Зминя тонъ на мьягкый*).
Куе намъ зло... Ну, може мылосердя
Розтопыть лидъ ворожои души
Й тепло іи огріе насъ. (*Коменданту*) Якъ вьязень
Себе трымавъ? не гвалтувавъ?

Комендантъ. Ни, ни!
Бувъ мовчазный та тыхый...

Инстигаторъ. Отъ и любо!
(*Двузначно*). До завтрёго лышъ тутъ винъ... Певенъ я,
Що ранкомъ жде ёго шырока воля.
Якъ вильному—и страву, й все...

Комендантъ (*зитха*). Гараздъ!

Инстигаторъ. За ласку цю, сподіюсь, панъ оддячыть?
(*Пидкреслюе*). Бажалося-бъ намъ другомъ пана мать,—
То е ще часъ...

Братковськый (*зрушено й радисно*). Панъ инстигаторъ бачыть
Всёго мене: не крыюсь я ни въ чимъ
И не минюсь... а за добро я вдячень.

Инстигаторъ. Подумай ще! зважъ ро-зу-момъ!

Комендантъ (*выразно, значно*). Зми-ркуй!!

(*Инстигаторъ зъ паперамы, а комендантъ за нымъ выходять. Чуты, якъ замыкають засовомъ двери*).

Ява 4.

Братковськый самъ.

Братковськый. Надію давъ... Пророчыть мылосердя...
Все обиця́—и волю, й втиху, й рай,
Щобъ спокусыть.... Запроданцивъ чы-мало...
Всихъ знажуе и золото, и страхъ!
Напастныкъ нашъ гнитыть и душу, й розумъ,
Зневагою отруюе борцивъ,
И множатся перевертни... Що-жъ, дума
Й мене купыть?.. (*Пауза. Показуе на двери*).
Не зложышъ ты цины,
И вси твои спокусы розпадутся!
(*Пройшовся*). Я имъ на щось потрибенъ... и менѐ
Хотять воны пустыть на волю... Може,
Щобъ бильшъ піймать зи мною? Байдуже!
Поборемось, абы тилькы слобода!
Охъ, солодко якъ слово це дзвеныть!
Знову вильный рухъ... окрылени надіи...
Симья моя... браты мои, народъ...

Ява 5.

Братковськый и сторожъ.

Сторожъ (*прыносыть страву и малу шклянку вына*).
Вечеря ось! (*Видходыть и журно погляда*).
Братковськый (*оглянувшы*). Ой, ой, яки роскоши!
И каша, й борщъ, и печень, и выно!
Пивъ-року бувъ на хлиби и цыбули,
То й боязно цю страву пожывать...
Щд вызнача ця ласка?
Сторожъ (*одвертается зъ зитханнямъ*). Мылосердя...
Тутъ звычай е: хто покыда тюрьму,—
Въ останню ничъ того витають гбйно...
Братковськый (*хутко*). Такъ въ склепи цимъ моя остання ничъ?
Сторожъ. Лыбонь, що такъ... (*змахуе рукою щось зъ вій*).
Але я пану раджу,—
Не гребаты бажаннямъ ихъ...
Братковськый (*почына вечеряты*) О, ни!
Бажання ихъ—шельмовство! зроду-вику
Не зражу я Украины!... Ты самъ,
Здается, нашъ, по крови и по вири?
Сторожъ. Зъ Подоліи.
Братковськый. Я й думавъ, що землякъ...
А тутъ давно?
Сторожъ. Та може литъ за двадцять.
Прыставылы... не сыла...
Братковськый. Але все жъ
Ты не забувъ ни мовы, ни родыны?
И ридный край ты любышъ?
Сторожъ. О, ще й якъ!
Одно тилькы мени и снытся завжды:
Веселый край—степы, гаи, садкы,
Билесеньки та чепурни хатыны,

Нывъ золотыхъ хвылясти кылымы́,
Ясни ричкы, окутани лугамы,
Братерськый людъ и мова голосна,
И чаривна та чула наша писня...
Охъ, любый край, дорожчый ты за все!

Братковськый. Дидуню мій, коханый, та хорошій!
(*Обнима*). Охъ, цей вищунъ (*на серце*) давно тебе пизнавъ,
Бо души въ насъ коханнямъ и прыхыломъ
Однымъ горять... И якъ же радывъ ты—
Продаты рай, видъenькы одцуратысь?

Сторожъ (*замишаный*). Охъ, боляче... Але жыття... Хто зна...
Прыкынутысь... а потимъ... вже на воли
Ихъ одурыть... Бо вирыть тымъ катамъ
Не можно, ни!

Братковськый. Але-жъ оци вси пильгы
Вищують...

Сторожъ. Эхъ! Не можу... Такъ, добро;
Але проте вирнише збутысь ласкы,
Прыспать злодюгъ и въ Кыивъ утекты...
Я бъ самъ помигъ.

Братковськый (*кыдается, обнима*). Мій голубе, спасыби!
Я й не гадавъ, щобъ пыльный вартовый
Мавъ золоте, прыхыльне, щыре серце:
Ты все мовчавъ, на слово не вважавъ
И лышъ проймавъ зпидъ сывыхъ бривъ очыма.

Сторожъ. Хотивъ усихъ злобою ошукать,
Щобъ выждать часъ, дать способы на втекы...
Ще не пора... Эхъ, лыхо нависне...
Такъ зразу!... Охъ, якъ жалко тебе, пане!
Прыкыньсь, молю—и вызволю... О дай
Лышъ часъ мени, видсунь пекельну хвылю...
Прыкыньсь, згодысь!

Братковськый. Але того не вартъ...
Паскудытысь не хочется и словомъ...
Проте, невже у ныхъ на думци смерть?

Сторожъ. Крый Господы... може й слобода...

Братковськый (*Кладе ёму на плечи руку*) Бачышь,
Якъ выпустять, то я имъ натякну,
Що ихъ думкы змиркую на дозвилли...
(*Пье выно*). Охъ, и выно жъ! Ажъ стукнуло въ чоло.
Ну, та й обидъ! По голоду—се учта
Крулевська,—ни, пышниша!

Сторожъ. (*Хыта головою*). Краще всежъ...
На свій таланъ покластысь...

Братковськый. Друже любый.
Якъ вызволюсь, и ты до насъ спишы—
До плесъ ясныхъ, до зорь яскраво-тыхыхъ...
Моя симья тебе полюбыть...

Сторожъ. Охъ,
Прыкыньсь покы...

Братковськый (*сміется*). Ты все свое, мій диду?

Сторожъ. Якъ прыйде хто, то нибы здайсь... А то
Спочынь, засны й свою страждениу душу
На Божый зволъ, на мылость ёго зважъ...
(*Богобійно зложывшы рукы*) Дай, Господы, явы незмирну ласку,
Ховай ёго видъ лыха!

(*Забира хутко и хаплыво посуду, щобъ заховать свою слёзу*).

Братковськый (*лыша соби шклянку зъ выномъ*). Диду, стій!
Викно мени це видчыны, благаю:
Я-жъ кгратъ отыхъ зубамы не вгрызу,
А лышъ напьюсь повитря...

Сторожъ. (*одхылывшы выдъ*). Можно, заразъ!

(*Одсовуе чи одчыня викно, и хутко выходыть*).

Ява 6.

Братковськый самъ.

Братковськый (*прыныкъ до викна, не надыхается*).
Якъ хороше! Мняке повитря... духъ...
Жыття струмкомъ гарячымъ лыне въ перса,
Ихъ втихою колышнею сповня.
Охъ, дыхаю и не натхнусь... мовъ пьяный...
Весна, весна! Якъ красенъ Божый свитъ,
Якъ сонечко видрадисно мыгоче
И проминемъ надію окрыля!
Генъ квиточка, и ластивка якъ жваво
Купается въ повитри, то зныка:
Охъ, вильно ій и весело въ просторы!
Жыття и рухъ!... А тутъ могыльный склепъ...
Онъ—чорно якъ: яскраве пасмо свиту
Не подола тутъ мороку... Труна!
Колы-бъ на свитъ! Хочъ-бы поглянуть зверху
На вулыцю, на бидолашный людъ,
Що видъ нужды, видъ праци ажъ зигнувся...
А бьется все-жъ за знищене жыття...
(*Хоче пиднятысь на ґратахъ вгору, але зрываетс—рука скаличена; пробуе прысунуты стилъ, але чуе писню, и зновъ прыпадае до ґратъ*).
(*Хоръ за лаштункамы зблыжается, дужча, и по воли стыха*).

Хоръ. Ой, у поли два яворы,
Третій зелененькый:
Та занедужавъ у дорози
Козакъ молоденькый.
Лежыть козакъ пидъ яворомъ
Зъ сылонькы знемигся;
Надъ нымъ коныкъ вороненькый,
Тяжко засмутывся...

Одынъ соби, безъ дружыны,
Безъ отця, безъ неньки...
Тилькы степъ ёго вкрывае,
Та крюкы чорненьки.

Братковськый (*схыля голову на кґраты и слуха*).
Натомлени, намучени зъ надсады,
А все такы спивають: горе й скрутъ
Дзвынять, гучать у звукахъ тыхъ чудовыхъ...
Охъ якъ давно вже чувъ я ридный спивъ,—
Ще въ матери покійнои моеи...
Вси спо̀гады, вси бо̀лещи души
Прокынулысь у серци и йидкбю
Грызотою выдавлюють слёзу... (*Втера очи. Пауза*).
Риднесенька моя матусе! Сына
Лышыла ты несты тяженный хрестъ,—
Сама-жъ давно спокоилась въ могыли...
Устань, поглянь, на що винъ перевивсь!
Чи схожый винъ на те хлопья веселе,
Якому ты спивала все писень
Жалкыхъ, сумныхъ? якому ты змывала
Не разъ, не два дрибны́мы шовкъ волосъ,
Якого ты учыла мужне бытысь
Зъ напастныкомъ, зъ гвалтовныкомъ лыхымъ
За ридный людъ, за правду и за волю...
Ну, отъ и бывсь, добывся... (*гирко*) Ха, ха ха!!
Меткый борець у путахъ, у темныци,
Знесыленый, скаличеный зовсимъ!
(*Пидходыть до столу, сида и схыля голову на сперти на стилъ рукъ*). (*Пауза*).

Хоръ (*Спива pianissimo*). Умеръ козакъ безъ дружыны,
Безъ сестры, безъ брата,
Лышъ зосталысь на помынкы степови орлята.
А надъ трупомъ буйный витеръ
Застогнавъ помалу,

Заплакавъ дощъ, та хыжый звирь
Збигся на поталу...

Братковськый (*За першымъ куплетомъ пидводе голову, а за другымъ знову пидходыть до викна и прыныка до кiратъ*).

Умеръ... Одынъ... безъ брата, безъ дружыны;
На похоронъ злетилыся—орлы;
Заголосывъ надъ трупомъ буйный витеръ,
Та дрибенъ дощъ зросывъ его слизьмы́...
И зныкло все, чымъ трудне серце былось!
Такъ и мени... якеесь пречуття
Гадюкою ворушытся у персахъ...
И любый дидъ щось наъяка, зитха...
Ой, якъ-бы ще хотилося пожыты!
Я радощивъ лышъ краплю скуштувавъ...
Прыкынутысь?... Благае навить сторожъ (*почына ходыты*).
Малы́зною имъ поступытысь?... Такъ—
И одурыть... Але це все-жъ шельмовство? (*стае*).
Ну, въ боротьби... (*вагается, знову иде*) и розумъ дозволя...
Безъ хытрощивъ и сичи не буває... (*зупынывсь*).
(*Глянувъ у викно*) Якъ пышно тамъ: радiе всяка тварь,
Все радистю втишается... Ой, знада!
Ну, щожъ? Подамсь?... Жона и сынъ жыви,—
Для ныхъ я тежъ потрибенъ... Мамо, мамо!
Зъясуй мени, чи не збрудню я стягъ,
Чи не куплю утихы я за зраду?
А ты, а ты що скажешъ, сыну мiй?
Що ты мени порадышъ, зирко Тасе?
Охъ, тяжко якъ! Та я-бъ же хтивъ пожыть
Не для своихъ потихъ, а за-для мыру:

Хочъ трудъ якый лышыты для слипыхъ,
Чи имъ виддать жыття мызерне въ сичи,
Стынаючи гартовани мечи,
А не въ лёху, якъ тутъ... Ой, Боже правый,
Якъ я ослабъ, знемигся и зомливъ!

(*Прыпада головою на стилъ; выдко, що рыдае*).

Я в а 7.

Голосъ за викномъ и на дворыщи.

Г о л о с ъ 1 (*виддаля*). Гей! Клыкнить тамъ хто пана коменданта!

Г о л о с ъ 2 (*пидъ викномъ*). А на що?

Г о л о с ъ 1. Поклычь, колы кажуть, та й цыть!

Г о л о с ъ 2. Чы ба! Парсона! Панъ комендантъ спочыва, не веливъ турбуваты.

Г о л о с ъ 1. А ты потурбуй, бо прыбула якась пани зъ пропускнымъ лыстомъ видъ пана старосты.

Г о л о с ъ 2. Ось ця мени скаже, де панъ? Гапко, куды бо ты?

Г о л о с ъ ж и н о ч. Геть къ бису!

Г о л о с ъ 1. Держы іи!

Г о л о с ъ ж и н о ч. Одже ляпаса дамъ!

Г о л о с ъ 2. Та не пручайся!

Г о л о с ъ ж и н о ч. На-жъ тоби! (*Чутыляскъ*).

Г о л о с ъ 1. Ловко!

(*Регитъ. Дали жиночый пыскъ. Выгукы*).

Г о л о с ъ ж и н о ч. Ей богу, заразъ до пана!

Г о л о с ъ 1 (*крычыть*). Збуды, збуды пана коменданта: треба! (*Регитъ и гоминъ стыхлы, чуты брязкитъ рушныць*).

Г о л о с ъ 3 (*блыжче*). Слово?

Г о л о с ъ 4 (*дали*). Луцкъ!

Г о л о с ъ 3. Гасло?

Г о л о с ъ 4. Звытяга!

Голосъ 3. Тутъ вартовать до свита; а, по змини, дви лавы милиціи на майданъ!

Голосъ 4. Чого?

Голосъ 3. По потреби гродського суду.

(*Голосы стыхлы. Брязкитъ помалу зныка. Вьязень ничого мовъ и не чувъ; на решти пидводыть байдуже голову и потыра чоло рукою*).

(*За викномъ, чуты, наблыжается весильна музыка и спивы*)

Братковськый (*до викна*). Весилля? Такъ: и князь, и пойизджане.

Хоръ (*чоловичый*). Хвала, хвала матуси,
Що встерегла Марусю;
Добру іи учыла,
Красою надилыла!

Хоръ (*жиночый*). Ой казалы вориженькы-люде,
Що Маруся недобрая буде,
А вона добра, добрисенька,
Якъ рожа повнисенька!

Хоръ (*спильный зъ музыкою*). Ой гопъ, та по малу,
Лизе батько до прычалу,
А матуся не пуска
Бо човнына, бачъ, хыстка...
Ой, гопъ, такы такъ!.. (и т. д.).

(*Чуты: музыку—бубонъ, танци, выгукы, гоминъ*).

Голосы (*блызько*). Чы ба! Зъ червоною корогвою! Въ червоныхъ квиткахъ! А садыть якъ козакъ! Гля! гля!...

Голосъ жиноч. А вже-жъ краще, нижъ вы, лежни!

Голосъ 2. А, й ты тутъ?

Голосъ жиноч. Не лизь! Помырымось! Ставай до танцивъ! (*смихъ*).

Голосъ 2. А що-жъ? Давай!

Голосы (*блызько*). Ловко! Прысяй-би! Ажъ матнею мете! А Горпына? Такъ и дрижыть все, ажъ намысто пидскакуе!

Голосы жиноч. А ну ще котора! Даромъ музыка!

Голосы чолов. Сады! Рижъ!! (*регить и крыкъ*)... Го-го-го!
(*Музыка стыха помалу*).

Братковськый (*якъ стыхъ на дворыщи гоминъ, а музыка оддалыкы ледве луна*).

Солодка мыть людського щастя-чаду,—
Мижъ хмаръ нудьгы, мижъ моря слизъ гиркыхъ,
Крыкъ радисный видъ пьянои отруты,—
Мижъ ременту зпидъ канчукивъ, бычивъ...
А що-жъ, и мыть утихы—намъ за щастя,
Іи ловы,—не вернется назадъ!

Голосъ коменд. (*пидъ викномъ*). Яка тамъ наглисть?

Голосъ 1. Ось пани зъ декретомъ.

Голосъ коменд. (*видходючи дали*). Яка тамъ ще пани? Уже пробылы восьму годыну.

Голосъ пани (*дальше*). На мылосердя, пане!

Братковськый (*стрипонувся, вхопывшысь рукамы за голову*). Голосъ, голосъ, знаёмый... Вогнемъ пронявъ серце... Хто-то? (*Пиднимается на ґраты, але не вдержуется*).

Голосъ коменд. Сёгодня не можлыво... законъ: писля восьмои годыны вьязнивъ не выпускають... а завтра; тилькы рано... на свитанни.

Голосъ пани. Я цилу ничъ тутъ простою. Мене все не пускалы зи Львова... На сылу вырвалась...

Голосъ коменд. Кохана моя пани... прошу до мене.

Голосъ пани (*блызько*). Господь оддячыть пану! Я такъ намучылась! (*стыхають ступни*).

Ява 8.

Братковськый самъ.

Братковськый. Вона! вона! моя едына Тася!
Охъ, серце се розирвется въ шматкы,
Не вытрыма такого щастя-втихы!

У досвита мени настане рай...
А я, слипець, ще ремствувавъ на Бога!
(*Зюрта рукы*). Пробачъ, просты!... (*пауза*).
Ни, смутокъ геть теперъ,
И пречуття пидъ ногы! Знову надія!
Знову сыла гра, шыріе знову душа!
Теперъ уже напевно вызволення! (*Ходыть*)
Охъ, закыпыть робота жъ! Ще знайду
Товарышйвъ и велетнивъ по духу...
Не вмеръ ище ты, краю мій! О, ни!! (*пауза*).
Почувъ іи, мою голубку тыху,—
И ожыло у мене все, и знову
Ключемъ кыпыть моя юнацька сыла,
И сяе свитъ... Онъ—проминь той упавъ,—
И золотомъ взялася павутына,
А зныкне винъ—и сумно стане вразъ,
Жалобою укрыется вся стеля... (*пауза*).
Зловыть бы ще прощальный проминь той...

(*Пробуе пиднятысь на кгратахъ, але марно; пидносыть стилъ, злазыть на ёго и спынается на найвыщи кграты*).

Ахъ, ось де винъ, червоный та яскравый,
И сонця край... мовъ крапля кривьяна...
Прощай, прощай до завтрёго, до ранку!
Устань же знову и прывитай мене,
Озолоты хвылыну вызволення!

Голосъ (*пидъ викномъ*). Гей, вьязне, гей! Назадъ мени зъ викна!

Братковськый. На хвылыноньку, покы онъ сонце зайде!

Голосъ. Назадъ, кажу! Не то убью!

Братковськый (*зскакуе*). О звирь!
Чого гарчышъ и выщыряешъ зубы?
У, наймыты, запроданци! Свои жъ,
А зъ ворогомъ знущатысь навить ради
Надъ браттямы!

Ява 9.

Ти-жъ и комендантъ зъ сторожомъ.

Комендантъ. Не вильно на викно
Спынатысь тутъ! (*Сторожу*). Вмыть зачыны на-глухо!

Сторожъ (*зачыня; видносыть стиль. Зразу—тыша и теминь*).

Комендантъ. Вже почекай до ранку!

Братковськый. Тутъ жона?

Комендантъ. Побачышъ самъ... Ты помолысь, спокайся...
Осъ кныжку я прынисъ...

Братковськый (*хутко бере*). Святе письмо?! (*цилуе іи*).

Комендантъ. Такъ. Сподивайсь на ласку... Ну, до ранку!
(*Выходыть зъ сторожемъ*).

Ява 10.

Братковськый самъ.

Братковськый (*стоить якый часъ, прытулывшы кныжку до лона*).

Ты подасы зъ небесъ, моя матусе,
Свій гласъ мени оцымъ святымъ пысьмомъ.

(*Почынается за лаштункамы тыхый молытовный хоръ. Винъ тягнется впродовжъ монолога*).

Братковськый (*переходыть зъ кныжкою до столу, що стоить биля лижка на передкону*).

(*Чыта тыхо. По паузи*). Святи слова... наказъ мени... зъ-за зорь...
Такъ, въ стражданни за правду е звытяга
И часомъ смерть сыльнища за жыття...

(*Чыта тыхо. По паузи*). Высокый стягъ за ридный людъ, за правду,
Пидняты слидъ на очи й ворогамъ,
А не ховать ёго видъ мыру пôтай.
Борысь за людъ, погынь за людъ и тымъ
Звытяжъ другыхъ и засмуты деспотивъ!

И я вагавсь? Ще мыть була бориння?
Жыття мене спокусою взяло
И чарамы спьяныла свитня втиха...
О, знады причь! Щобъ тутъ ни осталось, ни,
Не поступлюсь ни крокомъ, а ни пьядью
(*Пада на колина*). Пробачъ мени, благый,
всесыльный Боже,
Пробачъ вину лукавому рабу:
Душею я знемигся; довги мукы
Знесылылы и волю мою й мицъ...

(*Прыпада головою до столу*).

З а в и с а.

КАРТЫНА ДРУГА.

(*Декорація та-жъ, тилькы на кону темно, а свитытся лыше одно круглесенько у дверяхъ викно, мовъ око совы. Столыкъ по сей бикъ лижка*).

Я в а I.

Братковськый самъ.

Б р а т к о в с ь к ы й (*лежыть на лижку головою до зрытеливъ; повертается, прыйма найпрыдобнишу позу*).
Спокійный я... зневирья геть пройшло,
Я свій повынъ святый не занехаю
И донесу на ра́менахъ свій хрестъ...
Якъ тыхо скризь!... За муромъ тилькы мирно

Побрязкуе безсонный вартовый...
На серци тежъ—и лăгода, и тыша...
(*Пауза*). Пивъ-року я все скорчывшысь лежавъ,
Та й то ланцюгъ и тило рвавъ, и мулывъ;
А отъ теперъ ажъ чудно, що безъ путъ;
Такъ солодко на лижку простягтыся,
Мовъ на царській перыни... О, за пухъ—
Солома ця! И вси турботы... вси... (*Засыпа*).

(*Останни слова говорыть сонно. Ледве скинчывъ ихъ, почынается тыха мелодична музыка на народнихъ мотивахъ, тилькы прокыдаются у ій и збуряни порывання; на самимъ прыкинци знову тыха музыка, мовъ тыша передъ бурею,—вводыть въ нову картыну:*

На задній стини, що противъ зрытеля, зъявляются хмары; за нымы стина зныка. Колы росходятся хмары, то уявляется така картына: байракъ глыбокый, окрытый зъ усихъ бокивъ скелямы и навыслымы деревамы; въ глыбыни выдко—чорніе якась печеря. Ясна мисячна ничъ).

(*Дія діется и въ байраци, и въ кимнати, ажъ до лижка*).

Ява 2.

Тася сама.

Тася (*вбига*). Я перша... Ще никого нема!... Попередыла й Остапа... А чи тутъ же зибрання?...

Ява 3.

Панна Тася и Степанъ Братковськый.

Степанъ (*той же въязень, тилькы молодый, безъ бороды, зъ маненькымы усамы*). И ты тутъ Тасю? Сама прыйшла у таку пущу въ ночи? То шаленисть!

П. Тася. Я не сама; я зъ Остапомъ.

Степанъ. Я де-жъ винъ?

П. Тася. Пишовъ дозоромъ.

Степанъ Але все-жъ необачно, моя люба: тутъ спилка мужнихъ, боёвыхъ сылъ, а для тындитныхъ створинь вона небезпешна; жондти тутъ не мисце!

П. Тася. Колы ричь иде про долю народа, про зборону отчызны, то й тындитни створиння мусять виддаты свои сылы... тутъ не може буты ни пань, ни панянокъ; тутъ вси ривни! И вси понесемо мы жыття за родыну! А колы ще на те поклыкае Степанъ, то й пекло мени—не забара!

Степанъ. Едына моя! (*стыска ій руку*).

Ява V.

Тижъ и Остапъ, та други бунтари.

(*Зъ усихъ боkивъ тыхо зъявляются ризни люде—и молоди, й стари; бильше мищане, прости люде, де-не-де выдко й козакивъ*).

Степанъ. Що, вси зибралысь, братове?

Голосы. Вси, вси!

Степанъ. И вси свои, вирни? Іуды якого нема?

Голосы (*передни*). Здается.

Голосы (*дальни*). А хто ёго зна!

(*Десь оддали чуты смихъ*).

Степанъ. А вартовыхъ поставлено?

Остапъ. Стоять. Я самъ обходывъ.

Хто-сь (*здалеку*). Стоять. Ха, ха!! (*Вси перегляну̀лысь. Пауза*).

Степанъ. Ну, братове, вы видаете, чого мы зибралысь?
Останній скрутъ: знемогае народъ въ тяжкій
праци, затягло рабське ярмо ваши шыи, пидъ
кормыгою гине отчызна!

Голосы. Гыне!

(*Луна смутно*: „гыне“. *Сова десь загоготала. Вси здригнулысь*).

Степанъ. Напастныкъ въ насъ пограбувавъ цилкомъ
Добро, права, вси вольности и працю;

Запригъ въ ярмо, якъ быдло, и дере
Зъ рабивъ своихъ никчемныхъ по тры шкуры...
И то не все: ще душу видбера,
Напа́стуе, щобъ мы зреклысь родыны,
Мынулого всеславного, батькивъ
Могылъ честныхъ, и предкивськои виры;
Гвалтуе вразъ, шобъ зацуралы мы
И мову, й ридъ, звычаи й обыча́и,
Щобъ сталы вси безправнымы, якъ псы,
Й пошылыся въ ворожу, хыжу шкуру.

Селяне (*бильшына*). Такъ, правда: скризь напасть, сваволя, гвалтъ!

Мищане (*меньшина*). Охъ, тилькы якъ поборышъ оту сылу?

Остапъ. Проты ножа пидняты треба нижъ!

Козакы. Нижъ! нижъ! Ого!

Селяне (*одни*). На нижъ пакъ треба й сылы,
Бо вырвуть зъ рукъ...

Селяне (*други*). Та насъ и полоснуть!

Селяне (*трети*). А де іи ты визьмешъ?

Мищане (*одни*). Яку горстку
Роздавлють вразъ, а хмары не зберешъ...

Мищане (*други*). Писля такыхъ-отъ жартивъ и збывалы
Въ кинець права...

Луна (*здалека*). „Въ кинець! Въ кинець! Въ кинець!“

Остапъ. Про те то й ричъ, що мы робылы опиръ
Загонамы малымы—тамъ, та сямъ,
А не збывалы ихъ въ велыку сылу!
Намъ треба всимъ злучытысь у одно!

Козакы. „Го—го“!

(*Сова зъ лису*): Згромадытысь... такъ, такъ!

Селяне. А може-бъ тее...

Мищане. Имъ попустыть тамъ що-не-що... и тымъ
У ворога щось выторгувать...

Степанъ (*сплеснувъ рукамы*). Боже!
Та чымъ же намъ ще поступытысь, чымъ?

Здается вже усимъ мы поступылысь:
И батькивське наслиддя виддалы,
И ѕéмли въ насъ одибрани панамы,
И надбане мозолямы добро,
И вильности, и сыла наша, й праця,—
Такъ чымъ же ще вклоныты́ся чоломъ?
Виддать дитей собакамъ на поталу?
Чи пхнуть жинокъ и сéстеръ псамъ на глумъ?
Чи вырваты на пôквилъ имъ и душу?
Та хочъ бы й все на ласку виддалы,
Хочъ-бы лягли й кисткамы имъ пидъ ногы,
Надъ немищнымъ не змылуется катъ:
Лышъ сылою видбыты можно волю,
Прыдбать права, завоювать буття...
Такъ скризь велось и буде такъ до вику!

Голосы (*спочатку поодыночни, а дали гуртомъ*)!...
Такъ! Правда! Такъ!... Дрючкомъ лышъ одъ вовкивъ...
Лежачого й татары бьютъ... Всимъ встаты!!
(*Кинъ темнища, чуты виддали глухый гуркитъ грому*).

Степанъ. Суть, братіе, загальни нужды всимъ—
И людови, й немовлючому звирю,—
Потребы то и шкуры, и нутра:
Не мыли всимъ и канчукы, й неволя,
И холодъ злый, и голодъ, и вогонь,
Та на кативъ тяжка, невпынна праця...
Те чуе всякъ и пидъяремный вилъ;
А суть права ще выщи за ти нужды—
Права души—даръ Божый всихъ людей
И кожного ще племени надання,—
То якъ-же намъ души не бороныть,
Колы у іи едыный образъ Божій?
Збрудныть ёго—то значыть звиремъ стать,
Ни, гирше ще... того-то й прагне ворогъ!

Гуртъ. Не буть цёму! Души не продамо!
Поляжемо кистками за святыню!

Де-хто зъ мищанъ. Поляжемо, а не добудемъ правъ,
Бо въ ворога не переможни сылы!

Селяне (*бильшына*). Вамъ страшно, а? Запроданци лыхи!
Вы за жывитъ, за ласощи—до зрады?
Якъ гынуты, то гынуты гуртомъ!

Останъ. Або добуть права соби и волю,
Або всимъ смерть!

Степанъ. Ганеба гиршъ за все!
Яке життя—пидъ канчукомъ, въ кормызи?

Гуртъ. Всимъ за ножи! Степанъ за ватажка.

Вси. Степанъ! Степанъ!! (*Щось завыло*).

(*Блыскавка. Гримъ. По лису пролунавъ регитъ*).

Степанъ. Клянусь, браты, що ни скарбы численни,
Ни любощивъ ненасытымый палъ,
А ни прыхылъ до кревныхъ и до друзивъ,
А ни погрозъ, ни мукъ смертельныхъ жахъ
Мене зъ шляху думокъ моихъ не звернуть
И зрадою души не забруднять!
Клянусь виддать усе жыття за благо
Окрывдженыхъ и знищеныхъ людей!

Вси. Степанови во викы слава, слава!

Степанъ. Кляниться й вы!

Вси (*выймають ножи*). На гострыхъ сыхъ ножахъ!
Або намъ смерть, або загыне ворогъ!
Хай зрадныку нижъ горло перетне!
Вси клянемось!

Степанъ (*выймае нижъ*). За волю, за слободу!

(*Страшный выбухъ грому, блыскавыця. Вси жахнулысь*).

Голосы (*зъ лису*). Насъ обійшлы: рятуйся, хто здолае!

(*Вси кынулысь, зныклы. Степанъ зъ Тасею тежъ бiглы за всима; але скели й дерева заступають имъ выхидъ. Ихъ роспачлыви рухы. Теминь страшна; тилькы рижуть іи блыскавыци, та чорна печеря почынае свитытысь*).

Степанъ. У пастци! А! Насъ злапають!

Тася. Байдуже!
Укупи вдвохъ вмираты охвитнишъ!

Степанъ. Дай руку!

Тася. Ось! И на жыття, й на страту!

(*Страшенный гримъ, блыскавыця; зъ глыбыни печери выбуха полумья, и въ ёму зъявляется якесь страшыдло*).

Ява IV.

(*Музыка проводыть появу страшыдла: за нымъ спива хоръ басивъ, мовъ бы вые страшыдло*).

Страшыдло.
Я—злото;
Вся цнота
У дзвони моимъ;
И волю,
И долю,
И мыць куплю нымъ!

—

Я—сыла,
Могыла
И воли, й жыття;
Едыный
Людыни
Законъ на буття!

—

Я—влада;
Все пада
Владарству до нигъ;
Клейноты
Мыцноты—
Ярмо та батигъ!

—

Вси ваши
Натхнення

Й добуткы наукъ
Мени—на змицнення,
А вамъ—за-для мукъ!

(Гримъ—и все зныкло; зновъ муръ и двери. Останній куплетъ спиваетсяще разъ и по зныкненню картыны).

Ява XII.

Братковськый самъ.

Братковськый. А, що се? Сонъ? Чи на яву все бачывъ?
Мынуле зновъ вернулось?.. Ни, тюрьма...
И ничъ, и тьма... и генъ совыне око...
Охъ, и якый-же лыховистный сонъ!
Страшыдло! Бррр!! Князь свиту—темна сыла
И все трощыть... Невже-жъ знаття и свитъ
Невже любовъ, братерське поеднання
Не перетнуть ту сылу нависну,
Що гвалтомъ скризь гнитыть и волю, й розумъ,
Грабуючы въ трудженныхъ щастя?... Ни,
Не може буть, не може того статысь!
Есть правда тамъ! (*на небо*)! Творцеви вирю я!
Господь сей свитъ створывъ не на знущання,
Не на корысть зажерлывыхъ кативъ,—
А на добро, на щастя всёму люду...
Колысь же Ты бездольцивъ захыстышъ
И выметешъ озвирену мерзоту,—
Пріиде бо и царствіе Твое!
(*Замся богобысвы, лійно*).
Ахъ, и вона, моя зоря едына,
Мовъ тутъ була; немовъ бы ще луна
Мижъ сыхъ муривъ іи сриблыстый голосъ,
Мовъ чую ще стысъ теплои рукы.—
Ой, тутъ ты, тутъ! И ранкомъ я побачу

Тебе, мою незривняну красу...
Якъ по тоби я занудывсь пекельно!
Колыбъ ся ничъ пролынула мерщій!

Ява 8.

Братковськый, ксёнзъ и сторожъ.

(*Сторожъ входыть зъ свичкою, ставыть іи на стилъ; за нымъ ксёнзъ.*

Сторожъ (*на бикъ*). Нещасный, охъ! (*пишовъ за двери*)
Ксёнзъ. Благословення й мыръ!
Чуваешъ все? Не спышъ?
Братковськый. Велебный ксёнже,
Чымъ заслужывъ...
Ксёнзъ. Що я сюды прыйшовъ?
Тымъ, що и ты, нещасный вьязень...
Братковськый. Але
Я жъ вамъ схызматъ?
Ксёнзъ. Передъ святымъ Отцемъ
Вси ривни мы—и вирни, и заблудли.
Братковськый. Такъ я-жъ себе й заблудлымъ не личу,
И его-мосць даремне часъ прогаить,
Колы мене задума навертать
На праведну велыкопанську виру.
Ксёнзъ. Я знаю, ты освиченыхъ думокъ
И Соція науку поважаешъ:
Вона-жъ жене ненатлый фанатызмъ,
А лагоду провадыть мижъ народивъ...
Братковськый. Такъ, нашъ псаломъ—вси виры поважать,
Не запрягать въ ярмо души жывои,
Не гвалтувать надъ розумомъ чужымъ,
Не ныщыты у люду ёго воли
И не творыть зъ братывъ соби рабивъ...
Ксёнзъ. Що-жъ, сыну мій, колы вси виры цинышъ,
То ту прыймы, яка сыльнишъ за вси,

Яка тебе зрятуе видъ напасты
И владу дасть творыты всимъ добро,
Выховувать свои пытыми мріи,
Кохатыся въ улюбленій симьи,
Радиты, жыть...

Братковськый. Спокушуешъ, панъ-отче...
Латынство йде проты моихъ засадъ,
И зроду ихъ провадыть не попустыть;
Але чымъ бильшъ прынады наддасы,
Тымъ бильшъ вона въ души огыду зирве;
Якъ у чужыхъ шаную я думкы,
Такъ и свои шаную непохыбно:
Не торгувавъ я ными й не продамъ
Своихъ святынь за жодни блага въ свити!

Ксёнзъ. Не продажъ то, колы за-для другыхъ
Малызною поступышся, мій друже!
У боротьби зъ напасныкомъ не честь,
А розумъ всимъ керуе...

Братковськый. Розумію:
Для друзивъ все—и серце, и жыття!
Для другыхъ я виддамъ себе въ охвиру,—
Для себе-жъ—ни, не поступлюсь на крокъ!

Ксёнзъ. Стій, выслухай мою пораду, сыне.
Я знавъ тебе ранише и циню
Въ твоій души добрòты незличыми;
Ты вируешъ у правду пресвяту,
А правдою самою не посунешъ
Мижъ крывдою у панстви гвалту й лжи,—
Боротысь зъ зломъ тра хытро, мудро, потай,
Не гребаты середкомъ ніякымъ,
Абы меты своеи досягнуты:
Въ тимъ розумъ есть звытягы въ боротьби!
Я кателыкъ и зверху—рабъ покирный,
Але тіи деспотіи не чту:
Я прагнувъ бы що-бильше правъ и воли

Для розуму, для серця, для души;
Проте крычать по стогныщахъ не стану,
Бо и мене, й думкы мои урядъ
Задавыть вразъ,—ёго ще перевага!
Я вирнымъ лышъ прызнаюсь крадькома,
Щобъ шырыты мои думкы по-тыху...
Ты галасъ знявъ зарано, сыну мій,
И хыбу ту тоби поправыть треба.
(*Пауза*).
Хочъ и пославъ мене сюды урядъ,
Але прыйшовъ я зъ щырымъ, теплымъ серцемъ,
Клянуся всимъ,—хочъ вирь, а хочъ не вирь!
Не для себе поступышся, для другыхъ:
Безъ настыря жъ погынуть вивци вси...
Себе зрятуй, то тымъ и ихъ зрятуешъ!

Братковськый. Для чого-жъ имъ той зрадныкъ? Ище гиршъ
Розпудытся зневажена громада,
Якъ гетьманъ самъ збрудныть, злама свій стягъ.
Але скажы, по правди, отче любый:
За зраду лышъ мени дають жыття,
За вирнисть-же мене жде смерть?

Ксёнзъ. Не знаю...
Воны лыбонь тебе пустыты хтять,
Але на ихъ я не звиряюсь слово,
Бо въ боротьби сливъ гонору нема,
А есть одна омана й ошуканство.
Тутъ—хто кого? Одна мета у всихъ—
Противця вбыть и роздавыть пьятою!
Тоби хотять пожаловать жыття,
Щобъ ласкою тебе цилкомъ купыты,
Вважаючы, що ты лышень одынъ
Посполъство вразъ здолаешъ угнобыты:

Я певенъ въ тимъ, що за тобою вслидъ
Товарышивъ всихъ выпустять на волю;
Урядъ бажа схылыть васъ на свій бикъ,
А не карать на голову, бо страта
Часамы ще пидбурюе думкы...
А виру ты... на часъ...

Братковськый. Велебный ксёнже,
Прорикъ есы ты правду пресвяту,
Що кара, смерть пидбурюе повстання.

Ксёнзъ. Але й знища найкращи сылы тежъ.
Зъ тобою я отвертый, любый сыну,
И лышъ любовъ та лагидный прыхылъ
Прымусылы мене питы до тебе...
Не въ вири ричъ: для влады байдуже,
Якымъ хрестомъ ты славышъ свого Бога;
Для неи лышъ покора дорога,
Вона циныть твое слухъянство...

Братковськый. Мало:
Вона бажа прынызыты мене,
Зламать въ-нивець мои переконання,
Оганьбыты велычній нашъ псаломъ,
Оплямыты, на очи, нашу правду!

Ксёнзъ. Але за те—жыття и пильга всимъ,
А цымъ добромъ зкорыстуваты можно...
Я бъ видплатывъ ветъ-за-ветъ влади тій:
Колы вона прымусомъ вымагае,—
Піймавъ бы я на гакъ іи саму...

Братковськый. И ты-бъ мени, найпревелебный отче,
Порадывъ що?

Ксёнзъ. Прыкынутысь, а потимъ ...вильный шляхъ.

Братковськый (*зъ ухмылкою*). Прыкынутысь? Це й сторожъ мени радывъ...

Ксёнзъ. Воны тоби все, все дадуть,—клянусь!
Подумай! Этъ, абы зъ тюрьмы за двери!
Чекае тамъ подружжя дороге

Зъ малымъ сынкомъ... По кари—й имъ покута...

Братковськый. Жона! Дытя!... Зновъ запеклося тутъ!

(*Вхопывся за серце, вставъ и почавъ ходыты*).

Якъ боляче... якъ шкода серцю любыхъ!
Що станется безъ мене зъ нымы! Охъ,
Въ моихъ рукахъ и мій, и ихъ рятунокъ...
(*Зупыняется збоку*). Якъ порыва прывабамы жыття!..
(*Ламае рукы*). Видъ полумья у мене сохне мозокъ...
И вьяне мыць.

(*Пауза. Выдко страждання. Осмилывся и пидходыть швыдко до ксёнза*).

Ни, краще нагла смерть,
А нижъ жыття, зганоблене шельмовствомъ:
Я радощивъ безчестямъ не куплю!
Неправдою не оборонышъ правды,
Оманою тилько послужышъ лжи,
А лжа—есть князь ненавысты и гвалту,
Якый весь людъ опригъ въ тяжке ярмо,
Кайданамы скувавъ и рукы, й розумъ,
И вильный духъ прынызывъ...

Ксёнзъ. Сыну мій!
Ясна душа у тебе й серце чысте;
Святый вогонь любови гріе ихъ,—
Высоке то надання Бога славы...
Побережы жъ посудыну драгу,
Въ якій лежать Предвичнёго клейноты.
О, ворогы, ненатли и слипи,
Воны іи не пошанують!

Братковськый. Отче!
За правду смерть—се правды торжество,
Святыхъ думокъ надъ темнистью звытяга!

Ксёнзъ. О, сыну мій! Ты перемигъ мене,
Твоій души велычній я вклоняюсь...
Лукавыты не можу: такъ, Борець

За гришный мыръ, Навчытель найсвятишый,
Понисъ на хрестъ, за насъ, свою любовъ!

Братковськый. Твои слова мастять елеемъ раны
И серце се воложуть...

Ксензъ (*палко*). Ни, не вмрешъ!
Иду благать... Надіюся на Бога!
Ты все святе порушывъ въ серци симъ....
Якъ жаль тебе!.. Якъ я... моя дытыно,
Тебе люблю!.. Повирь,—бажавъ добра!..

Братковськый. О, вирю я! (*Кыдается, цилуе ёму руку*).

Ксёнзъ (*обнима*). Мій друже, мій коханый!
За тебе хай заступытся Господь
И рызою небесною окрые!
Охъ, що за мыць—незмиряна любовъ!
Колы-бъ вона опанувала мыромъ,
То виры вси собою бъ поняла
Й посіяла бъ на цилимъ свити щастя...
Благословы жъ бездольця, Всеблагый!
(*Вьязень стае на-вколинкы*).
Скрепы ёму и серце, й волю; душу-жъ
Прыймы въ свои оселыща ясни!
Мужайсь,—иду... и вызволю... Сподійся!

Братковськый (*обнима*). Мій батьку... мій едыный...

Ксёнзъ (*зрушеный до слизъ, показуе на небо*) Богъ едынъ! (*выходыть*).

(*Сторожъ бере свичку и хутко зачыня двери*).

Ява 9.

Братковськый самъ.

Братковськый (*по паузи*). Кинець всёму: вже вороття немае,
Що сужено, те й збудется... Я радъ,
Що перемигъ себе й палку спокусу...
Ахъ, дали все!.. (*пауза*). Жде кара й смерть...
Нехай!

Лукавлять ти, що волю обицяють...
(*Пройшовся, хытаючысь, и сивъ коло столу, де й склянка зъ вьиномъ*)
Мовъ сылу хто у мене одибравъ
И голова, мовъ туманомъ, повыта...
А! Ось выно... Допью и пидкреплюсь,
Та ляжу ще, щобъ ничъ сю перебуты...
(*Ляга*) Ахъ, ксёнзъ якый... про волю мою дба...
Такыхъ ксёнзивъ не бачывъ... Я спокійно
На ёго здамсь... Охъ, ногы, рукы й все
Мовъ олывомъ налыте... Годи-жъ, годи
Бентежытысь... абы ця ничъ пройшла,
А доля ще намъ поспрія... Я певенъ...

(*Тыхо засыпа. Почынается провидна музыка*).

Ява 10.

(*Знову зъявляются на тюремній стини хмары; стина пидъ ными зныка и замисть неи вынька друга картына: небагата, але чыста кимната, мовъ спальня; лижко, коло ёго колыска, багато кныжокъ, жиночи роботы; все охайльиво, прывитно вбрато*).

Пани Тася сама.

Тася маты (*що була въ першій картыни панною, колыше свою дытыну й спива*).

Люли, люли, люли!
Спы, мій сынку любый,
Покы немавъ згубы,
Покы лыха не зазнавъ
И бездольцивъ не вбачавъ!
Люли, люли, дытыно!
Моя зирко едыно!
Пройдуть хутко дни ясни
У рожевимъ тыхимъ сни
И настануть нудни,
Повни праци будни;

Станешъ, сынку, пидростать—
Будешъ долю проклынать...
Люли, люли, дытыно,
Моя зирко едыно!
Якъ зростешъ, мій сыну,
Полюбы Вкраину,
Быйся за голоту,
Що несе скорботу:
Покы пекло скризь, не дбай
Про свій власный, тыхый рай!
Люли, люли, дытыно,
Моя зирко едыно!

Я в а 11.

Ти-жъ и Степанъ.

С т е п а н ъ (*входыть*). Голубонько, воркота моя тыха!
Втомывся я: все квапывсь покинчыть,
(*обнима іи*) Щобъ тутъ уже, въ раю своимъ спочыты...
Т а с я (*обнима*). Ты трудышся надъ миру, любый мій,
Тра обачнишъ: надирвешъ швыдко сылы.
(*Лащытся*).
С т е п а н ъ. Ще молоди, хай постаткують...
Т а с я. Ой,
А якъ впадуть, то лыхо насъ осяде...
С т е п а н ъ. Хай спыть воно, до насъ не зазыра,
Покы въ моій господи сяе сонце...
А що сынокъ?
Т а с я. Всмихается уже,—
Лыбонь ёму райськи садочкы снятся,
С т е п а н ъ. Всмихается? Э, знаты вже юнакъ!...
Дай, я визьму на рукы... (*До колыскы*)
Т а с я (*поперeжа*) Жаль, розбудышъ...
Не выспалось; хай краще спочыва,
Та набера красы, здоровья, сылы...

Степанъ. Нехай, нехай; я полюбую й такъ. (*Зазыра*)
Любесенькый!.. Ой, трудно утрыматысь,—
Не чмокнуты въ рожеви вустонькы,
Не ущыпнуть пампушечокъ биленькыхъ,
Не погойдать...

Тася (*цилуе Степана*). Коханый, любый мій!
А прыдывысь,—та тожъ твое *облычча:*
И нисъ такый, и бровы, й вустонькы,
И весь окладъ... та навить и ухмылка
Твоя, твоя! Я тымъ ёго люблю
Ще запальнишъ; бо якъ тебе немае,
То на свое дывлюся немовля,
И въ рысахъ тыхъ вбачаю ёго батька,
Едыную дружыноньку мою! (*Обнима*).

Степанъ. Едынее ты щастя!

Тася (*похопывшысь*). Добре щастя!
Базикаю, а въ думку й не визьму,
Що чоловикъ спрацёваный, голодный,—
Вечеряты-бъ...

Степанъ. Та не турбуйсь: мени
Не хочется и йисты,—все бъ дывывся
На васъ обохъ...

Тася (*порается*). Ха, ха! Обрыдлы-бъ такъ!...
Ты не вважай, що я-бъ-то не хазяйка:
У мене все готово,—я сама
Вже пораюсь безъ наймычо́къ и служокъ.—
Ты тымъ здывуй...

Степанъ (*скыда жупанъ*). О, серце дороге!
Але на жаль змозолышъ рученята...

Тася. Ни, не на жаль: такъ треба, бо ными
Безъ дилъ слова; а мы повынни зъ людомъ
Зривнятыся у праци... Прыкладъ той
Пидниме насъ и нашу думку братства
Пошырыть вразъ...

Степанъ. Голивко золота!
Дывуюся й вклоняюсь твоій сыли:
Перемогла й надання родове!

Тася. Ой не хвалы, ще перехвалышъ...

Степанъ. Зроду!

Тася (*жартлыво*). А все-жъ такы ты гребаешъ... Не ймешъ
Моимъ рукамъ, смаку моему виры...
А я и медъ зварыла...

Степанъ. Ну, давай,
Скуштуемо!...

Тася (*подае на таци*). Талькы не грымай дуже,
Колы не въ ладъ!

Степанъ (*сміется*). Я невпросымый...

Тася (*налыва въ кубокъ*). Ой?!
Ну, пый... Куштуй! (*Ставыть кубокъ*).

Степанъ (*пье*). Чудовый! Нектаръ зъ неба!
Зъ тобою—рай!

Тася (*весело*). Якъ рада я!

Степанъ. А я,
Не знаю й якъ! Безъ миры! (*Раптомъ обнима жинку*).

Тася. Ой, по-малу,
Ажъ налякавъ! (*Цилуе его*). Ось и тоби-жъ!
(*пидлыва*). Ну-жъ, пый!
Намъ Богъ пославъ таке надмирне щастя,
Що ажъ боюсь...

Степанъ. Не зламлется!

Тася (*любуе на его*). (*Пауза*). А справа наша якъ?

Степанъ. Росте, росте й перемагае теминь.
Прокынулась гордота у рабивъ:
Хай намъ Палій подасть лышъ гасло—разомъ
Мы почнемо святую боротьбу.

Тася. Колы-бъ скоришъ!

Степанъ. Ще зачекаты треба,
Покы на свитъ розвыднытся.

Тася. Хиба-жъ
Напастныкы дадуть диждатысь дныны?
Степанъ. Э, сплять воны, вважаючы всихъ насъ
За немошне, якесь мизерне быдло...
Я маю вже палкыхъ товарышивъ,
Яки думкы громады росповсюдять
И сылы всимъ бездольцямъ насталять.
Тася. О, ты всёму и голова и серце,
Моя пыхо, моя гордото! Якъ
Тебе люблю, кохаю и молюся
Твоій святій, проясненній души!
Степанъ (*обнима*). Ты—мій клейнотъ, твоя пидмога—сыла!
Тася. Трывай, лыбонь прокынулось дытя. (*Пидбига*).
Степанъ (*за нею*). Сміется? Гей, сюды давай хлопчыну!...
Посадымо на ногу верхы...
Тася (*нахылылась надъ колыскою*). Стій!
Впорядымось... О, потягуси-гуси!

Ява 12.

Ти жъ и Остапъ.

Остапъ (*вбига*). Тамъ гвалтъ вчынывсь; накрылы вже килькохъ...
Вси ждуть тебе... твоеи хочуть рады:
Чи утикать, ховатысь по куткахъ,
Чи выступать проты кативъ?
Степанъ (*стоить хвылыну, остовпившы*). Якъ зразу
Затемрывся мій ясный день; знялась
Негадано розсатанила буря
И все знесе!
Остапъ. Такъ краще почекать,—
Не побороть намъ ворога тепера!
Степанъ. А тыхъ, що вже узято до тюрьмы,
Лышыты тамъ на згубу?
Остапъ. Що-жъ мы вчынымъ?

Степанъ. А справу якъ? Втоптаты у багно?

Остапъ. На часъ... покы своихъ и семьи...

Степанъ (*пылко*). Сѐромъ

Про себе дбать, колы братывъ-борцивъ
На терезы положена вже доля!

Тася. Такъ, мылый мій! Не буде щастя намъ,
Колы нашъ братъ конатыме въ неволи...
Ты всихъ будывъ, такъ будь-же на чоли:
Иды туды, куды повыннисть клыче!

Степанъ. Въ твоихъ очахъ горыть огонь святый,
Въ твоихъ устахъ пророче слово чую...
Иду! Прощай!... Але якъ вы сами
Зостанетесь середъ лыхои бури?
Холоне кровъ... и серце замира...
Хто захыстыть?

Тася. Той, хто керуе свитомъ!
Ему дытя я доручу свое,
Сама-жъ пиду, зъ тобою попличъ стану...

Степанъ. Едыная!

Остапъ. Орлыце наша!

Степанъ. Ты
Росправыла крыло мени; знову чую
Одвагу й мыць...

Тася. На Бога уповай
И не тужы за намы: вси тепера
Одна симья, зневажена симья!

Остапъ. Сюды идуть... Я чую брязкитъ шабель...
То ворогы!

Степанъ. Впередъ! не подавайсь!!..

(Зразу темрява; картына зныка, музыка, що трошкы ранишъ почалась, проводыть тривогу, бій барабана, гвалтъ, и лементъ, а дали проводыть, въ тимъ-же настрои, монологъ Степана; а винъ уже устыгъ непрымитно ляты знову на лижко).

Ява 13.

Братковськый самъ.

Братковськый (*схоплюется зъ лижка, не прокыдаючысь, а нибы въ забутти, въ кошмари*). Держы!... Трымай двери!.. Ламають... Ой, упалы!.. Стійте! (*Кыдается по хати*). Тамъ дытя!... Гей собакы, бузувиры! На одного?... Іи-жъ за що?..· На Бога! Не руште!... Мене... я выненъ... Ай! За косу тягнуть!... Про-би!.. Объ одвирокъ голова іи вдарылась... Звири..· Кровъ... несыла... Охъ,' смерть! (*При кинци монолога, натыкается на лижко, пада головою уже до актёривъ и стогне; потимъ помалу затыха; музыка тежъ зъ бурнои переходыть въ небесну гармонію и проводыть монологъ матери Степана до появы коменданта*).

Ява 14.

(Зъявляется нибы на хмарахъ постать матери въязня. Вона сходыть зъ хмаръ и наблыжается до сына, кладе ему руку на чоло и промовля пидъ музыку).

Матирь.

Наставъ твій часъ, мій сыну дорогый,
И разомъ ты забудешъ уси мукы;
Натерпився до 'станнёи снагы
И натрудывъ свои мозольни рукы...
Такъ одпочынь, голивку прыхылы
До матери незрадлывого лона:
Тоби воно и тамъ буде заслона,
Де Богови складаются хвалы...
Засны-жъ, засны, позбудься того лыха,
Прысплю тебе и прыголублю зтыха.

—

Не нарикай, що ламлется життя,
Що мало втихъ зажывъ на цёму свити,—
Ты выпьешъ кившъ завчасный забуття,
Не сплямывшы ясного щастя й мыти.
Не нарикай, що марно твои дни

Яскравою стягою промайнулы:
Твоя любовъ розбуркала знебулыхъ,
А смерть твоя скрепыть ряды рясни,
Й замае стягъ братерства, правды, воли...
Засны-жъ, спочынь,—ты потрудывсь доволи.

(Хмары розходятся и уявляется райська, чудова глыбинь).

Дытя мое, коханый раю мій!
Все, що здолавъ, ты учынывъ, мій сыну;
Тебе я въ край надзоряный, ясный
На хмарахъ цыхъ знесу до одпочыну...
Звидтиль, зъ ясныхъ незмиряныхъ глыбинь
На землю мы зоритымемъ що-хвыли,
Болитымемъ за нашыхъ друзивъ мылыхъ,
Благатымемъ и щастя, й доли имъ...
Засны-жъ, спочынь на матеренимъ лони,—
Настраждавсь ты въ братерній оборони!

(Барабанъ—и все зныка; знову тюремна стина. У викно раньше ще свитало, а теперъ занявсь першый проминь).

Ява 15.

Ти-жъ и комендантъ, ксёнзъ, сторожъ та два вартовыхъ.

Сторожъ (*увійшовъ*). Спыть тыхо якъ! (*Одвертается зъ плачемъ*).

(Комендантъ зупынывсь неришуче; два вартовыхъ сталы на дверихъ; за дверыма дали выдко двохъ кативъ. Раптовый гримъ барабанивъ).

Братковськый (*схоплюется*). Що се? Зоря и ранокъ?!

Ксёнзъ. Мужайся! (*показуе на небо*). Тамъ есть мылосердный судъ,
А тутъ лыхыхъ не ублагаешъ, сыну!

Комендантъ. Готовсь! Прощайсь! Каты ждуть...

Братковськый (*прытыскуе святе пысьмо до лона*). Боже мій! (*скамъянивъ*).

(Въ двери зъ нелюдськымъ лементомъ врывается п. Тася и прыпада до нигъ вьязня).

(*З а в и с а*).

М. Старицкій.

Харьковскій университетъ въ первые годы своего существованія.

(Проф. Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета. По неизданнымъ матеріаламъ. Томъ 1. 1802—1815 г. Харьковъ. 1893—1898).

*(Окончаніе *).*

Положеніе профессоровъ въ чиновничьей іерархіи начала XIX ст. было почетное. Хотя ихъ и не баловали чинами и орденами—даже ректоры Харьковскаго университета того времени не шли дальше статскаго совѣтника и кавалера Анны 2-ой степ.,—но нужно принять во вниманіе, что чины и ордена цѣнились тогда гораздо болѣе, чѣмъ теперь, а профессора сразу получали довольно большой чинъ. Широкая внутренняя автономія, право суда надъ членами университета, цензура книгъ, управленіе училищами и особенно право раздачи ученыхъ степеней, связанныхъ съ чинами,—все это возвышало профессорскую коллегію въ глазахъ прочаго чиновнаго люда. Матеріальное положеніе профессоровъ въ началѣ столѣтія также вызывало зависть. Оклады ординарнаго профессора (2000 р. ас. въ годъ) и даже адъюнкта (800 р. ас.) казались огромными людямъ, привыкшимъ къ ничтожнымъ жалованьямъ. Пенсіи давались во многихъ случаяхъ даже легче, чѣмъ теперь. Наконецъ профессора получали и добавочныя жалованья за исправленіе различныхъ

---

*) См. Кіевск. Стар., іюль.

должностей при университетѣ и вознагражденіе за командировки. Статьями дохода были для профессоровъ также частные уроки и содержаніе пансіонеровъ, а для медиковъ и врачебная практика, которая, повидимому, оплачивалась недурно, по крайней мѣрѣ проф. Пильгеръ за поѣздку въ деревню, что требовало два дня, желалъ получить 50 р., деньги по тому времени не малыя. Необходимо еще прибавить, что жилища профессоровъ были свободны отъ военнаго постоя, а этотъ постой тяжелымъ бременемъ ложился на всѣхъ харьковскихъ обывателей.

Но матеріальное благосостояніе профессоровъ сильно пошатнулось, когда, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, упалъ курсъ русскихъ ассигнацій. Въ 1810 г. харьковскіе профессора подали даже на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ писали, что мѣстные предметы потребленія утроились въ цѣнѣ, а цѣны на иностранные товары даже учетверились и упятерились за послѣдніе 4 года, притомъ надо было еще платить за размѣнъ ассигнацій на мѣдную монету,—и такимъ образомъ они получали собственно 1/4 прежняго жалованья. Попечитель поддержалъ ходатайство профессоровъ объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія, но министръ, какъ кажется, не далъ ихъ прошенію дальнѣйшаго хода и отвѣчалъ, что „въ семъ случаѣ находятся они въ одинаковомъ положеніи со всѣми вообще чиновниками въ государствѣ, имѣющими содержаніе свое изъ получаемаго ими жалованья, что несправедливо было бы прибавить жалованье однимъ профессорамъ и адъюнктамъ, имѣющимъ несравненно высшіе предъ прочими чиновниками оклады, и оставить сихъ послѣднихъ при прежнемъ жалованьѣ, что теперь меньше чѣмъ когда либо находится возможность сдѣлать просителямъ отъ казны пособіе и что хозяйственная при университетѣ сумма, имѣя свое предназначеніе, не можетъ быть для сего употреблена. Впрочемъ, при мѣрахъ, правительствомъ принимаемыхъ, можно надѣяться, что временное пониженіе курса на ассигнаціи вскорѣ перемѣнится“.

Положеніе профессоровъ было тѣмъ тяжелѣе, что почти всѣ они жили только жалованьемъ. Для пополненія бюджета

пришлось обратиться къ стороннимъ источникамъ. Иные стали даже прибѣгать къ незаконнымъ способамъ добыванія денегъ. Въ это время развилось среди харьковскихъ профессоровъ взяточничество и стала процвѣтать торговля дипломами.

Почтенный историкъ Харьковскаго университета заботливо собралъ скудныя данныя, которыя могутъ обрисовать бытъ профессоровъ того времени. Особенно мало свѣдѣній объ обстановкѣ русскихъ профессоровъ. Только воспоминанія сына проф. Успенскаго рисуютъ картину домашней жизни этого ученаго. Жизнь эта была очень монотонной, что объясняется отчасти характеромъ Успенскаго, отчасти его несчастливо сложившейся семейной жизнью. Бѣднякъ, съ молодыхъ лѣтъ испытавшій житейскія невзгоды, онъ, еще будучи учителемъ, женился на вдовѣ изъ купеческаго сословія, не принесшей ему никакого состоянія, да еще имѣвшей дѣтей отъ перваго брака. Потомъ семья все увеличивалась. Съ полученіемъ профессуры матеріальное положеніе Успенскаго улучшилось: онъ успѣлъ обзавестить въ Харьковѣ домикомъ и даже расширилъ его, но „безпрерывная припадочная болѣзнь жены, доводившая ее до большихъ странностей и доведшая наконецъ до отчужденія отъ семейства", дѣлала жизнь Успенскаго очень нерадостной. Большая семья требовала и бо́льшихъ заработковъ. Успенскій долженъ былъ брать на себя обязанность то синдика, то декана, то инспектора студентовъ. По этимъ должностямъ Успенскій часто долженъ былъ отлучаться изъ дому. Дома же большую часть времени онъ проводилъ въ кабинетѣ за занятіями. При такихъ условіяхъ Успенскому было, конечно, не до развлеченій. „Не помню", говоритъ его сынъ, „чтобы хотя однажды кто обѣдалъ у насъ изъ постороннихъ; даже наши квартиранты имѣли свой собственный столъ, помѣщаясь особо во флигелѣ. Къ вечернему чаю изрѣдка бывалъ кто нибудь изъ корифеевъ харьковской науки; элегическое настроеніе ихъ бесѣдъ гармонировало нашему духу. Одинъ только профессоръ Д. С. Борзенковъ своею вѣчною веселостью освѣжалъ иногда нашу печальную обитель и вызывалъ принужденную улыбку на лицо отца. Но и эта непривычная улыбка

на лицѣ страдальца, походила болѣе на болѣзненную гримасу. Самъ же отецъ мой, кажется, ни къ кому въ гости не ѣздилъ, и только два-три раза въ годъ не обѣдывалъ дома". Мучительная болѣзнь (геморой) дѣлала жизнь Успенскаго еще болѣе тяжелою. Усилившаяся дороговизна заставила и его удѣлять значительную часть времени приватнымъ урокамъ. Удивительно, какъ при такой обстановкѣ могъ еще Успенскій разрабатывать научные вопросы.

Кабинетную уединенную жизнь велъ и другой ученый профессоръ изъ русскихъ, Осиповскій. По крайней мѣрѣ о немъ современники разсказывали такой анекдотъ. Длинными осенними и зимними вечерами сидѣлъ онъ обыкновенно въ кабинетѣ за математическими выкладками. Его молодой и красивой женѣ, недавно тогда вышедшей за него замужъ, наскучило сидѣть одной, и она, не долго думая, вошла въ кабинетъ мужа, схватила приготовленныя для печати рукописи и бросила ихъ въ огонь.

Не всѣ, конечно, профессора вели такой замкнутый образъ жизни. Даже не мало работавшій Рижскій устраивалъ иногда у себя веселыя вечеринки. А адъюнктъ Васильевъ даже оставилъ въ Харьковѣ о себѣ воспоминаніе, какъ о „душѣ общества".

Гораздо болѣе, чѣмъ о русскихъ профессорахъ, сохранилось данныхъ о жизни въ Харьковѣ профессоровъ-иностранцевъ.

Большимъ оригиналомъ былъ французъ Белленъ-де-Баллю, славившійся своимъ краснорѣчіемъ. По словамъ Роммеля, это былъ „забавный фантазеръ, поэтъ, неутомимый говорунъ, онъ пѣлъ, декламировалъ; въ обществѣ былъ вѣчно любезенъ и вѣчно разсѣянъ; дома страдалъ отъ безтолковаго хозяйства своей супруги, неудачно выбранной въ Парижѣ... Его непринужденность не знала границъ. Съ русскимъ словаремъ въ рукахъ шелъ онъ на базаръ и своимъ неправильнымъ акцентомъ, двусмысленными, полупонятными словами возбуждалъ смѣхъ торговокъ; сосѣдскую свинью, ворвавшуюся къ нему въ садъ, представилъ онъ на саняхъ въ уголовную палату, какъ очевидную

улику и обратился къ судьямъ съ такой рѣчью: „господа свиньи" вмѣсто „господа! эта свинья... и пр." Розальонъ-Сошальскій разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что „по тучности своей Баллю долженъ былъ всегда ѣздить въ университетъ и это путешествіе совершалось на одной лошадкѣ, зимой запряженной въ санки, которой онъ самъ правилъ. Почти всегда онъ засыпалъ, закутавшись въ шубу. Лошадь шла шагомъ, профессоръ пробуждался, кричалъ: „allons"! и махалъ кнутомъ; лошадь пускалась рысцой, останавливалась вновь, и опять, и опять. Противъ дома Грановскихъ было единственное въ Харьковѣ сборное мѣсто биржевыхъ извозчиковъ, и бывало, коль увидятъ ѣдущаго въ гору шагомъ, дремлющаго Баллю, то хохочутъ, говоря между собою: „вонъ уже опять плетется Алена"!

Интересныя бытовыя подробности сообщаетъ Роммель въ своей автобіографіи, и мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя выписки, касающіяся его самого. „Въ память о покинутой родинѣ, говоритъ онъ, я, по пріѣздѣ въ Харьковъ, вступилъ въ знакомство съ нѣсколькими семействами честныхъ ремесленниковъ нѣмцевъ. Посредникомъ служилъ мнѣ добрый другъ мой, землякъ Шмерфельдъ, женатый на дочери одного механика. Разъ въ недѣлю собирались у меня и весело ужинали. Неженатые профессоры составили также клубъ, въ которомъ принимали участіе одни нѣмцы, за исключеніемъ Стойковича и Калькау (обрусѣвшій нѣмецъ). Но скоро украинское гостепріимство открыло мнѣ болѣе обширный кругъ знакомыхъ". Роммель сталъ посѣщать губернатора и мѣстныхъ помѣщиковъ. Супруга тогдашняго губернатора Бахтина была къ нему очень любезна, „съ очаровательной улыбкой поправляла его ошибки въ русскомъ языкѣ и давала дружескій совѣтъ жениться на русской". И онъ, дѣйствительно, женился на русской молодой дѣвушкѣ. „Еще въ первый годъ моего пріѣзда, разсказываетъ онъ далѣе, судьба привела меня въ общество доктора Кальве, ученика Моцарта, женатаго на богатой русской, въ деревню Водолагу (отъ Харькова верстъ 40), гдѣ жилъ графъ Парма, инспекторъ шелковичныхъ плантацій, зять его шведъ Литандеръ и гостепріимное малороссійское семейство Черновыхъ.

Старуха Чернова, богатая вдова маіора, дочь русскаго священника и сестра генерала Ковалинскаго, приняла меня съ особенною лаской. Суевѣрная ханжа, жестокая въ обращеніи съ своими дѣтьми и крестьянами, какъ я впослѣдствіи узналъ, эта женщина любила нѣмцевъ. Изъ четырехъ дочерей она выдала замужъ одну за молодого и разгульнаго русскаго ротмистра; три остальныя были дѣвицы. Старшая, уже не молодыхъ лѣтъ, имѣла философское направленіе, съ свѣтлымъ оттѣнкомъ, который заняла она у любимаго своего писателя Виланда; самая младшая, очень веселаго и живого характера, мастерица пѣть украинскія пѣсни, была не старѣе 15 лѣтъ. На одной вечеринкѣ, на которую было приглашено также нѣсколько знатныхъ турокъ (плѣнныхъ), я, танцуя и играя въ фанты, влюбился въ третью, самую красивую, по имени Маргариту Ивановну. Гордая, очаровательная манера (особенно, когда она разливала чай для гостей), гибкая, тонкая талія, черные, прорѣзанные миндалиной глаза отличали мою красавицу. Недостатокъ знанія иностранныхъ языковъ—она не говорила ни по-французски, ни по-нѣмецки—вознаграждался въ моихъ глазахъ неподражаемымъ ея говоромъ и мастерскимъ знаніемъ родного ея языка. Въ то время я еще не понималъ, какъ важно различіе религіи, національности, темперамента (въ чемъ убѣдилъ меня впослѣдствіи горькій опытъ), и беззаботно, какъ ребенокъ, выбралъ своимъ сватомъ ген. Ковалинскаго. Онъ пригласилъ семейство Черновыхъ въ Харьковъ на нѣсколько времени, и когда однажды моя 17-лѣтняя, порою меланхолическая, украинка вздумала серьезно увѣрять, что бракъ нашъ не можетъ быть счастливъ, я принялъ это за минутный капризъ. Напрасно г-жа Бахтина и Стойковичъ приглашали меня нѣсколько разъ на дачу, предлагая познакомить съ одною русской дамой, знатною и свѣтскою, которая могла быть мнѣ прекрасною партіею. Я такъ сжился въ мечтахъ съ малорусскою Аркадіею, что не хотѣлъ слышать ни о чемъ. Посаженнымъ отцомъ моей невѣсты былъ ген. Маршаль-Биберштейнъ; свадьбу отпраздновали въ Водолагахъ, въ февралѣ 1811 г., со всѣми церемоніями и обрядами греко-русской церкви; мѣстный протопопъ

былъ такъ любезенъ, что предложилъ мнѣ вопросъ о согласіи по-русски и по-латыни (за что и получилъ въ награду 50 р.). Танцовали до упаду, много пили, много шумѣли, провозглашали многолѣтія, меня и ген. Ковалинскаго поднимали на воздухъ. На другое утро теща моя, крѣпко державшаяся старыхъ украинскихъ обычаевъ, разсердилась на меня за то, что я не догадался поблагодарить ее по древне-еврейскому обычаю, брачный смыслъ котораго объяснили мнѣ уже впослѣдствіи. Затѣмъ пошли обычные круговые визиты ко всѣмъ сосѣдямъ и родичамъ". Семейная жизнь Роммеля сложилась неудачно. Общаго съ женой оказалось у него очень мало. Молодая женщина стала ѣздить по богомольямъ, родственники ея надоѣдали Роммелю своими частыми посѣщеніями, наконецъ появился кузенъ, возбудившій чувство ревности въ ученомъ профессорѣ. Все это, въ связи съ непріязненнымъ отношеніемъ русскихъ къ иностранцамъ послѣ 1812 года, побудило Роммеля взять годовой отпускъ и уѣхать съ женой въ Петербургъ. Пристроиться тамъ ему не удалось, и онъ задумалъ ѣхать обратно въ Германію. Жена отказалась слѣдовать за нимъ заграницу, и они разстались навсегда. Впослѣдствіи г-жа Роммель окончила свою жизнь въ одномъ изъ монастырей.

Философъ Шадъ въ житейскихъ столкновеніяхъ былъ, повидимому, такъ же необузданъ, какъ и въ борьбѣ съ университетскими врагами, притомъ же онъ любилъ выпить; по крайней мѣрѣ ему пришлось выступить въ качествѣ отвѣтчика передъ судомъ правленія по дѣлу объ избіеніи слуги проф. Дрейсига, и самаго факта не отрицалъ и Шадъ. Въ другой разъ онъ фигурировалъ передъ судомъ уже въ качествѣ потерпѣвшаго. Возвращаясь изъ-за города, Шадъ былъ остановленъ на заставѣ служителями питейной конторы, обысканъ ими и избитъ. Дѣло объ этомъ тянулось долго, несмотря на дѣятельное участіе уполномоченнаго университета синдика Успенскаго, и неизвѣстно чѣмъ окончилось. Наконецъ, университету же пришлось принять участіе и въ дѣлѣ о разводѣ Шада съ женой.

На счетъ ручной расправы повиненъ былъ изъ иностранцевъ не одинъ только Шадъ. Такія же дѣла о побояхъ разсматрива-

лись по обвиненію и проф. Пильгера и проф. Коритари. Гораздо трагичнѣе былъ случай съ проф. Дюгуромъ. Онъ содержалъ женскій пансіонъ, и въ качествѣ горничныхъ при этомъ пансіонѣ было нѣсколько крѣпостныхъ дѣвушекъ разныхъ помѣщиковъ. Одна изъ этихъ дѣвушекъ совершила проступокъ противъ нравственности, и Дюгуръ, не удовольствовавшись тѣмъ, что оттрепалъ ее собственноручно по щекамъ, еще отрѣзалъ ей косу. Дѣвушка покончила съ собой самоубійствомъ. Но судъ не призналъ Дюгура виновнымъ въ ея смерти, и даже ея помѣщикъ, кн. Барятинскій, продолжалъ отдавать своихъ крѣпостныхъ ему въ услуженіе.

Кляузничество и доносничество не были чужды харьковскимъ профессорамъ. Въ университетскомъ архивѣ сохранилась цѣлая полемика между адъюнктомъ Болгаревскимъ и докторантомъ Хлапонинымъ, жившимъ у Болгаревскаго. Сожители не поладили между собой, разъѣхались и начали бомбардировать правленіе жалобами другъ на друга, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, чтобы только очернить противника. Правленію надоѣли эти препирательства, и оно рѣшило оставить дѣло безъ послѣдствій. Серьезнѣе окончилось дѣло по доносамъ адъюнкта Гамперле на проф. Дюгура. Въ концѣ 1806 г. Гамперле подалъ на Дюгура одинъ доносъ въ томъ, что онъ не способенъ къ должности профессора, а другой, обвинявшій его въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ Франціей. Послѣдній, въ виду политическихъ обстоятельствъ, повлекъ строжайшее слѣдствіе, произведенное секретно губернаторомъ. Дюгуръ былъ оправданъ, а Гамперле и участникъ въ его доносѣ, учитель фехтованья Сивоктъ, были удалены отъ должностей, причемъ замѣшаннымъ въ этомъ дѣлѣ профессорамъ и даже одной профессоршѣ былъ объявленъ въ засѣданіи правленія выговоръ.

Характерна долгая и упорная борьба, которую велъ проф. Пильгеръ съ медицинскимъ факультетомъ. Пильгеръ окончилъ медицинскій факультетъ въ Германіи, но почему-то не имѣлъ диплома. Онъ былъ преподавателемъ ветеринаріи въ Гиссенскомъ университетѣ и пользовался извѣстностью за свои ученые труды,

когда былъ приглашенъ профессоромъ ветеринарныхъ наукъ въ Харьковскій университетъ. Въ Харьковѣ онъ пріобрѣлъ репутацію искуснаго врача и имѣлъ большую практику. Эта то практика, видимо, возбудила зависть его коллегъ по факультету, и они стали добиваться запрещенія Пильгеру лѣчить людей. Долго доказывалъ Пильгеръ свои права и наконецъ обратился въ Дерптскій университетъ, который далъ ему за ученые труды honoris causa степень доктора медицины и хирургіи. Но харьковскіе врачи черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ успѣли добиться постановленія особаго комитета, получившаго Высочайшее утвержденіе, о недѣйствительности выданнаго Пильгеру диплома. Напрасно Дерптскій университетъ настаивалъ на своемъ правѣ давать степень доктора безъ экзамена, напрасно подавали прошенія харьковскіе обыватели о разрѣшеніи Пильгеру медицинской практики, причемъ за него ходатайствовалъ и губернаторъ Бахтинъ,—практика эта все таки не была ему разрѣшена. Противники Пильгера доносили о случаяхъ неблагопріятнаго исхода его лѣченія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда якобы потерпѣвшіе сами свидѣтельствовали о пользѣ для нихъ этого лѣченія. Такова была вражда изъ-за гонорара.

Харьковское студенчество дѣлилось на студентовъ казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. На содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ отпускалось по 200 р. въ годъ на каждаго. На эти деньги ихъ снабжали достаточнымъ количествомъ одежды, столомъ и проч., и даже выдавали по $1^1/_2$ руб. въ мѣсяцъ карманныхъ денегъ. На продовольствіе каждаго студента пищей полагалось по 70 р. въ годъ. На эту сумму давался завтракъ, обѣдъ изъ 3, а по праздникамъ изъ 4 блюдъ, и ужинъ также изъ 3 блюдъ. За то лицо, взявшееся кормить студентовъ, имѣло право въ чистыхъ комнатахъ университетскаго флигеля завести ресторанъ со столомъ и напитками, кофе и биліардомъ, но безъ картъ, и сюда могли являться и чиновники университета, и другія лица съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ. Своекоштные студенты могли получать столъ вмѣстѣ съ казеннокоштными, уплачивая 70 р. въ годъ. Но черезъ два года оказа-

лось, что контрагентъ кормилъ скверно, допускалъ въ ресторанъ всѣхъ и къ тому же вошелъ въ неоплатные долги. Поэтому правленіе университета рѣшило выдавать деньги студентамъ на руки, дабы они вели хозяйство сами черезъ выборныхъ. У студентовъ дѣло пошло, повидимому, лучше, но финансовый кризисъ, о которомъ мы говорили выше, отразился и на студенческомъ хозяйствѣ. Съ 1809 г. начинаются жалобы, что 70 р. на столъ не хватаетъ, и правленіе не разъ выдавало субсидіи студентамъ для покрытія дефицита. Впрочемъ, суммы эти были ничтожны, и надо думать, что студенты умѣли вести дѣло экономно.

Казеннокоштные студенты должны были подчиняться правиламъ, которыя регулировали ихъ бытъ. Правила эти создавали довольно строгую дисциплину, напоминающую гимназическую. Но есть основанія думать, что въ приложеніи къ жизни эти правила оказывались не такими уже неудобными для студентовъ. Судя по нѣкоторымъ фактамъ, университетское начальство весьма снисходительно относилось къ студенческимъ проступкамъ и исключало виновныхъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда не было уже никакой надежды на ихъ исправленіе.

Своекоштные студенты пользовались значительной свободой сравнительно со своими казеннокоштными товарищами. Они были большею частью изъ дѣтей мѣстныхъ помѣщиковъ. Жили они или на частныхъ квартирахъ, или, болѣе состоятельные, у профессоровъ и преподавателей университета. Жизнь въ Харьковѣ, по крайней мѣрѣ въ первые годы существованія университета, была дешева, да притомъ же за содержаніе студентовъ родители уплачивали обыкновенно натурой—хозяйственными продуктами, прислуга тоже была своя крѣпостная. Обращались съ этими крѣпостными слугами студенты, видимо, не лучше, чѣмъ и ихъ отцы. Въ университетскомъ архивѣ сохранилось дѣло о студентѣ Липко-Парафіевскомъ, напоминающее дѣло проф. Дегурова. Липко-Парафіевскій наказалъ розгами своего крѣпостного мальчика, а тотъ послѣ этого повѣсился. Судъ призналъ и Парафіевскаго неповиннымъ въ смерти слуги.

Уже въ первые годы существованія Харьковскаго университета возникъ вопросъ о перенесеніи его въ другой городъ. При-

чиной этому было анти-гигіеническое состояніе города. Грязь весною и осенью, пыль лѣтомъ, загрязненіе города навозомъ и зловонныя рѣчки Харьковъ и Лопань—дѣлали жизнь въ Харьковѣ не только непріятною, но и опасною для здоровья. Шесть профессоровъ университета умерло въ теченіе 7 лѣтъ отъ заразныхъ болѣзней, другіе разстроили свое здоровье и должны были выѣхать изъ Харькова. Грязь создала даже особые грязные каникулы (feriae luti), утвержденные совѣтскимъ постановленіемъ. Такъ, въ протоколѣ 24 марта 1811 г. читаемъ „cum studiosi ob lutum profundum adire nequeant universitatem decretum est interrumpere praelectiones usque dum viae sint minus lutosae", т. е. такъ какъ студенты по причинѣ глубокой грязи не могутъ добраться до университета, то рѣшено прервать лекціи до тѣхъ поръ, пока улицы станутъ менѣе грязными.

Уже въ 1807 г. проф. Якобъ обратилъ вниманіе совѣта на ужасное въ санитарномъ отношеніи состояніе Харькова, и совѣтъ рѣшилъ просить губернатора принять надлежащія мѣры къ оздоровленію города. Въ 1811 г. этотъ вопросъ поднимается снова. Въ 1813 г. ректоръ Осиповскій въ письмѣ къ губернатору говоритъ, что «Харьковъ нашъ представляетъ теперь совершенное болото и притомъ болото чрезвычайно вонючее отъ гніенія въ немъ навоза, смѣшаннаго пополамъ съ топкою грязью". И дѣйствительно, въ этомъ году почти весь ноябрь не было лекцій по причинѣ глубокой грязи. Въ слѣдующемъ году министръ нар. просвѣщенія въ виду неоднократныхъ представленій о нездоровомъ климатѣ Харькова и чрезвычайной въ немъ грязи, запросилъ совѣтъ, не найдетъ ли онъ выгоднымъ и удобнымъ перемѣщеніе университета въ другой городъ. Медицинскій факультетъ, которому поручено было сдѣлать по этому поводу докладъ, пришелъ къ неутѣшительнымъ для города выводамъ: Въ 1810 г. на 12,915 жителей родилось 781, а умерло 799, въ 1811 г. родилось 820, умерло 849. Такимъ образомъ на 16 чел. умиралъ 1, и смертность превышала рождаемость. Причины такого печальнаго положенія города факультетъ усматривалъ въ загрязненіи рѣкъ, множествѣ временныхъ и постоянныхъ болотъ и въ „безпрерыв-

номъ засореніи издавна сильно унавоженнаго города". Въ совѣтѣ при разсмотрѣніи вопроса о перенесеніи университета, голоса раздѣлились поровну: половина была за оставленіе его въ Харьковѣ, другая за перенесеніе. Одни изъ стоявшихъ за перенесеніе указывали на Курскъ или на Кіевъ, другіе стояли за Кіевъ. Приведемъ мнѣніе на этотъ счетъ проф. Швейкардта. „Университетъ должно перевести въ древнее мѣстопребываніе наукъ и источникъ культуры малороссійской, т. е. въ Кіевъ. Этого требуютъ слава города, многочисленность жителей всѣхъ сословій, большая торговля, производящаяся тамъ, и вытекающія отсюда удобства жизни, а въ особенности близость такихъ мѣстъ, въ которыхъ процвѣтаютъ науки. Иностранные ученые, которыхъ будутъ приглашать изъ-за границы, конечно охотнѣе поѣдутъ въ Кіевъ, чѣмъ въ Харьковъ. Изъ очертанія округа нашего университета нельзя извлечь аргумента противъ такого перехода. Вѣдь Харьковъ выбранъ не потому, что расположенъ въ центрѣ округа, но округъ былъ созданъ послѣ того, какъ онъ былъ выбранъ. По избраніи другого мѣста, надо образовать и другой округъ. Въ самомъ дѣлѣ, если къ Казанскому университету присоединить Воронежскую губ. и двѣ козачьихъ области, а на ихъ мѣсто поставить Кіевскую, Могилевскую, Минскую, Волынскую и Подольскую губ., то получится округъ почти такого же пространства, въ центрѣ котораго будетъ лежать г. Кіевъ; онъ какимъ-то чудомъ находится на равномъ разстояніи отъ крайнихъ городовъ, въ которыхъ существуютъ гимназіи, т. е. отъ Минска, Могилева, Орла, Курска, Харькова, Екатеринослава, Херсона и Одессы. Сверхъ того, я прошу, чтобы университетъ былъ переведенъ не раньше, чѣмъ въ Кіевѣ будутъ выстроены необходимые дома (и при томъ на горѣ, въ Дворцовой части) и будутъ замощены улицы". Въ такомъ-же родѣ было мнѣніе Дрейсига и Гизе. За переводъ или въ Кіевъ, или въ Курскъ были Роммель, Книгинъ, Пильгеръ, Шумлянскій и Каменскій.

Слухъ о возможности перехода университета въ другой городъ взволновалъ мѣстное дворянство. Виновникъ основанія

университета въ Харьковѣ В. Н. Каразинъ прочиталъ въ собраніи дворянъ свою записку, въ которой обвинялъ профессоровъ университета въ безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ ректорство Стойковича, и въ желаніи перевода университета въ другой городъ. Дворянство рѣшило подать прошеніе на Высочайшее имя объ оставленіи университета въ Харьковѣ. Прошеніе это было представлено министромъ народнаго просвѣщенія Государю вмѣстѣ съ объясненіемъ, что профессорская коллегія нисколько неповинна въ безпорядкахъ, единственнымъ виновникомъ которыхъ былъ уже удаленный отъ должности Стойковичъ, и что вопросъ о перемѣщеніи университета разсматривался по его, министра, предложенію. Но мысль о переводѣ изъ Харькова университета не получила, вѣроятно, одобренія Императора и была оставлена.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о роли, которую игралъ Харьковскій университетъ въ развитіи средняго и низшаго образованія въ Харьковскомъ учебномъ округѣ.

По уставу 1804 г., университеты были поставлены во главѣ управленія учебными заведеніями округа. Имъ принадлежала забота объ открытіи новыхъ училищъ, надзоръ за училищами, снабженіе ихъ пособіями и, наконецъ, замѣщеніе должностей по учебному вѣдомству. Для завѣдыванія училищами при университетахъ состоялъ училищный комитетъ подъ предсѣдательствомъ ректора изъ 6 ежегодно избираемыхъ изъ ординарныхъ профессоровъ членовъ. Сверхъ того, совѣтъ ежегодно назначалъ для осмотра училищъ „визитаторовъ“ изъ профессоровъ же.

На долю Харьковскаго университета выпало не мало работы по устройству училищъ. Уже обширность округа, обнимавшаго 9 губерній и земли Донскихъ и Черноморскихъ козаковъ, осложняла въ значительной степени задачу университета. Сверхъ того, нужно было вводить новую систему среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній—преобразовывать главныя народныя училища въ гимназіи, а малыя училища—въ уѣздныя а также устраивать училища приходскія. И нужно от-

дать справедливость Харьковскому училищному комитету, онъ проявилъ сразу-же большую энергію. Разосланные имъ по губерніямъ визитаторы, среди которыхъ особенною дѣятельностью выдавался проф. Тимковскій, оказали огромныя услуги дѣлу распространенія просвѣщенія на югѣ Россіи. Рядъ учебниковъ, составленныхъ профессорами и изданныхъ университетомъ, обогатилъ скудную учебную литературу того времени; наконецъ, университетъ же давалъ, въ лицѣ своихъ воспитанниковъ, среднимъ и даже низшимъ школамъ учителей.

Заканчивая наше изложеніе, не можемъ не отмѣтить, что мы далеко не исчерпали богатаго и въ высшей степени любопытнаго матеріала, заключающагося въ трудѣ проф. Багалѣя; интересующіеся судьбами просвѣщенія въ южной Руси найдутъ въ этой книгѣ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній не только по исторіи Харьковскаго университета, но и вообще по культурной исторіи края. Не можемъ не выразить еще разъ сожалѣнія, что какъ по объему, такъ и по цѣнѣ, книга эта не доступна широкому кругу читателей и, желая скорѣйшаго появленія слѣдующихъ томовъ, не можемъ не пожелать, чтобы почтенный авторъ, хотя бы къ предстоящему юбилею Харьковскаго университета, выпустилъ болѣе короткій и популярный очеркъ его исторіи.

Е. К.

Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ.

Тотъ, кто присутствовалъ на первыхъ засѣданіяхъ Предварительнаго Комитета XI археол. съѣзда въ Москвѣ, въ январѣ 1897 г., кто наблюдалъ то оживленіе, какое замѣчалось среди съѣхавшихся съ разныхъ концовъ Россіи депутатовъ, кто слышалъ заявляемые вопросы и запросы, долженствовавшіе трактоваться на будущемъ съѣздѣ, юбилейномъ для Кіева, несомнѣнно былъ немного обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, побывавъ на самомъ съѣздѣ. Всѣ признаки указывали, что съѣздъ будетъ выдающимся среди другихъ; въ дѣйствительности же выдающимся его назвать нельзя, и прошелъ онъ довольно вяло, несмотря на всѣ усилія, какія употребляла графиня П. С. Уварова—предсѣдатель Предварительнаго Комитета и Съѣзда, чтобы оживить его. Трудно указать всѣ причины, вызвавшіе такое положеніе дѣла: имѣло тутъ вліяніе и отсутствіе нѣкоторыхъ членовъ: по числу членовъ кіевскій археол. съѣздъ уступалъ, напр., предшествующему, рижскому; затѣмъ, многіе изъ видныхъ представителей науки хотя и присутствовали на съѣздѣ, но не сдѣлали никакихъ сообщеній; какъ на довольно серьезную причину, можно указать на обнаруженный нѣкоторыми членами Кіевскаго Предварительнаго Комитета страхъ предъ малорусскимъ языкомъ; страхъ этотъ оказался довольно заразительнымъ, и въ результатѣ, цѣлая группа ученыхъ, именно галицкихъ, за-

готовившая довольно много интересныхъ рефератовъ, лишена была возможности присутствовать на съѣздѣ; не принимали въ немъ активнаго участія и нѣкоторые изъ мѣстныхъ ученыхъ.

Но несмотря на эти отрицательныя стороны, съѣздъ далъ много интереснаго и поучительнаго, и если его нельзя сравнивать по одушевленію и безкорыстному увлеченію наукой, какіе давали тонъ первому кіевскому съѣзду 25 лѣтъ тому назадъ, такъ какъ не тѣ времена, не тѣ и люди, то, во всякомъ случаѣ, онъ прошелъ не безслѣдно, какъ въ научномъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ возбужденія интереса къ памятникамъ старины среди мѣстнаго общества.

Благодаря продолжительному сроку, въ теченіе котораго имѣли мѣсто засѣданія съѣзда, рефератовъ на немъ было доложено сравнительно много—135. Не всѣ они, конечно, отличались одинаковыми научными достоинствами; къ сожалѣнію и на этомъ съѣздѣ повторилось прежнее явленіе — къ прочтенію допускались и рефераты, не дававшіе ничего новаго или обобщающаго; такого рода рефераты, касаясь частныхъ вопросовъ или представляя изъ себя результаты изслѣдованій незначительной группы тѣхъ или другихъ памятниковъ, являются лишь балластомъ для съѣзда: мѣсто имъ въ спеціальныхъ изданіяхъ, а не на засѣданіяхъ съѣзда, гдѣ дорога каждая минута.

Какъ извѣстно, настоящій съѣздъ рѣшено было въ принципѣ посвятить, главнымъ образомъ, древностямъ Волыни. На дѣлѣ, Волынь не играла первенствующей роли на съѣздѣ: болѣе полно были представлены на немъ лишь языческія славянскія древности, благодаря изслѣдованію волынскихъ кургановъ, слабѣе—каменный вѣкъ; только отчасти былъ затронутъ вопросъ о волынскихъ городищахъ, памятники же болѣе поздняго періода, какъ напр. остатки древняго зодчества, которыми Волынь багата болѣе, чѣмъ какая-либо другая область, были пройдены молчаніемъ.

Гвоздь всякихъ съѣздовъ, а въ томъ числѣ и археологическихъ, составляютъ тѣ общіе вопросы, которые поднимаются на нихъ. На кіевскомъ археол. съѣздѣ такихъ вопросовъ было

очень немного. На первомъ мѣстѣ мы должны поставить сообщеніе предсѣдателя съѣзда, *гр. П. С. Уваровой—„О преподаваніи археологіи въ русскихъ университетахъ“*. Указавъ вкратцѣ исторію этого вопроса, вопроса не новаго, а поднимавшагося уже нѣсколько разъ на предшествующихъ съѣздахъ по тому или другому поводу, причемъ ставили ихъ такіе ученые, какъ гр. Уваровъ, Забѣлинъ, Буслаевъ, Срезневскій, Погодинъ и др., и развивъ свою мысль о необходимости возможно скораго разрѣшенія этого вопроса, гр. П. С. Уварова предложила съѣзду сдѣлать слѣдующія постановленія: 1) ходатайствовать предъ правительствомъ о введеніи въ университетахъ каѳедръ по археологіи, не только русской, но и всѣхъ народностей, которыя могли имѣть вліяніе на развитіе русскаго искусства, и 2) ходатайствовать вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы немедленно была составлена комиссія для обсужденія и выработки необходимыхъ для преподаванія археологіи программъ и изданія руководствъ по разнымъ отраслямъ археологіи, съ привлеченіемъ къ этому дѣлу ученыхъ обществъ, имѣющихся въ Россіи. Это предложеніе гр. Уваровой, коснувшееся одного изъ больныхъ мѣстъ, вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній. Указывалось, между прочимъ, что въ университетахъ существуетъ каѳедра, которая могла-бы хотя отчасти восполнить существующій недостатокъ въ программѣ университетскаго образованія, именно—каѳедра исторіи искусствъ; но каѳедра эта въ послѣднее время выродилась почти исключительно въ исторію классическаго искусства, а потому въ окончательной редакціи ходатайство съѣзда было направлено на расширеніе преподаванія теоріи и исторіи искусствъ на область внѣклассическаго міра. Что же касается главнаго предложенія гр. Уваровой, то, послѣ замѣчаній проф. Милюкова о томъ значеніи, какое пріобрѣла въ настоящее время доисторическая археологія, открывшая исторіи цѣлые новые горизонты, рѣшено ходатайствовать объ учрежденіи въ университетахъ самостоятельной каѳедры доисторической археологіи. Если это послѣднее ходатайство получитъ осуществленіе, то несомнѣнно каѳедра эта само собой превратится въ каѳедру исторіи первобытной

культуры вообще, а обширность предмета, богатство имѣющагося уже научнаго матеріала въ данной области, сдѣлаетъ эту каѳедру одной изъ самыхъ интересныхъ; необходимость же ея ощущается уже очень настоятельно.

Въ связи съ предыдущимъ вопросомъ находится и другой, также общаго характера, выдвинутый *проф. А. И. Маркевичемъ*—„*О сохраненіи старинныхъ памятниковъ*". Связь между ними очевидна: серьезное отношеніе къ памятникамъ нашей старины можетъ быть достигнуто распространеніемъ знанія ихъ. Гр. Уварова въ своемъ докладѣ привела слова проф. Казанскаго—„любовь къ древностямъ и знаніе ихъ суть лучшіе хранители древностей; пока не распространится въ большинствѣ общества любовь къ древностямъ и знаніе, никакія правительственныя мѣры не оградятъ вполнѣ древнихъ памятниковъ отъ искаженія и уничтоженія". Масса фактовъ ясно показываетъ, что мы еще очень далеки отъ такой любви и знанія, между тѣмъ невозможно и оставить дѣло въ такомъ положеніи, какъ оно есть. Проф. Маркевичъ, ставя свое предложеніе, сознаетъ тѣ трудности, съ какими приходится считаться; онъ между прочимъ говоритъ: „вѣдь самый ярый поклонникъ археологіи не пойдетъ такъ далеко, чтобы требовать назначенія исправниковъ или становыхъ изъ числа археологовъ", и замѣчаетъ далѣе: „Врагъ широкихъ, а потому трудно исполнимыхъ на дѣлѣ плановъ, я потому и рѣшаюсь выступить съ своимъ предложеніемъ, что, какъ мнѣ кажется, возможно уже сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ для его практическаго осуществленія, то-есть,—позаботиться объ охранѣ хотя-бы нѣкоторыхъ памятниковъ древности, и именно тамъ, гдѣ таковая охрана возможна". Проектъ проф. Маркевича сводится къ слѣдующему: одно изъ ученыхъ археологическихъ обществъ обращается къ другимъ археологическимъ обществамъ или такимъ, которыя могли-бы заняться охраною древностей, съ запросомъ: охрану какихъ памятниковъ они могли-бы взять на себя, въ зависимости отъ удобства надзора и достаточныхъ матеріальныхъ средствъ? Съѣздъ постановилъ обратиться съ просьбою къ Московскому Археологическому

Обществу взять на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ, при чемъ такого рода свѣдѣнія могутъ быть доставлены лицами, которыя будутъ пріѣзжать на засѣданія предварительнаго комитета будущаго съѣзда. Конечно, сообщенія свѣдѣній одно, а принятіе мѣръ охраны—другое, но несомнѣнно будетъ имѣть значеніе и собраніе свѣдѣній о памятникахъ, требующихъ охраны: съ такимъ спискомъ въ рукахъ легче будетъ оріентироваться, легче будетъ выборъ, и, быть можетъ, удастся что нибудь сдѣлать.

Заговоривъ объ охранѣ памятниковъ, упомянемъ кстати объ одномъ частномъ фактѣ, уже нѣсколько разъ трактовавшемся на предыдущихъ съѣздахъ, именно объ охранѣ отъ окончательнаго разрушенія Юрьевской Божницы въ с. Старогородкѣ, близъ г. Остра. Остерское земство обратилось въ съѣздъ съ ходатайствомъ о поддержаніи этого памятника древне-русскаго зодчества, при чемъ съ своей стороны ассигновало на это дѣло извѣстную сумму; ходатайство это съѣздъ постановилъ передать въ церковно-археологическое общество при Кіевской Духовной Академіи съ просьбой принять возможно скорѣе необходимыя для того мѣры. Мы знаемъ, что само „Общество“ очень заинтересовано въ этомъ вопросѣ, и можно надѣяться, что онъ будетъ наконецъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Несомнѣнно, къ общимъ вопросамъ нужно отнести и вопросъ о субсидіи губернскимъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ. Не смотря на названіе „архивныхъ“, комиссіи все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ областныхъ органовъ, въ которыхъ сосредоточивается изученіе прошлаго даннаго края въ различныхъ отношеніяхъ. Безъ такихъ органовъ, работающихъ на мѣстѣ, имѣющихъ (въ принципѣ) возможность детально разрабатывать тѣ или другіе вопросы областной исторіи, не мыслимы обобщенія, своды данныхъ, общіе выводы. На съѣздѣ М. В. Довнаръ-Запольскимъ былъ сдѣланъ обзоръ дѣятельности губернскихъ архивныхъ комиссій за послѣдніе три года; изъ этого обзора видно, насколько разносторонне и неослабно велись занятія комиссіями; дѣятельность ихъ состояла: а) въ осмотрѣ и разборѣ дѣлъ мѣстныхъ архивовъ, б) въ археологическихъ раскоп-

кахъ и пополненіи мѣстныхъ музеевъ, в) въ охранѣ памятниковъ старины, г) въ изданіи ученыхъ изслѣдованій и историческихъ матеріаловъ, и наконецъ—д) въ устройствѣ нѣкоторыми комиссіями публичныхъ чтеній. Но въ большинствѣ случаевъ всѣ благія начинанія комиссій разбивались о непреоборимое для мѣстныхъ силъ препятствіе—отсутствіе средствъ. На Рижскомъ съѣздѣ было постановлено хлопотать о субсидіи; хлопоты не привели ни къ чему: былъ полученъ отказъ. На кіевскомъ съѣздѣ, съ похвальной настойчивостью, снова выдвинутъ тотъ-же вопросъ, и совѣтъ съѣзда рѣшилъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ оказаніи всѣмъ комиссіямъ ежегоднаго пособія въ размѣрѣ 1500 рублей. Если принять во вниманіе ту громадную пользу, какую могутъ оказать наукѣ губернскія комиссіи, имѣя мало-мальски матеріальную возможность развивать свою дѣятельность, то будетъ совершенно необъяснимымъ, если и на этотъ разъ ходатайство съѣзда не будетъ удовлетворено, да и просимая сумма представляется намъ болѣе чѣмъ скромной.

Вслѣдъ за вопросами общаго характера, имѣющими громадное значеніе для общей постановки дѣла, цѣннымъ результатомъ съѣздовъ являются своды имѣющагося археологическаго матеріала, безъ которыхъ трудно разобраться въ массѣ все болѣе и болѣе накопляющихся раскопокъ, находокъ и т. п. Такого рода своды, въ видѣ-ли археологическихъ картъ, въ видѣ ли обзоровъ или всѣхъ вообще древностей даннаго раіона, или извѣстнаго вида ихъ, составляютъ дѣйствительное пріобрѣтеніе съѣздовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и науки.

На кіевскій съѣздъ подобнаго характера работъ было представлено нѣсколько. Во главѣ ихъ стоитъ *Археологическая карта Волынской губерніи, составленная проф. В. Б. Антоновичемъ.* Карта въ масштабѣ 10 верстъ въ англ. дюймѣ; она потребовала отъ проф. Антоновича продолжительнаго и кропотливаго труда; свѣдѣнія приходилось черпать изъ разныхъ источниковъ, и только благодаря эрудиціи составителя, такъ давно начавшаго собирать свѣдѣнія о мѣстныхъ древностяхъ, возможно

было составленіе карты. Интересныхъ въ археологическомъ отношеніи мѣстностей на ней отмѣчено 1105, при чемъ городищъ нанесено 363, кургановъ 15,125, изъ нихъ раскопанныхъ 714. Карта сопровождается текстомъ, въ которомъ древности распредѣлены по уѣздамъ.

По плану раньше изданной археологической карты Кіевской губ., составленной тѣмъ-же проф. Антоновичемъ, *свящ. Е. Сѣцинскимъ* составлена и представлена на съѣздъ *Археологическая карта Подольской губерніи*. Изъ объясненій къ этой картѣ, доложенныхъ на съѣздѣ св. Сѣцинскимъ, мы узнаемъ, что кромѣ печатныхъ, авторъ пользовался нѣкоторыми рукописными источниками, какъ сообщенія священниковъ, представленныя въ 1868—73 и 1890— 91 гг. подольскому епархіальному статистическому комитету, и донесенія волостныхъ правленій, собранныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 1873 г.; кромѣ того, авторъ пользовался сообщеніями частныхъ лицъ и личными наблюденіями и развѣдками. На карту нанесено около 300 кургановъ, 316 городищъ, около 60 селищъ и т. п. Изъ вышеупомянутыхъ объясненій автора мы узнаемъ, что кургановъ больше всего на юго-востокѣ губерніи, въ мѣстностяхъ степныхъ; городищъ, напротивъ, въ той мѣстности меньше, и болѣе всего въ Литинскомъ, Винницкомъ и Брацлавскомъ уѣздахъ, по рѣкѣ Бугу; много также городищъ въ юго-зап. углу Подоліи, въ уѣздахъ Каменецкомъ и Ушицкомъ. Мѣстностей, гдѣ находятся пещеры со слѣдами пребыванія въ нихъ человѣка, отмѣчено на картѣ 50, въ томъ числѣ 7 такихъ, гдѣ есть слѣды бывшихъ тамъ церквей и монастырей. Валовъ, значительныхъ по длинѣ, нанесено на карту 3. Мѣстностей, гдѣ находятся предметы каменнаго вѣка, обозначено 100; болѣе всего ихъ въ юго-зап. части Подоліи, въ Каменецкомъ и Ушицкомъ уѣздахъ. Между находками каменнаго вѣка отмѣчена одна, относящаяся къ палеолитическому періоду каменнаго вѣка. Находокъ предметовъ бронзоваго вѣка отмѣчено сравнительно немного, именно на сѣверѣ Каменецкаго у. и на югѣ Ушицкаго и Ямпольскаго.

Съ составленіемъ этихъ двухъ картъ, древности всего юго-западнаго края являются зарегистрированными и распредѣленными по группамъ; теперь остается лишь добавлять новыя свѣдѣнія. Желая немного расширить районъ, охваченный означенными картами, мы, съ своей стороны, предполагали составить *археологическую карту Сѣдлецкой и Люблинской губерній,* или по крайней мѣрѣ части ихъ, составляющей Холмскую Русь. Но, собравъ весь имѣвшійся по данному предмету матеріалъ, пришлось отказаться отъ намѣренія—матеріала оказалось настолько мало, что до поры до времени нечего и думать о составленіи карты.

Кромѣ двухъ археологическихъ картъ, на съѣздѣ была демонстирована *проф. П. В. Голубовскимъ и Е. А. Кивлицкимъ Историческая карта Черниговской губерніи до XVI в.* Данная карта представляетъ только часть работы, такъ какъ имѣется въ виду составить историческую карту Черниговской и Полтавской губерній до 1654 года. Пока закончена лишь Черниговская губернія. Для удобства, карта разбита на двѣ самостоятельныя карты: одна обнимаетъ собой древнѣйшій періодъ—до 1300 года, другая отъ 1300 г. до начала XVI в. На нихъ нанесены населенные пункты, свѣдѣнія о которыхъ имѣлись какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ болѣе позднихъ матеріалахъ разнороднаго характера. Отмѣтимъ любопытное наблюденіе составителей по отношенію къ картѣ древнѣйшаго періода: сличая ее съ картой городищъ Черниговской губ. проф. Самоквасова, въ большинствѣ случаевъ можно найти замѣчательное совпаденіе; этотъ фактъ еще разъ убѣдительно доказываетъ, что исторія и археологія должны идти рука объ руку.

Археологическія карты, какъ своды добытаго матеріала, возможны только послѣ тщательныхъ изслѣдованій на мѣстѣ: чѣмъ больше такихъ изслѣдованій, чѣмъ большій районъ они охватываютъ, тѣмъ полнѣе будетъ и карта. Нельзя отрицать того, что существующія уже карты зачастую даютъ свѣдѣнія случайныя, не провѣренныя на мѣстѣ спеціалистами. Вотъ почему мы уже нѣсколько разъ поднимали вопросъ объ экскур-

сіяхъ спеціалистовъ для развѣдокъ и осмотровъ въ извѣстномъ районѣ, причемъ изслѣдованія не должны ограничиваться однимъ какимъ нибудь видомъ памятниковъ старины, а распространяться на всѣ вообще виды ихъ. Результатомъ такихъ обслѣдованій всегда будетъ масса новыхъ фактовъ, среди которыхъ легко уже будетъ оріентироваться и вести впослѣдствіи детальную разработку. Только такимъ путемъ мало по малу можно будетъ оттѣснить тотъ элементъ *случайности*, какой, нужно въ этомъ сознаться, господствуетъ еще въ довольно сильной степени среди нашихъ археологическихъ изслѣдованій и въ частности раскопокъ.

На съѣздѣ было представлено два такихъ обзора различнаго рода древностей извѣстныхъ районовъ, явившихся результатомъ развѣдокъ на мѣстѣ. *В. Г. Ляскоронскимъ*, по порученію предварительнаго комитета, была совершена экскурсія въ область Посулья [1]). Районъ его обслѣдованій охватилъ собственно область Посулья и нѣсколькихъ притоковъ р. Сулы: рр. Ромна, Терна, Удая, Слѣпорода, Оржицы и др. На основаніи своихъ обслѣдованій г. Ляскоронскій, въ рефератѣ *„О городищахъ, длинныхъ (зміевыхъ) валахъ и курганахъ въ бассейнѣ р. Сулы“*, далъ характеристику встрѣченныхъ имъ памятниковъ. Городища референтъ раздѣляетъ на нѣсколько категорій. Первую изъ нихъ составляютъ круглыя болотныя городища, устроенныя въ низменныхъ мѣстахъ, на природныхъ или искусственныхъ возвышеніяхъ. Ко второй группѣ относятся нагорныя круглыя городища; отъ предъидущихъ они отличаются своимъ мѣстоположеніемъ, а иногда еще и тѣмъ, что съ той стороны ихъ, которая обращена къ плато, бываетъ нѣсколько защитительныхъ валовъ. Третью группу городищъ составляютъ укрѣпленія, отличающіяся отъ предъидущихъ типовъ какъ формою, такъ и системою защиты. Онѣ видоизмѣняютъ свои формы сообразно съ контурами возвышенностей, на которыхъ расположены, по размѣрамъ гораздо больше круглыхъ городищъ, и имѣютъ иногда цѣлый рядъ концентрическихъ ва-

[1]) Объ этой экскурсіи краткія свѣдѣнія помѣщены въ Кіевской Старинѣ, мартъ 1899 г., Археологич. лѣтопись.

ловъ. Къ четвертой и послѣдней группѣ относятся тѣ городища, которыя представляютъ собой остатки городовъ, упоминаемыхъ лѣтописью. Что касается т. н. зміевыхъ валовъ, то ихъ въ Полтавской губ. находится довольно много; самый большой изъ нихъ тянется по краю нагорнаго плато, оканчивающагося обрывомъ къ правому берегу р. Сулы.

По порученію того-же Предварительнаго Комитета мы обслѣдовали берега р. Западнаго Буга отъ г. Влодавы до г. Брестъ-Литовска. Встрѣченныя здѣсь древности очень однородны; относятся онѣ главнымъ образомъ къ каменному вѣку, и потому о нихъ мы скажемъ впослѣдствіи.

Кромѣ обзоровъ, основанныхъ на личныхъ наблюденіяхъ, немаловажное значеніе, какъ матеріалъ для картъ, имѣютъ и такіе обзоры, гдѣ свѣдѣнія для извѣстнаго, сравнительно небольшого района берутся изъ разныхъ источниковъ. Сюда относятся доложенныя съѣзду обзоры: *г. Житынскаго*—*„Находки каменнаго вѣка въ бассейнѣ р. Стыря“*—о немъ ниже, и г. *Копфа*—*„О древностяхъ Лебедянскаго уѣзда Харьковской губерніи“*, гдѣ дополняются показанія преосв. Филарета о древностяхъ Харьковской губерніи и указываются курганы, городища и другіе памятники старины въ Лебедянскомъ уѣздѣ. Была представлена на съѣздѣ, но не доложена за недостаткомъ времени, еще третья работа подобнаго рода — *„Обзоръ древностей Грубешовскаго уѣзда, Люблинской губерніи“*, составленный *г. Крашкевичемъ*.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ тѣхъ рефератовъ, которые докладывались въ различныхъ секціяхъ съѣзда, удѣлимъ немного мѣста *археологическимъ выставкамъ*, устроеннымъ спеціально для съѣзда; говоримъ спеціально, такъ какъ для членовъ съѣзда были открыты всѣ имѣющіяся въ Кіевѣ общественныя и частныя собранія, какъ напр. Церковно-археологическій музей дух. академіи, собранія Б. И. Ханенка, І. А. Хойновскаго. Такихъ спеціальныхъ выставокъ было устроено двѣ: одна, открывшаяся ко времени съѣзда, помѣщалась въ университетѣ; другая, открывшаяся немного спустя послѣ начала

съѣзда, была размѣщена въ нѣсколькихъ залахъ заканчивающагося постройкой Музея древностей и искусствъ.

Выставка въ университетѣ распадалась на нѣсколько отдѣловъ, въ устройствѣ которыхъ принимали участіе разныя лица. Наиболѣе полно здѣсь былъ представленъ *отдѣлъ первобытныхъ древностей*, въ свою очередь распадавшійся на подъ-отдѣлы: каменный вѣкъ, бронзовый вѣкъ, скифскія древности, древности времени переселенія народовъ и славянскія древности; послѣднія относятся какъ къ дохристіанскому времени, такъ и къ княжескому періоду. Предметы распредѣлены въ каждомъ изъ этихъ подъ-отдѣловъ по губерніямъ, почти исключительно южнымъ. Главную массу первобытныхъ древностей далъ университетскій музей, именно 6574 номера. За этой коллекціей слѣдуетъ довольно обширное собраніе проф. В. Б. Антоновича изъ разныхъ мѣстъ юга, небольшая коллекція г. Червинскаго изъ Подольской и Кіевской губ., коллекція г. Тиховскаго изъ Кременецкаго у. Волынской губ., немного предметовъ, доставленныхъ проф. Лашкаревымъ, коллекція каменнаго вѣка въ 920 экземпляровъ г-жи К. Мельникъ изъ Кіевской, Подольской, Волынской и Екатеринославской губ., коллекція Ф. К. Пулавскаго изъ Подольской губ., заключающая въ себѣ много цѣнныхъ предметовъ въ области каменнаго и бронзоваго вѣковъ, коллекція болѣе чѣмъ въ 1000 экземпляровъ, собранная нами на бужскихъ стоянкахъ каменнаго вѣка, предметы изъ стоянки въ с. Городкѣ, выставленные Городецкимъ музеемъ Волынской губ. барона Штейнгеля, и небольшія коллекціи гг. Житынскаго, Волянскаго и Любы-Радзиминскаго— изъ Волынской губ., наконецъ, коллекція г. Добровольскаго— первобытныя древности изъ Овручскаго у. Волынской губ.

Гораздо меньше по числу было выставлено предметовъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ—*церковныхъ древностей.* И здѣсь не мало предметовъ принадлежало университетскому музею, какъ напр.: образцы строительнаго матеріала изъ древнихъ сооруженій и остатки орнаментики, остатки церковной утвари и церковныхъ принадлежностей изъ раскопокъ на мѣстахъ древнихъ церквей,

древніе кресты, образки, медальоны и т. п. Очень многіе изъ этихъ предметовъ относятся къ княжескому періоду. Сюда-же вошла и небольшая, но цѣнная коллекція проф. Антоновича. Самостоятельное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимали иконы, плащаницы и части иконостасовъ; доставлены онѣ главнымъ образомъ Волынскимъ Епархіальнымъ Древлехранилищемъ и Каменецъ-Подольскимъ музеемъ. Помимо иконографическаго интереса, нѣкоторыя изъ иконъ интересны и для исторіи быта; укажемъ, напр., на икону 1745 г. съ изображеніемъ Богоматери съ Спасителемъ и колѣнопреклоненныхъ соорудителей иконы въ національныхъ костюмахъ; на другой иконѣ XVII—XVIII в.— Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи: Иродіада и палачъ одѣты поукраински.

Кромѣ этихъ двухъ, находились на выставкѣ еще два незначительные отдѣла *предметовъ классическаго искусства и историческихъ древностей*. Они главнымъ образомъ состояли изъ университетскихъ коллекцій, хотя были и частные экспоненты, какъ гг. Болсуновскій и Божко. Въ этотъ отдѣлъ вошло и нѣсколько очень цѣнныхъ, оригинальныхъ портретовъ, какъ напр.: Выговской, Мазепиной, Шираевъ, Полетикъ.

Въ университетѣ-же, въ помѣщеніи Центральнаго Архива, И. М. Каманинымъ была устроена *выставка рукописей и старопечатныхъ книгъ*. Рукописей выставлено 190; при подборѣ ихъ, главное вниманіе обращалось на палеографію; распредѣляются онѣ на кіевскія и волынскія, содержанія преимущественно богослужебнаго, обнимаютъ собой XV—XIX вв. Старопечатныя книги подобраны съ той цѣлью, чтобы дать образцы печати всѣхъ южно-русскихъ типографій до начала истекающаго вѣка. Обстоятельный обзоръ этой выставки былъ доложенъ И. М. Каманинымъ на заключительномъ собраніи съѣзда.

Въ библіотекѣ университета, библіотекаремъ *В. А. Кордтомъ*, была устроена *картографическая выставка*. По словамъ

устроителя, цѣлью ея было собрать по возможности матеріалы по исторіи картографіи, чтобы представить наглядно развитіе картографическихъ представленій о Русской землѣ, начиная съ конца XV в. до первой половины XVIII в. Благодаря знаніямъ и энергіи устроителя, выставка поражала обширностью и полнотой матеріала; достаточно упомянуть, что карты, кромѣ имѣвшихся въ библіотекѣ университета св. Владиміра, доставлены на выставку отъ 32-хъ учрежденій и лицъ, какъ русскихъ такъ отчасти и заграничныхъ, а количество всѣхъ экспонатовъ выражается цыфрой 1127. Собранный матеріалъ распредѣленъ на слѣдующіе отдѣлы: Московское государство, западная и южная Россія и Азіятская Россія. В. А. Кордтъ посвятилъ этой выставкѣ обзоръ, гдѣ между прочимъ коснулся и исторіи русской картографіи.

Большинство изъ перечисленныхъ коллекцій подробно описано въ *„Каталогъ выставки XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. (Въ зданіи Университета св. Владиміра)". Кіевъ, 1899 г.*, причемъ описаніе первобытныхъ древностей составила Е. Н. Мельникъ, церковныхъ—проф. Ѳ. Титовъ, иконъ—М. П. Истоминъ, классическихъ древностей—проф. Кулаковскій, историческихъ древностей—проф. Завитневичъ и В. И. Щербина, картъ—В. А. Кордтъ, рукописей и старопечатныхъ книгъ—И. М. Каманинъ.

Въ новомъ зданіи музея Кіевскимъ обществомъ древностей и искусствъ спѣшно была устроена *другая археологическая выставка*. Ее составили: незначительныя пока еще коллекціи Общества, коллекція г. Хвойки—изъ палеолитической стоянки на Кирилловской ул. и изъ раскопокъ площадокъ у м. Триполья, а также изъ случайныхъ находокъ; коллекція Б. И. Ханенко—древности Приднѣпровья, съ богатыми отдѣлами скифскихъ и славянскихъ древностей; коллекція предметовъ княжеской эпохи Н. П. Чернева; небольшая разнородная коллек-

ція Ѳ. Ѳ. Кундеревича, и наконецъ, роскошное собраніе украинскихъ древностей покойнаго В. В. Тарновскаго.

Хотя это разъединеніе выставокъ и вызывало иногда неудобства, но они выкупались той массой интереснаго матеріала, какой давали посѣтителямъ означенныя выставки.

Н. Бѣляшевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Владиміръ Николаевичъ Ястребовъ.

(*Некрологъ*).

21 декабря 1898 года скончался Влад. Никол. Ястребовъ, одинъ изъ довольно дѣятельныхъ сотрудниковъ „Кіевской Старины". Мы только теперь помѣщаемъ некрологъ его, такъ какъ только теперь получили матеріалы для его краткой біографіи [1]).

Владиміръ Николаевичъ родился въ 1855 г. 6 іюля въ с. Кривая-Луна, Самарской губерніи. Онъ былъ сынъ священника, человѣка прекраснаго, но вѣчно задумывавшагося и кончившаго жизнь свою помѣшательствомъ. Влад. Никол. окончилъ саратовскую гимназію и послѣ окончанія курса былъ въ нѣкоторомъ раздумьи, куда ему поступать; но послѣ переговоровъ съ родными онъ рѣшилъ ѣхать въ Одесскій университетъ. Вѣсть о такомъ рѣшеніи своемъ онъ пришелъ сообщить учителямъ своимъ въ гимназіи по исторіи и по словесности. „Тамъ, въ Одессѣ, Григоровичъ!" воскликнули они. Вѣсть о В. И. Григоровичѣ гремѣла всюду, и не удивительно, что учителя Самарской гимназіи знали о немъ, какъ бывшіе ученики его по Казанскому университету. Съ полнымъ довѣріемъ вручали они теперь дальнѣйшее духовное просвѣщеніе своего бывшаго питомца такому опытному и хорошо вліяющему на своихъ учениковъ человѣку, какъ В. И. Григоровичъ. В. Н. Ястребовъ поступилъ

[1]) Извѣстіе о смерти В. Н. Ястребова было помѣщено въ № 3 текущ. года

на историко-филологическій факультетъ Одесскаго университета. Много бѣдъ онъ тамъ пережилъ: терпѣлъ и голодъ, и холодъ, такъ какъ слишкомъ ничтожныя средства могъ ему доставлять его отецъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ и много извлекъ онъ изъ преподаванія тогдашнихъ профессоровъ. Особенно увлекался В. Н. лекціями профессора философіи Орбинскаго. Слушалъ онъ также В. И. Григоровича, хотя на первыхъ порахъ подчасъ и посмѣивался надъ нимъ, надъ его дикціей и манерой. Но впослѣдствіи онъ сталъ далеко иначе относиться къ лекціямъ Виктора Ивановича. Онъ усвоилъ отъ В. И. вниманіе и уваженіе къ различнымъ національнымъ типамъ и съ большою любовью относился къ мѣстной южно-русской народности—малорусскому племени, чему не мало трудовъ удѣлялъ покойный Викторъ Ивановичъ. Въ дальнѣйшей своей научной дѣятельности Ястребовъ это выказалъ своими работами.

В. Н. Ястребовъ окончилъ въ 1876 г. университетъ и сразу съ университетской скамьи попалъ въ учителя исторіи въ Елисаветградское земское реальное училище. Означенное училище было тогда внѣ зависимости отъ М. Народн. Просв., и преподаваніе исторіи, какъ и другихъ предметовъ, вполнѣ было подчинено желаніямъ преподавателя. При такихъ условіяхъ Ястребовъ велъ преподаваніе на основаніи новѣйшихъ данныхъ въ наукѣ, и его уроки были образцовыми. Но впослѣдствіи училище было подчинено казеннымъ правиламъ, такъ какъ оно стало подлежать вѣдѣнію М. Н. П. Иниціативѣ преподавателя стали удѣлять тогда менѣе мѣста: онъ обязанъ былъ держаться при преподаваніи строго учебника и не заходить въ своихъ объясненіяхъ за предѣлы, въ немъ обмежеванныя. Ястребовъ почувствовалъ тогда, что не въ учительствѣ должны проявляться его силы и, оставаясь учителемъ исторіи, сталъ заниматься мѣстной археологіей, этнографіей и скоро сталъ печатать по этимъ вопросамъ статьи и изслѣдованія. Работы его обратили на него вниманіе Императорскаго Московскаго археологическаго общества, и онъ 30 апрѣля 1885 года былъ избранъ въ число членовъ корреспондентовъ означеннаго общества. Затѣмъ

въ 1889 г. онъ былъ избранъ членомъ историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ, съ 1892 г.—дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Общества исторіи и древностей, а съ 1894 г.—членомъ корреспондентомъ Церковно-Археологич. Общества при Кіевской Духовной Академіи.

Отмѣтимъ изъ археологическихъ работъ покойнаго прежде всего обширное и очень цѣнное изслѣдованіе *о лядинскомъ и томниковскомъ могильникахъ Тамбовской губерніи,* изданное Петербургской археологической коммиссіей въ 1893 году съ 15-ю таблицами рисунковъ и съ 51 политипажемъ въ текстѣ. Далѣе, не менѣе цѣненъ *„Опытъ топографическаго обозрѣнія древностей Херсонской губерніи,* напечатанный въ XVII т. Записокъ Одесскаго общества Исторіи и Древностей 1894 года. Собранныя здѣсь свѣдѣнія расположены въ систематическомъ порядкѣ. Небольшія статьи по археологіи напечатаны въ „Кіев. Старинѣ“ и въ „Археолог. Изв. и Замѣткахъ“. Особенно интересны: статья о *Херсонесѣ Таврическомъ* въ Кіев. Стар. 1883 г. № 4 и статья *„Поѣздка на о-въ Каменеватый“* (на Днѣпрѣ) въ Археолог. Изв. и Зам. 1894 г. № 5. Наконецъ, очень цѣнна его критика монументальнаго изданія Бобринскаго „Курганы м. Смѣлы“ (Записки Наук. Товар. имени Шевченка т. VII).

По этнографіи также имѣется нѣсколько замѣчательныхъ работъ Ястребова. Этнографич. матеріалъ собранъ имъ въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ Херсонской губерніи въ теченіе десяти лѣтъ. Херсонская губернія, какъ видно изъ описаній ея уѣздовъ, отдѣльныхъ селеній и волостей, отличается разнообразіемъ этнографическаго состава населенія, большинство котораго составляютъ малороссы; здѣсь рядомъ съ послѣдними живутъ и бѣлоруссы, и великоруссы, и молдаване, и нѣмцы, и поляки, и евреи, и греки, и болгаре. Переселившись изъ разныхъ концовъ Россіи и Европы, въ теченіе послѣдняго столѣтія они сжились одни съ другими и вошли въ болѣе или менѣе близкія отношенія, смотря по большей или меньшей общественности народнаго характера. Одни изъ народовъ обнаруживаютъ склонность къ усвоенію особенностей малоруссовъ (напр. молдаване, болгаре, от-

части поляки изъ Галичины и Юго-Зап. края), другіе (какъ нѣмцы, евреи) удерживаютъ извѣстныя черты своей національности; но всѣ уже почти умѣютъ говорить по малорусски, и языкъ малорусскій сталъ для нихъ какъ бы международнымъ, въ родѣ того какъ на Кавказѣ такимъ языкомъ для сношеній между собою разныхъ народностей сталъ языкъ татарскій. Смѣшанный характеръ населенія отразился въ языкѣ и содержаніи малорусскихъ пѣсенъ и сказокъ въ смыслѣ привнесенія новыхъ элементовъ и порчи старыхъ.

Изъ книжекъ по этнографіи изданы имъ въ 1893 г. „*Малорусскія прозвища Херсонской губерніи*". Здѣсь приведено 400 прозвищъ съ объясненіями; расположены они по внутренней ихъ связи съ разными проявленіями крестьянской жизни, личной и общественной. Затѣмъ, въ 1894 г. издалъ онъ „*Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края*", гдѣ приведены имъ суевѣрія и обряды, а также легенды, сказки и разсказы. „Изъ того сырья, говорить Ястребовъ въ предисловіи, которое накопилось у насъ за десять лѣтъ, мы предлагаемъ здѣсь только то, для чего или вовсе не нашли прямыхъ аналогій въ печатныхъ сборникахъ, или нашли варіанты, разнящіеся въ подробностяхъ". Отъ такой осторожности, по мнѣнію г. Сумцова, сборникъ только выигралъ. Всѣхъ сказокъ, легендъ и анекдотовъ 41.

Изъ небольшихъ этнографическихъ замѣтокъ Ястребова, разбросанныхъ въ „Кіевской Старинѣ", заслуживаютъ вниманія пѣсня о сербѣ (Кіевская Стар. 1884, XII), гайдамацкая пѣсня о лѣсѣ Чутѣ (Кіев. Ст. 1885 XII), варіанты сказки о невѣрной женѣ (Кіев. Ст. 1884, IV), народныя пѣсни Херсонскаго края (Кіев. Ст. 1894, III), святочныя пѣсни (ibidem (1894, II), о союзахъ неженатой молодежи (Ibid. 1896, 8). Наконецъ „Pains de noces rituels en Ukraine" въ „Revue des Traditions populaires".

Во всѣхъ этихъ работахъ Ястребовъ является вѣрнымъ послѣдователемъ Григоровича; вездѣ сквозитъ вниманіе къ національнымъ особенностямъ народа, произведенія котораго приводятся; постоянно чувствуется симпатія къ малорусскому пле-

мени, изъ среды котораго заимствованы большею частью приводимыя легенды, сказки, обряды.

Ястребовъ не только изучалъ народъ, но и училъ его. Онъ принималъ ревностное участіе въ организованныхъ отчасти имъ же народныхъ чтеніяхъ въ Елисаветградѣ. Не задолго до смерти имъ написано для народнаго чтенія „Воспитаніе Петра I". Имъ же приготовленъ къ экзамену на званіе сельскаго учителя г. Морозъ, не мало помогавшій ему въ собраніи этнографическихъ матеріаловъ. Объ этомъ Морозѣ Вл. Ник. всегда очень тепло отзывался. Да и самъ г. Морозъ не остался у него въ долгу. По смерти Ястребова онъ въ такихъ выраженіяхъ вспоминаетъ о немъ. „Нравилась мнѣ въ немъ больше всего его великая, почти геніальная доброта. Въ немъ гармонически сочетался высокій умъ, опытность наблюдательнаго человѣка, юная довѣрчивость, свидѣтельствующая о его честности, и дѣтская простота. До сей поры я не встрѣчалъ человѣка съ такою широкою душой, такъ умѣющаго воспринять чужое состояніе, чужое лишеніе или же радость, съ такою горечью отзывающагося о всемъ низкомъ и подломъ и такъ восторгающагося высокимъ, идеальнымъ". Въ этихъ строкахъ народнаго учителя высшая похвала Ястребову въ его стремленіи помочь образованію народа.

Ѣздилъ Ястребовъ за границу—въ Константинополь, въ Италію, въ Римъ, всходилъ на Везувій и оставилъ объ этомъ описаніе, помѣщенное въ свое время въ „Семьѣ и Школѣ". Былъ онъ также въ Крыму, на Кавказѣ. Слѣдъ этихъ путешествій Ястребова остался въ естественно-историческомъ музеѣ елисаветградскаго реальнаго училища: онъ пожертвовалъ въ этотъ музей интересные образцы минераловъ съ Везувія и другихъ мѣстъ. Оставилъ онъ еще въ этомъ естественно-историческомъ музеѣ коллекцію писанокъ и дѣтскихъ игрушекъ простого люда; коллекціями этими интересовался графъ Бобринскій, и по поводу ихъ Ястребовъ готовилъ особое изслѣдованіе.

Отзывы о Ястребовѣ, какъ товарищѣ, учителѣ, всѣ одинаково восторженны. „Онъ былъ совершеннѣйшимъ джентльме-

номъ, неспособнымъ даже на малѣйшую тѣнь подвоха или зложелательства; онъ по истинѣ не желалъ ничего, елика суть ближняго его"—таковъ, напримѣръ, отзывъ о немъ одного изъ бывшихъ его начальниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ глубоко преданъ своему дѣлу и былъ преподавателемъ, любящимъ свою науку. „Такого учителя не скоро найдетъ себѣ реальное елисаветградское училище"—замѣчаетъ тотъ-же начальникъ.

Любя свою науку, высоко цѣня товарищескія отношенія, онъ съ душевною болью переносилъ тяжелые слухи о взяточничествѣ, въ которомъ одно время упрекали многихъ учителей реальнаго елисаветградскаго училища. Нерѣдко со слезами на глазахъ возвращался онъ въ періодъ этихъ упрековъ домой изъ училища. Къ этому же времени относится начало его задумчивости, его безпредѣльной грусти, разражавшейся нерѣдко слезами. Вскорѣ затѣмъ у него явно обнаружилось психическое разстройство. Сперва отвезли его въ Харьковскую психіатрич. лѣчебницу, а затѣмъ, когда послѣ нѣкотораго временнаго улучшенія ему стало окончательно худо, онъ былъ помѣщенъ въ Херсонѣ, въ тамошней психіатрической больницѣ, гдѣ и окончилъ жизнь 21 декабря 1898 г. на 43 году отъ роду... Миръ праху честнѣйшаго, благороднѣйшаго человѣка!

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Замѣчательный кладъ. 28 августа, въ усадьбѣ Льва Израил. Бродскаго (по Екатерининской ул.), при закладкѣ фундаментовъ для постройки оранжереи, на полуаршинной глубинѣ въ культурной почвѣ рабочіе нашли кладъ, состоявшій изъ золотыхъ предметовъ. Правдоподобно, что кладъ хранился въ низкогорлой амфорѣ изъ красной глины, часть которой (одно ухо и обломокъ горлышка) сохранилась. Значительную часть клада владѣльцу удалось собрать; нѣсколько предметовъ были захвачены рабочими и, вѣроятно, были ими проданы въ ломъ.

Л. И. Бродскій предоставилъ мнѣ возможность осмотрѣть находящуюся въ его владѣніи часть клада; она состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ:

1) Два золотые слитка, продолговатые, неправильной цилиндрической формы, вѣроятно, золотыя монетныя гривны; онѣ внѣшнимъ видомъ напоминаютъ т. назыв. серебряные новгородскіе рубли, имѣвшіе видъ металлическихъ палочекъ; одна изъ нихъ отмѣчена на одной сторонѣ тремя зарубинками, и одинъ конецъ палочки (приблизительно около $^1/_4$ ея) отрубленъ еще до сокрытія клада; вѣсъ этой гривны—141 граммъ (33 золотника).—Другой, меньшій, цилиндрикъ, безъ зарубинъ, совершенно цѣлый, вѣситъ 95 граммъ ($22^1/_4$ золот.).

2) Три золотые браслета; два изъ нихъ сдѣланы изъ толстой золотой кованной проволоки, съ концами свободными, не спаянными; одинъ изъ нихъ гораздо свѣтлѣе, что заставляетъ предполагать значительную примѣсь серебра.

Третій браслетъ сдѣланъ изъ болѣе тонкой золотой проволоки, скрученной спиралью и перевитой по направленію спирали золотою, очень изящною плетеною цѣпочкою; концы браслета отломаны, но, судя по сохранившемуся одному обломку, они были связаны узломъ.

3) Двѣнадцать византійскихъ золотыхъ монетъ и одна восточная; монеты прекрасной сохранности, надписи на нихъ вполнѣ уцѣлѣли и могутъ быть совершенно свободно прочитаны. Степень сохранности ихъ, можетъ быть, свидѣтельствуетъ о томъ, что онѣ весьма недолго находились въ обращеніи. Византійскія монеты, съ одной стороны, представляютъ изображенія императоровъ, съ другой—бюстъ Спасителя въ нимбѣ и съ виднѣющимся за головою крестомъ. Онѣ распредѣляются въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

Никифоръ II Фока 963—969 г. . . . . 1 экз.
Василій II и Константинъ XI 976—1025 г. . . . 5 »
Константинъ XI Багрянородный 1025—1028 г. . 1 »
Романъ III 1028—1034 г. . . . . 2 »
Константинъ XII Мономахъ 1042—1055 г. . . . 1 »
Исаакъ I Комненъ 1057—1059 г. . . . . 2 » [1])

Такимъ образомъ, всѣ византійскія монеты были чеканены во второй половинѣ X и въ первой половинѣ XI столѣтій и, судя по ихъ сохранности, можно полагать, что кладъ былъ спрятанъ въ землю не позже второй половины или конца XI столѣтія, можетъ быть, во время занятія Кіева Болеславомъ II, въ 1077 г., или въ одинъ изъ набѣговъ половецкихъ.

Въ числѣ предметовъ, входящихъ въ составъ клада, несомнѣнно по рѣдкости и историческому значенію главный интересъ представляютъ золотыя монетныя гривны. О существованіи этихъ гривенъ упоминаетъ лѣтопись; намъ случалось встрѣчать на Волыни раза два извѣстія о томъ, что гривны такія были найдены, но не было возможности точно установить дальнѣйшую судьбу найденныхъ экземпляровъ, и только въ кладѣ г. Бродскаго я имѣлъ возможность первый разъ видѣть и взвѣсить эти древнѣйшія на Руси золотыя монетныя единицы.

В. Антоновичъ.

---

[1]) Sabattier т. II, стр. 137, № 3; стр. 147, №№: 1, 4 и 5; стр. 150, № 1; стр. 152, № 1; стр. 157, № 2 и стр. 163, № 1.

Замыслъ на попа по рукописи 1798 года. Въ «Кіевской Старинѣ» 1885 г. въ № 3 напечатанъ былъ текстъ стариннаго произведенія нашей малорусской поэзіи «Суплика, або замыслъ на попа» (стр. 543—550). Текстъ этой интермедіи былъ тогда установленъ по двумъ рукописямъ, изъ которыхъ одна, переписанная первоначально въ Бессарабіи, а потомъ циркулировавшая въ Галиціи, а потому и пріобрѣтшая тамъ особенности галицкаго правописанія, не отмѣчена датой времени переписки и мѣстами искажена переписчиками, а другая, записанная въ Черниг. г., въ м. Новомъ Ропскѣ (Новозыбковск. у.), подъ диктовку 73-лѣтняго старика Алексѣя Лисовскаго, человѣка совершенно неграмотнаго, представляетъ многія неточности, какъ результатъ ослабѣвшей памяти старца. По этимъ-то двумъ рукописямъ, одна другую дополнявшимъ, и былъ составленъ сводный текстъ, иногда возстановлявшійся по догадкамъ и по памяти составителя замѣтки, несомнѣнно самого покойнаго редактора журнала Ѳ. Г. Лебединцева, въ дѣтствѣ слышавшаго эту пьесу въ звенигородскомъ уѣздѣ, кіевской губ. Намъ удалось теперь пріобрѣсть рукопись этого-же произведенія, озаглавленную «Замыслъ на попа», съ лѣдующей датой: «сей замислъ переписалъ Священникъ Салогубовскій Іоаннъ Матвѣевичъ Скитскій 1798 года априля 15». Въ виду почти совершенной исправности даннаго текста, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляющаго дополненія къ прежнему тексту, а также въ виду записи, сдѣланной болѣе ста лѣтъ тому назадъ, мы считаемъ нужнымъ напечатать его цѣликомъ, сохраняя и всѣ особенности правописанія рукописи. Нѣкоторыя объясненія къ этой интермедіи даны въ упомянутой выше статьѣ въ нашемъ журналѣ, а потому, не повторяя ихъ, отсылаемъ читателя къ ней.

Замыслъ на попа.

А що свату Охрѣме! Нумо лишенъ гадати,
Якъ-бы то намъ свого попа въ шоры вбрати.
Гетъ вѣнъ силомѣццю влѣзъ у нашу парофѣю,
Та нѣди-жъ ты, якъ надъ нами крутитъ веремѣю.
Чого наши батьки и дѣды не чували,
То щобъ мы ему те на сповѣди слебезовали.
Та ще жъ то выдумавъ яку затѣю,
Щобъ мы давали дѣтей у ванацію.

Охрѣмъ. Геть я жъ вамъ казавъ: не дуже лишь вы на ту оковитку.
Свиридъ. Хрѣнъ-же его вгадае, що добрымъ казався здѣтку.
Харко. Нема и на свѣтѣ, якъ нашъ пѣпъ бувъ старый,
Що и досѣ згадуе великій и малый.
Хвилѣнъ Тай будемо, Харку, довго споминати,
Бо вже не будемо такого попа мати.
Пархѣмъ. Умѣвъ-же, Филоне, съ людьми обходиться,
Тай було тодѣ де горѣлки напиться.
Уже небѣжчикъ хоть добре за вѣнчаня дравъ,
Такъ добре-жъ и людей у хатѣ напувавъ.
Попили, голубчику, тіи оковитки,
Та ще не тѣльки мы, але й наши дѣтки.
А до сіого-жъ бо нѣякъ и приступиться,
Не тѣлки щобъ коли горѣлки напиться.
Хоть за дѣломъ прійдешъ, то все рило дуе,
А якъ чого просишъ, то мовъ и не чуе.
Тарасъ. Нехай-же то насъ уже не шануе,
А то й Ничипора, що ще й титаруе.
Панасъ. Вѣнъ и отамана нѣ ввѣщо не ставитъ;
Якъ той що скаже, то вѣнъ свое правитъ.
Хвесько. Ходѣмо лишень до дяка, та все роскажимо,
Та хорошенько лишень попа уплетѣмо.
Свиридъ. Здоровъ будь, пандяче; якъ собѣ маешъ?
Геть за чимъ пришли, чому не питаешъ?
Дякъ. Панове парофіяне, просимо сѣдати;
Когда въ гости пришли, то будемъ витати.
Охрѣмъ. Та сполать, пандяче, за твою ласку!
Послухай лишъ насъ, яку скажемъ казку.
Возьми лышъ каламаръ, та напиши круто,
Щобъ на попа желѣзне путо.
Дякъ. Почтенные міряне! звольте казати;
Чернилниця готова, что будемъ писати?
Фесько. Пиши, пандяче, що пѣпъ намъ не велить играти въ карти
И що вѣднявъ у дѣтей усѣ дѣтскѣ жарти.
Дѣвкамъ не велить ходить на вечорницѣ,
Хиба-жъ имъ небогамъ постригтися у черницѣ.
Парубкамъ не велить съ дѣвками гуляти,
По чѣмъ-же имъ буде молодость згадати?

Наказавъ праздникѣвъ, що зъ пѣвкопы буде,
И щобъ жодне свято до церкви ходили люде.

Пархѣмъ. А коли-жъ, пане свату, будемо робити,
Якъ будемо що-свята до церкви ходити?
Уже хоть старый пѣпъ небѣжчикъ не вмѣвъ ванаціи,
Тай не було тогдѣ такои затѣи.
До церкви ходили не жодной недѣли,
Говѣли тѣлько тѣ, которѣ хотѣли,
А сей-же бо велить и дѣтямъ говѣти,
И щобъ конче дѣтей «вѣрую» учити,
Хто оченаша не вмѣе, то й не причащае.

Луцько. Хоть е за що, хоть нема, то й сажае въ куну,
Ось якъ посадивъ и Хѣврю, мою куму,
За те тѣлки, выбачте, що угрѣшилась, якъ дѣжу мѣсила,
Отожъ бо цѣлый день у кунѣ сидѣла.
А Левка старого за те тѣлки въ кунѣ державъ,
Що тѣлки неборакъ съ кумою жартовавъ.

Артемъ. Тай мене самого въ куну пригрунцювавъ,
Що тѣлко смѣявся, якъ вѣнъ казань казавъ.
Харченка Терешка вѣддавъ на покаянье,
Що тѣлько угрѣшивсь на Андреево стояня,
А Стецьковѣ Хамурѣ и паски не святивъ,
Що тѣлки неборакъ сѣмь рѣчкѣвъ не говѣвъ.

Омелько. Тай Петра Батыря въ куну посадивъ,
Що тѣлки до церкви пять рокѣвъ не ходивъ.
Педоря передъ причастямъ тѣлко квашѣ покоштувала
Стѣижебо (sic) и за те въ кунѣ стояла.

Сергѣй. Тай Хомѣ нетязѣ причастя не давъ,
Що идучи до службы горѣлку коштувавъ.
Солоха Федкѣвна дитину приспала,
Говѣла цѣлый пѣстъ и въ кунѣ стояла.
А Иско у пятницю скорому наѣвся,
Та и за те въ кунѣ добре насидѣвся.
А Кирикъ Левченко не втѣкъ того сорома,
Що женився на Стеси, а вона іому кума.

Яцько. Тай Левко Хутепа три днѣ въ кунѣ сидѣвъ,
Що люльку тягъ тогдѣ, якъ говѣвъ.

Грицько. Тай же и Кулины Покрова не вкрила,
Що безъ человѣка дитину родила.
А Процько за куму хотя у кунѣ не сидѣвъ,
Та на саме-жъ Рѣздо увесь день поклоны бывъ.
Зѣнець зъ родичкою тѣлки женыхався,
Тай за те неборакъ у куну попався.

Педько. Пиши ще й се, пандяче, що не велить челядѣ колядовати
На улицю ходити и на купалахъ скакати.
Дѣвкамъ не велить вѣнка робити,
Щобъ не грати въ карти, а въ шинкъ не ходити.
А чому-жъ небѣжчикъ не тѣлки на купала ходивъ,
Але й навкулачки, що не одинъ було отъ іого лѣзе рачки.
Отижъ бо (sic!) сей не йде и насъ не пускае,
Тѣлко въ церквѣ зъ дякомъ що день галасае.
А старый небѣжчикъ не разъ въ шинку и христивъ
Дитину, на купалахъ скакавъ и колядовати ходивъ,
По весѣляхъ було не тѣлки старостуе,
Хоть у приданахъ ще було и дружкуе.
А вѣнчавъ небѣжчикъ не тѣлко съ кумою,
Хоть бы хто десь прійшовъ изъ рѣдною сестрою.
Да вжежъ вѣнъ покѣйникъ не менше грѣхѣвъ знавъ,
Та парафѣянъ своихъ такъ не мурдовавъ.
Вѣлно тодѣ було що хотѣть робити,
Не принуждавъ, царство іому небесне, до церкви ходити.
И лихословищъ тодѣ мы не вмѣли,
Отижъ бо (sic!) насущный хлѣбъ ѣли.

Охрѣмъ. Тодѣ, пане Педьку, и Бѣгъ лучше годивъ,
Геть сѣлкись що народъ до церкви не ходивъ,
А при сіому-жъ бо и Бѣгъ не ставъ годити.

Тишко. Бо стали дѣтей вакацѣи учити.

Лаврѣнъ. Геть правду казала небѣжчиця Настя,
Що не буде народъ бѣлше мати щастя.

Супрунъ. Бо вона бачила, якъ замѣрала,
Що пятѣнка святая Пречистои прохала:
Перестали-ке, Пречиста Мати, мене шановати,
Не дай же мірянамъ щастя и долѣ мати.

Ярема. Бо вже швидко мусить кѣнець вѣку мати,
Коли вакацѣйники стали попувати,
Черезъ ихъ нѣколи мірянамъ и погуляти,

Такъ коли-жъ пятѣнку святую шанувати?
Та вже такъ прійдется ходить безъ сорочокъ,
А ще-жъ то треба и вѣддавати дочокъ.
Гетъ якъ бодня порожня, то нихто не загляне,
Той дѣвоцтво ихъ якъ трава завяне.
Чи любо дивиця на вѣрну Стецѣвну,
Що волосъ посѣдѣвъ, тай не знайде собѣ рѣвню,
Бо теперъ безъ вѣна вже й нѣ до порога,
Ось якъ дѣвуе и вѣцна (sic!) небога,
Що й на свѣтѣ до неи нихто не загляне
Гетъ тимъ, що въ боднѣ ничого немае.

Луцько. Прійдется и нашимъ дочкамъ дѣвовати,
Коли буде довго сей пѣпъ попувати.

Ничипѣръ. Не бѣся, пане Луцьку, не буде довго попомъ,
Якъ пѣдемъ до хурхурея вси гуртомъ,
Та якъ роскажемъ, якъ вѣнъ нами крутитъ,
То заразъ и іого до себе припупитъ,
Або й суплѣку оцю якъ розбере,
То й може самого попа до рукъ прибере;
Та якъ крутопопы попросимъ старого,
То не бѣсь, заразъ намъ дадуть другого.
Та якъ роскажемъ, годѣ іому міранамъ
За шкуру сала лити, вивчимъ іого, якъ попувати,
Буде вѣнъ знати, якъ шановати
Мірянъ, якъ одвѣдае хурхурейскихъ барбаръ.

Антѣнъ. Колибъ, Ничипоре, хоть по шостаку зложили,
Та пѣдсунули хурхуреевѣ, щобъ іого *доступили* (неразборчиво написано).

Панасъ. Тай крутопопѣ треба щось дати,
Бо правду казала небѣжчиця мати,
Що безъ грошей нѣ до пана,
Якъ безъ сукна до Гатьмана (sic!)

Іовтухъ. Правду оце ты, пане куме, кажешъ,
Бо ѣхать легко, якъ вѣзъ пѣдмажешъ.

Онисько. Пѣдѣть лишень, кликнѣть мого кума,
Та попросѣть сюды Безпалка Наума;
Вони люде старѣйши и всюди бували,
То може-бъ щось таке и воны сказали;

Чогось вони и сами сюди чимчикують.
А читай лишъ, пандяче, нехай и вони почують.

Дякъ читае. Въ Бозѣ преосвященнѣйшему, надъ владыками владычествующему, Божіей церквѣ, яко Христовой невѣсты, украсителю, Божіихъ велѣній истолкователю, пресвитеровъ премудрѣйшему учителю, всѣхъ бѣдныхъ защитителю всякой доброй надежды, Епископствующему епархіи новоглядинской (sic!) архипастырю, цару (sic) Своевольскому отъ православныхъ села Нерушмена парафѣянъ, пресвитеру Планенной (sic!) церкви премного грѣшныхъ рабовъ твоихъ.

Демко. А що-жъ оце вы пописали,
Адже-жъ вы сами себе звязали!
Геть вѣнъ не самъ се крутить,
А все іого панъ сотникъ нашъ учитъ.

Супрунъ. Да вѣнъ же іого сюды и втоптавъ,
Дай за іого свою годованку вѣддавъ.

Терешко. Та вже-жъ таки хоть ґрунты позбуваемъ,
А таки іого зъ попѣвства зопхаемъ.

Демко. Та гляди лишъ ты, Терешку, не дуже лишъ тупай,
Та перше старыхъ людей послухай,
Треба перше сотника схвасовати,
Та тодѣ будемъ и на попа прохати.

Наумъ. Уже, Терешку, не сыпати противъ сыли пѣскомъ,
А черезъ позовъ будемо ходити пѣшкомъ.

Тимѣшъ. У ихъ грошей багато, та вони розумнѣ люде,
Куди пѣди, то ѣхъ право буде.

Педько. Нехай-же іого недобре опануе,
Коли намъ на лихо пѣшло, нехай коверзуе.

Наумъ. Ходѣмъ лучше могоричу пити,
Чѣмъ маемо чортъ знае що робити.
Та кликнѣте пандяка, нехай випье чарку.

Пархѣмъ. Иди за нами, пандяче Марку!

Дякъ. Благодарю покорно за вашу ласку, за ваши привѣты,
Иде панамаръ до церкви звонити.

Сообщ. **В. Науменко.**

Письмо Т. Г. Шевченка къ В. И. Григоровичу. Печатаемое ниже письмо Т. Г. Шевченка къ В. И. Григоровичу, конференцъ-секретарю Академіи Художествъ, доставлено намъ въ подлинникѣ родственникомъ послѣдняго, Конст. Конст. Григоровичемъ, жительствующимъ въ г. Пирятинѣ, полтав. губ., которому этотъ подлинникъ въ настоящее время и принадлежитъ. За предоставленіе намъ права напечатать это письмо приносимъ К. К. Григоровичу нашу глубочайшую благодарность.

Къ сожалѣнію, дата года въ этомъ письмѣ оторвана; но опредѣляется она самимъ содержаніемъ письма и извѣстными въ печати фактами изъ жизни поэта. Письма изъ Яготина Шевченко могъ писать или въ 1843 или въ 1844 году, т. к. въ эти два года онъ ѣздилъ изъ Петербурга въ Украину и проживалъ у кн. Репнина въ м. Яготинѣ, пирятин. у., полтав. губ. *28 декабря 1843 года*, если вѣрить даннымъ, сообщаемымъ въ книгѣ А. Я. Конисскаго, онъ не могъ быть въ Яготинѣ, т. к. письмо его къ Кухаренку, съ просьбой прислать оперетку «Чорноморськый побытъ» для постановки въ Медицинской академіи спектакля *на праздникахъ Рождества* [1]), свидѣтельствуетъ о томъ, что въ декабрѣ мѣсяцѣ этого года онъ былъ въ Петербургѣ. *28 декабря 1844 года* онъ тоже не могъ быть въ Яготинѣ, т. к. князь Н. В. Репнинъ умеръ 7 января 1845 года, и сосохранилось письмо къ Шевченку княжны В. Н. Репниной отъ 7 янв. и 22 февр. 1845 года, писанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой смерти и ясно свидѣтельствующее о томъ, что его давно уже не было въ Яготинѣ. Такъ какъ послѣднее обстоятельство несомнѣнно, то остается предположить, что фактъ, сообщаемый въ книгѣ г. Конисскаго, не вѣренъ, т. е. что въ декабрѣ 1843 года Шевченко былъ не въ Петербургѣ, а въ Малороссіи, какъ это и утверждаетъ другой біографъ поэта, М. К. Чалый, выразившійся, къ сожалѣнію, не совсѣмъ точно: «поэтъ здѣсь провелъ всю зиму 1844 года», тогда какъ слѣдовало сказать «зиму 184$^3/_4$ года», что, впрочемъ, совершенно ясно видно изъ всего изложенія въ его книгѣ. Что письмо настоящее писано въ 1843 году, подтверждается еще и содержаніемъ его: Шевченко говоритъ о своемъ предположеніи поѣхать заграницу, а если это не удастся, то вернуться въ Академію, «бо ій-богу хочиця вчиця». Оба эти

[1]) См. А. Я. Конисскій. Жизнь украин. поэта Т. Г. Шевченка. Одесса. 1898 г., стр. 168.

обстоятельства всецѣло могутъ относиться къ началу 1844 года, но никакъ не къ 1845, такъ какъ 25 марта 1845 года ему уже былъ выданъ аттестатъ на званіе свободнаго художника, послѣ выдержаннаго имъ испытанія, а въ этомъ письмѣ онъ только проситъ В. И. Григоровича прислать ему отпускъ на два мѣсяца, или безсрочный аттестатъ, если ему *«не треба вертаця въ Академію»*. Нужно думать, что отпускъ этотъ на два мѣсяца и былъ полученъ Шевченкомъ, т. к. въ февралѣ 1844 года мы видимъ его въ Москвѣ, конечно проѣздомъ изъ Украины, а не нарочно совершившимъ туда поѣздку, какъ думаетъ г. Кониссній, а 22 февраля онъ былъ уже въ Петербургѣ [1]).

В. Науменко.

—

28 декабря Яготынъ.

Батьку мій ридный, порай мыни, якъ синови, що мыни робыть? чи оставаця до якои поры, чи ѣхать до васъ. Я щось не дуже ударяю на Академію, а въ чужеземщини хочеця буты. Я теперъ заробляю гроши (ажъ дывно, шо воны мыни йдуть въ рукы!), а заробывшы, думаю чкурнуть, якъ Аполонъ Ныколаевычъ [2]). Думаю, що такъ лучше, а може и помыляюсь. Порайте, будьте ласкавы! Якъ разъ на святвечиръ бувъ я у Пырятыни у старои матери вашои, батьку мій. Рада, дуже рада була старенька, спасыби ій. Трычи заставыла мене прочытать въ слухъ письмо, шо вы пысалы о Ваничкѣ. Ей-богу и я заплакавъ, хочъ я и не дуже слёзоточывый. Батечку мій! пышить до старои частенько, бо вона чыта всяке ваше пысьмо, ажъ поки не получыть другого. И це вся іи радисть. Зъ плачемъ нарикае на меншого сына, що винъ до неи не иде. Перехрестыла мене, поблагословыла, и я пишовъ до брата вашого черезъ улыцю снидать, взявшы у стареньков цвиты оци. Навдывовыжу и на радисть вамъ посылаю, батьку мій!

Одъ сентября я не бачывся зъ Григоріемъ Степановичемъ [3]), а побачуся швыдко. Я тойди просывъ у васъ *выда*, и якъ вы его прыслалы, то я его ще й не бачивъ. А теперъ ось чого прошу. Колы побачите, що мыни треба вернуця до васъ, то будьте ласкави, прышлить ще на два мисяця; а колы мыни не треба вертаця въ Акаде-

---

1) См. Кониссній, стр. 171.

2) О комъ говорится, опредѣлить не можемъ.

3) Гр. Ст. Тарновскій.

мію, хочъ мыни й дуже хочиця, то прышлить, батьку мій, *безсрочный атестатъ* на имя Григорія Степановича. Страшно дывиця мыни на грядущее, бо воно погане. А теперъ мыни добре, дуже добре. Порайте, що мыни робыть. Колы не зберу грошей, щобъ поихать заграныцю, то сберу такъ, щобъ прыихать въ Академію, бо ей-богу хочиця вчиця.

Багато, багато треба бъ мыни напысать до васъ, та николы, бо вже сидають, а я допысую. Нехай вамъ Богъ пошле того, чого вы сами соби просыте.

Щырый сынъ вашъ Т. Шевченко.

На оборотѣ:

Въ Яготинъ мѣстечко, Пирятин. уѣзда, Варварѣ Николаевнѣ Княжнѣ Репниной писать мнѣ.

Порфирій Кореницкій—забытый малорусскій писатель. Въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія имя Порфирія Кореницкаго, какъ писателя малорусскаго, начало было выдвигаться, т. к. произведенія его попали въ два очень видныхъ въ то время альманаха—«Снипъ» Корсуна и «Ластивка» Гребинки; въ первомъ была помѣщена сатирическая поэма «Вечерныци», а во второмъ—басня «Панько та верства». Больше, насколько намъ извѣстно, въ печати не было ни одного изъ его произведеній, хотя приходилось не разъ слышать, что онъ писалъ и поэмы, и басни, и пѣсни; такъ напримѣръ, извѣстно, со словъ его сотоварищей по семинаріи, что онъ тамъ еще пробовалъ свои силы въ писательствѣ и между прочимъ написалъ свою первую поэму «Куряжъ», въ которой смѣло и остроумно описалъ жизнь монаховъ въ Куряжскомъ монастырѣ (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Харькова). Поэма эта, по цензурнымъ условіямъ, не могла, конечно, появиться въ печати, и какая судьба постигла ее—остается неизвѣстнымъ. Не болѣе того знаемъ мы и о самой жизни Порфирія Кореницкаго; въ «Очеркахъ исторіи украинской литературы» Н. Петрова никакихъ біографическихъ данныхъ не приведено и даже только по догадкамъ сказано, что онъ былъ воспитанникомъ одной изъ бурсъ и, вѣроятно, харьковской семинаріи.

Нѣсколько времени тому назадъ мы получили отъ проф. Н. И. Петрова списокъ одного стихотворенія Порфирія Кореницкаго оза-

главленнаго „Нехай“, съ слѣдующей замѣткой къ нему уважаемаго профессора:

«Недавно [1]) я получилъ изъ Харькова черновой автографъ небезъизвѣстнаго въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія малорусскаго писателя Порфирія Кореницкаго, заключающій въ себѣ его стихотвореніе «Нехай». Прежнія стихотворенія П. Кореницкаго, помѣщенныя въ альманахъ «Снипъ» и «Ластивка», отличались подражательностію и посредственностію. Вновь найденное теперь стихотвореніе «Нехай», по нашему мнѣнію, болѣе заключаетъ сердечности и оригинальности и, вѣроятно, вызвано обстоятельствами жизни самого автора. Порфирій Кореницкій учился въ харьковской духовной семинаріи, но, вѣроятно, не доучился въ ней, потому-что достигъ въ своей жизни только діаконскаго сана. Свою неудачливость въ жизни Кореницкій и изображаетъ въ данномъ стихотвореніи «Нехай».

Раньше чѣмъ печатать это стихотвореніе, мы попытались добыть хоть кое-какія данныя о жизни П. Кореницкаго, что и удалось намъ получить отъ одного изъ нашихъ сотрудниковъ, сообщающаго свѣдѣнія о немъ со словъ свящ. Мартыновича, бывшаго сотоварища П. Кореницкаго по харьковской семинаріи.

Порфирій Кореницкій—сынъ священника Харьковской губерніи; воспитывался въ мѣстной духовной семинаріи въ концѣ 30-хъ годовъ. Это былъ выдающійся человѣкъ, прекрасный товарищъ, душа общества, остроумный собесѣдникъ. Пилъ онъ до положенія ризъ въ товарищеской компаніи, воевалъ съ семинарскимъ начальствомъ изъ-за господствовавшихъ въ то время порядковъ и не терпѣлъ схоластической мертвечины въ преподаваніи. Не ошибаясь, можно сказать, что семинарской науки онъ не ставилъ высоко, а потому за учебныя книги почти не брался.

Однимъ изъ первыхъ его произведеній была, по словамъ тогоже свящ. Мартыновича, сатирическая поэма «Куряжъ». Поэма эта ходила въ рукописяхъ среди семинаристовъ и духовенства и, очевидно, погибла въ то время, когда начались розыски со стороны духовныхъ властей, возмущенныхъ ея содержаніемъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые узнавали себя въ поэтическомъ изображеніи, у другихъ шапки загорались, третьи понимали намеки,—однимъ словомъ, всѣ узнавали непригладную картину дѣйствительности, нарисованную сатириче-

[1]) Писано въ ноябрѣ 1895 года.

экимъ взмахомъ невѣдомаго смѣльчака. Тѣ, кому желательно было-бы вѣдать, очевидно не вѣдали, что такимъ смѣльчакомъ былъ Кореницкій,—и онъ оставался въ семинаріи, продолжая попрежнему упражняться въ сочинительствѣ и потѣшая устроумными экспромптами товарищей. Наконецъ чаша переполнилась—и П. Кореницкій былъ исключенъ изъ семинаріи, будучи на 4-мъ или на 5-мъ курсѣ. Разсказываютъ, что когда онъ въ послѣдній разъ, получивъ уже увольнительное свидѣтельство, шелъ по корридорамъ семинарскимъ и увидѣлъ передъ собой дверь ректорской квартиры, у него мелькнуло въ головѣ: «треба виддячыты»! Нащупавъ въ карманѣ кусокъ мѣла, онъ написалъ на дверяхъ квартиры слѣдующій экспромптъ:

«Оттутъ цилисенька симья—
Сирко, рябко та цуцыня».

А въ квартирѣ этой жили: самъ ректоръ, его секретарь—рябой, весь изрытый оспой человѣкъ, и мальчуганъ-келейникъ, находившійся у нихъ на послугахъ. При встрѣчѣ съ товарищами, самъ Кореницкій потомъ разсказалъ, что это онъ оставилъ «невелычку дяку, бо бильшои николы було».

По выходѣ изъ семинаріи, Кореницкій влачилъ горькое существованіе безпріютнаго бурлака, но какъ долго—неизвѣстно; знаемъ только, что онъ женился потомъ и получилъ діаконское мѣсто въ одномъ изъ харьковскихъ городскихъ приходовъ. Вообще, жизнь его была во всѣхъ отношеніяхъ тяжела; иначе чѣмъ объяснить его дальнѣйшее поведеніе: онъ запилъ мертвую, запилъ безъ просыпу. Эта несчастная страсть и свела его преждевременно въ могилу. Однажды, въ жестокіе крещенскіе морозы отправился онъ въ харьковскій пригородокъ Сокольники, гдѣ продавалась «дешева горилка»; напился тамъ и на возвратномъ пути замерзъ. Вотъ эта-то жизнь неудачника и сказалась въ его стихотвореніи «Нехай».

Нехай мене Господь карае,
Нехай мене не пусте въ рай,
Нехай не дасть, що обищае,
Нехай я буду выбрытай. [1])

—

[1]) Отверженный.

Нехай уси караютъ гублять,
Нехай сміются до гриху,
Нехай корять мене и глумлять,
Нехай и плачуть до смиху:

—

Я не заплачу—засміюся.
Дивчына е—такъ що казать?
Сміюсь, никого не боюся.
Дивчына йе—такъ буду цилуватъ!

—

О, знаю! плакаты я буду цилый викъ,
Бо я вродывсь соби несчастный чоловикъ,
Такый, якого ще не бачывъ свитъ на свити,
Якого горе ще не бачыло въ прымити,

—

Якого зъ вашой мылости не бачывъ въ свити всякъ;
Бо я що-день, що ничъ все плачу такъ,
И викъ свій коротаты-изныватьі
И слёзы сыроты безвынно пролываты.

—

О, гирко мни на свити жыты!
О гирко викъ мій коротать!
О, гирко жызнь свою нудыты!
О, гирко зло мни спомынать!

П. Кореницкій.

Орхатовъ.

—

Признаться надо, что стихотвореніе это очень слабенькое, и мы никакъ не можемъ согласиться со словами проф. Н. И. Петрова, что оно выше „Вечерныць" и особенно басни «Панько та верства». Если и стоило его напечатать, то исключительно какъ страничку изъ жизни неудачника-человѣка, свои культурныя способности внесшаго отчасти въ нашу, небогатую еще въ тѣ годы, сокровищницу малорусской музы.

В. Науменко.

Истребленіе древняго замка въ Подоліи. Когда на недавнемъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ шла рѣчь о невѣжественномъ истребленіи памятниковъ старины въ нашемъ краѣ, то, въ числѣ другихъ жертвъ подобнаго вандализма, былъ названъ и замокъ въ м. Зиньковѣ, летич. у. подольск. губ. Болѣе 400 лѣтъ нерушимо стояла эта подольская твердыня, видѣвшая не разъ подъ своими стѣнами и татаръ, и турокъ, и козаковъ, и еще такъ недавно гордо высились ея вѣковѣчныя башни, а теперь отъ нихъ не осталось и камня на камнѣ. Да будетъ же почтенъ этотъ многовѣковой свидѣтель минувшаго хотя краткимъ некрологомъ!

Зиньковъ принадлежитъ безспорно къ древнѣйшимъ поселеніямъ нашего Подолья; его происхожденіе теряется во мракѣ вѣковъ. Достовѣрная исторія Зинькова начинается лишь со 2-й четверти XV ст., когда онъ былъ пожалованъ королемъ Владиславомъ II, въ награду за военныя заслуги, Петру Одровонжу, первому подольскому воеводѣ. Онъ-то и построилъ здѣсь на высокой горѣ каменный замокъ, окружилъ его рвами, снабдилъ значительнымъ гарнизономъ, а у подножія горы, подъ его защитой, построилъ каменный костелъ и такую же церковь (св. Троицы), существующіе и до настоящаго времени. Съ тѣхъ поръ Зиньковскій замокъ становится грозой для татаръ. Въ 1453 г. Зиньковскій староста Лащъ, вмѣстѣ съ Межибожскимъ и Летичевскимъ старостами, разгромили татарскую орду подъ Теребовлемъ и отбили у нея около 9,000 плѣнниковъ. Въ 1516 г. другой Зиньковскій староста Якубъ Сецыгнёвскій поразилъ татаръ подъ стѣнами своего замка, а въ 1524 г. турки, въ числѣ 12,000, сожгли Зиньковъ и околицы, но овладѣть замкомъ не были въ силахъ. Въ концѣ XVI ст. Зиньковъ по наслѣдству переходитъ въ родъ Сѣнявскихъ, которые много сдѣлали для укрѣпленія здѣшняго замка. Въ эпоху турецкаго господства въ Подоліи Зиньковскій замокъ недолгое время побывалъ въ рукахъ Турокъ, которые его обновили и укрѣпили, почему онъ до послѣднихъ временъ своего существованія извѣстенъ былъ въ устахъ народа подъ именемъ „турецкаго“ замка. Въ XVIII ст., за прекращеніемъ рода Сѣнявскихъ, Зиньковъ достается князьямъ Чарторыйскимъ и затѣмъ Виртембергскимъ, а въ 1831 году путемъ конфискаціи переходитъ въ казну.

По присоединеніи Подолья къ Россіи, замокъ Зиньковскій потерялъ, конечно, военное значеніе; но онъ былъ построенъ изъ такого прочнаго матеріала (мѣстнаго камня) и такъ солидно, что могъ

бы еще долгіе вѣка, безъ ремонта, противостоять разрушительному вліянію времени и стихій. Еще въ 1870-хъ годахъ были совершенно цѣлы въ немъ два величественныхъ бастіона, съ окружающими ихъ массивными каменными стѣнами, а на въѣздной башнѣ красовался гербъ Сѣнявскихъ. Но въ эпоху введенія уставныхъ грамотъ мѣстность, гдѣ стоялъ замокъ, отошла въ надѣлъ крестьянамъ,—и это послужило началомъ его гибели. Крестьяне первымъ дѣломъ истребили окружавшій его вѣковой лѣсъ, а затѣмъ принялись понемногу разрушать и замокъ. Въ прошломъ году намъ пришлось побывать въ Зиньковѣ, и мы были свидѣтелями такой картины: на верхней площади горнаго мыса, гдѣ стоялъ замокъ, рабочіе раскапывали его фундаменты и добывали оттуда каменныя глыбы, которыя складывали затѣмъ въ правильные ярусы. Вся надземная часть замка была такимъ образомъ уже уничтожена, оставались только подземные подвалы главнаго бастіона, выходившіе въ сторону обрыва нѣсколькими ярусами. Изъ расспросовъ выяснилось, что эту вандальскую работу предпринялъ одинъ мѣщанинъ, пріобрѣтшій на то право отъ крестьянскаго общества; добытый же такимъ способомъ камень онъ продаетъ, какъ строительный матеріалъ, изъ котораго въ мѣстечкѣ уже построено нѣсколько домовъ. Все это дѣлается вполнѣ открыто, на глазахъ мѣстныхъ и пріѣзжихъ властей,—и никому не приходитъ въ голову, что здѣсь совершается вопіющее преступленіе не только противъ интересовъ науки археологіи, но и въ юридическомъ смыслѣ преступленіе государственныхъ законовъ, принимающихъ подъ свою охрану монументальные памятники древности.

Въ нашемъ краѣ еще сохранилось нѣсколько древнихъ замковъ. Нѣкоторые изъ нихъ (наприм., въ с. Сутковцахъ, летич. у.) стоятъ на крестьянскихъ земляхъ, слѣдовательно, находятся въ столь же опасномъ положеніи, какъ и бывшій Зиньковскій замокъ. Пока что, крестьяне ихъ оставляютъ въ покоѣ; но явится нужда въ строительномъ матеріалѣ—и они моментально обратятся въ каменоломни. Пусть же печальная участь Зиньковскаго замка послужитъ урокомъ и предостереженіемъ для тѣхъ, кто имѣетъ власть и силу не допустить повторенія подобнаго вандализма.

Ор. Левицкій.

Богданъ Залѣскій и Гоголь. Въ «Gaz. Lwow.» (№ 218) находимъ слѣд. замѣтку. Богданъ Залѣскій познакомился съ Гоголемъ въ Парижѣ весною 1833 или 1834 года. Богданъ Залѣскій жилъ въ Севре и оставался въ хорошихъ отношеніяхъ съ Гоголемъ все время своего пребыванія тамъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Потомъ они встрѣтились еще разъ въ Римѣ, когда Гоголь былъ уже подъ вліяніемъ Василія Жуковскаго. Въ свое путешествіе въ Іерусалимъ Богданъ Залѣскій разминулся съ нимъ въ Либани. Много подробностей о Гоголѣ сообщили Залѣскому его племянникъ Галаганъ (?) и профессоръ Погодинъ, но эти подробности, хотя и интересныя, не были утѣшительны, какъ сообщаетъ Залѣскій.

Однажды, не заставши Залѣскаго въ Севре, Гоголь оставилъ ему слѣдующую записочку.

«Дуже-дуже було жалко, що не заставъ пана земляка дома. Чувавъ, що на пана щось напало—не то *сояшныця*, не то *завійныця* (хай ій прыснытся лысый дидько), та теперъ спасибо Богови кажуть начей то панъ зовсимъ здоровъ. Дай же Боже, щобъ на довго, на славу усій козацкій земли дававъ бы чернецького хлиба усякій болизни и злыднямъ. Та й насъ бы не забуваввъ, пысульки въ Рымъ славъ. Добре бъ було, колы бъ и самъ туды колы небудь прымандрувавъ. Дуже, дуже блызькый землякъ, а по серцю ще блыжчый чимъ по земли». Мыкола Гоголь.

Н. И. Гулакъ. (*Некрологъ*). Въ нынѣшнемъ году, 26-го мая, скончался въ гор. Елисаветполѣ, въ возрастѣ 77 лѣтъ, статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Гулакъ, бывшій учитель тифлисской 1-ой гимназіи. Судьба Николая Ивановича замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Окончивъ курсъ дерптскаго (нынѣ юрьевскаго) университета, со степенью кандидата, и поступивъ, какъ уроженецъ юга Россіи (Херс. губ.), на службу въ 1845 г. въ канцелярію кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, онъ принялъ участіе въ извѣстномъ Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ. Тогда усмотрѣли въ стремленіяхъ общества много предосудительнаго, и Н. И. былъ заключенъ въ шлиссельбургскую крѣпость на 3 года. Отбывъ наказаніе, Николай Ивановичъ былъ отправленъ въ гор. Пермь,

подъ надзоръ полиціи, но черезъ годъ ему было разрѣшено поступить на службу въ пермскій статистическій комитетъ, а черезъ 8 лѣтъ онъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности, къ которой чувствовалъ внутреннее влеченіе.

Николай Ивановичъ былъ человѣкъ широкаго европейскаго образованія и, можно сказать, большой учености. Онъ владѣлъ нѣсколькими языками, древними и новыми, и хотя по образованію былъ математикъ, но по спеціальнымъ своимъ занятіямъ обнаруживалъ наклонность къ лингвистикѣ. Въ своей молодости Н. И. Гулакъ отличался общительностью, экспансивностью своей натуры, но въ пожиломъ возрастѣ сталъ искать уединенія, замкнулся въ самомъ себѣ и велъ чисто кабинетную жизнь, посвящая время чтенію или ученымъ занятіямъ. Благороднымъ своимъ характеромъ, вѣрностью данному слову, а также отзывчивостью на чужое горе онъ снискалъ себѣ любовь товарищей и привязанность своихъ учениковъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые умѣли цѣнить глубину его знаній и соединенную съ ней широту взглядовъ. (Кавк.)

Объ изданіи переписки И. И. Срезневскаго. Въ виду предполагаемаго Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ изданія переписки академика И. И. Срезневскаго, чрезвычайно желательно получить свѣдѣнія о бумагахъ нѣкоторыхъ изъ его корреспондентовъ, письма къ которымъ не имѣются въ распоряженіи редакціи. Стремясь къ наибольшей полнотѣ изданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ включенію въ него только самаго цѣннаго по строгому выбору, Академія Наукъ обращается съ усердною просьбой о содѣйствіи ко всѣмъ, имѣющимъ возможность сообщить какія бы то ни было свѣдѣнія относительно бумагъ слѣдующихъ лицъ:

В. Г. Анастасевича, В. П. Андросова, А. С. Аѳанасьева-Чужбинскаго, Н. В. Берга, И. Вагилевича, И. Ѳ. Головацкаго, С. И. Гуляева, В. И. Даля, П. П. Дубровскаго, К. В. Запа (K. Zap), Іордана (J. Jordan), Н. В. Калачова, В. С. Караджича, М. Т. Каченовскаго, К. Кузмани (K. Kuzmany), П. А. Лавровскаго, арх. Леонида, М. А. Максимовича, В. В. Макушева, И. М. Мартынова, В. Мацѣевскаго, А. Л. Метлинскаго, Ф. Миклошича (F. Miklošič), С. П. Микуцкаго, И. И. Носовича, Ѳ. Павловича, Д. В. Полѣнова, Я.

Пуркини (J. Purkyně), П. Н. Рыбникова, В. Станка (V. Stanek), П Тирола, архіеп. Филарета (Черниговскаго), Ф. Челяковскаго (Fr. L Čelakovsky), Л. Штура (L. Štur), П. Шафарика (P. J. Šafarik).

Матеріалы просятъ доставлять въ 1-ое отдѣленіе библіотеки Императорской Академіи Наукъ Всеволоду Измаиловичу Срезневскому.

Поправка. Въ сентябрьской книгѣ «Кіевской Старины», въ статьѣ *Н. Ш—рова* «У могилъ П. А. Кулиша и В. М. Бѣлозерскаго» слѣдуетъ исправить слѣдующія опечатки:

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
357	7 сн.	1897	1847
—	6 сн.	принадлежалъ	принадлежитъ
359	2 св.	мудрѣйше	мудрѣйша
363	2 сн.	пустымъ	простымъ
368	19 св.	окончено	скинчено
369	16 св.	начальнаго	начатаго
370	10 сн.	незнакому	незнаному
375	15 св.	симпатію	симпатіи
376	7 св.	не забудь	не забудуть.

Текущія извѣстія.

Дневникъ А. А. Скальковскаго. По сообщенію «Одесск. Листка» (№ 222), послѣ смерти А. А. Скальковскаго, скончавшагося въ Одессѣ въ концѣ прошлаго года на 92-мъ году жизни, остался интересный дневникъ его за 60 лѣтъ, весьма важный документъ для исторіи общественной жизни въ Одессѣ и вообще въ Южной Россіи. Въ настоящее время сынъ покойнаго, К. А. Скальковскій, какъ сообщаетъ «Петерб. Газ»., занятъ составленіемъ біографіи своего отца и изданіемъ его переписки.

Цѣнные архивы. При нѣкоторыхъ волостныхъ правленіяхъ Харьковской губерніи имѣются архивы, въ которыхъ, какъ говорятъ, при тщательномъ изслѣдованіи, можно найти весьма рѣдкіе и цѣнные документы глубокой старины. Между прочимъ, въ архивѣ Бурлуцкаго волостного правленія, Волчанскаго уѣзда, хранится не мало всякаго рода дѣлъ и бумагъ, относящихся къ устройству бывшихъ военныхъ поселеній въ харьковской губерніи. Прочіе цѣнные документы можно встрѣтить въ архивахъ волостныхъ правленій Змiевскаго, Изюмскаго и Ахтырскаго уѣздовъ. Было бы желательно, чтобы изслѣдованіе всѣхъ этихъ интересныхъ архивовъ было поручено людямъ болѣе или менѣе компетентнымъ. (Южн. Край, № 6381).

Цѣнные архивные документы. Въ архивѣ полтавской губернской земской управы на дняхъ найдены любопытныя въ историческомъ отношеніи грамоты, выданныя на имя малороссійскаго бунчуковаго Антона Жайворонка и подписанныя частью Императрицей Екатериной и частью малороссійскимъ гетманомъ графомъ К. Разумовскимъ. Грамоты эти относятся къ 1754, 1762 и 1774 г. г. Всѣ подписи и печати на грамотахъ сохранились отчетливо и ясно. Найденные документы переданы въ архивъ губ. зем. управы послѣ упраздненія существовавшаго нѣкогда въ Полтавѣ приказа общественнаго призрѣнія.

Весьма возможно, что въ архивѣ полтав. губ. земства имѣются и другіе еще болѣе цѣнные историческіе документы, поэтому было бы желательно, чтобы изслѣдователи малорусской старины и малорусскаго края обратили на упомянутый архивъ свое вниманіе. (Полт. Губ. Вѣд. № 162).

Интересные документы. При приведеніи въ порядокъ архива кіевскаго городского общественнаго управленія, архиваріусъ Татаровъ нашелъ нѣкоторые интересные историческіе документы, перечисленные въ описи бумагъ городского архива. Въ числѣ этихъ документовъ находятся: грамота патріарха московскаго Адріана, помѣченная 26 апрѣля 1699 года, грамоты польскихъ королей: Стефана—отъ 1576 года, Владислава—1641 г., Сигизмунда III—1576 г.; подлинные универсалы: гетмана запорожскихъ войскъ Богдана Хмельницкаго съ

1652 по 1657 годъ, гетмана Юрія Хмельницкаго съ 1657 года по 1660 годъ и Ивана Мазепы съ 1687 по 1709 годъ. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ сохранились въ подлинникахъ и снабжены гетманскою и другими печатями, другіе документы представляютъ копіи. По словамъ архиваріуса, въ архивѣ имѣется еще нѣсколько пачекъ неразобранныхъ имъ разныхъ историческихъ документовъ. Почти всѣ грамоты сохранились прекрасно. («Кіевл.»)

«Благотворительное общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ». Объ этомъ обществѣ мы упоминали въ № 1, стр. 26, № 2, стр. 89—90, № 4, стр. 26—27. Правленіе разсылаетъ теперь печатныя извѣщенія объ открытіи общества, въ которыхъ говоритъ о работѣ, наиболѣе необходимой вначалѣ: популяризація научныхъ и утилитарныхъ свѣдѣній на народномъ языкѣ; изданіе книжекъ религіозно-нравственнаго содержанія; изданіе книжекъ о законахъ и распоряженіяхъ правительства въ доступномъ малорусскому народу изложеніи; необходимость изданія своего печатнаго органа. Въ концѣ правленіе приглашаетъ всѣхъ, «кому дороги интересы родного края, его культурное движеніе», помогать обществу, какъ работой, такъ и деньгами. Деньги надо посылать Виктору Вл. Игнатовичу, въ Петербургъ, Государств. банкъ, въ центральную бухгалтерію, а рукописи на имя предсѣдателя (ген. Федоровскій) или секретаря (Е. Гребенюкъ).

На дняхъ вышло изданіе «Благотворительнаго общества»—брошюра «Мале зернятко»; въ скоромъ времени выйдетъ и вторая—«Про городыну».

Столѣтіе Кіевской губернской типографіи. 27 іюля Кіевская губернская типографія праздновала столѣтіе со дня своего открытія. Инниціатива открытія при кіевскомъ губернскомъ правленіи казенной типографіи принадлежитъ кіевскому губернатору генералъ-маіору В. И. Красно-Милешевичу (1795—1799 гг.), съ какою цѣлью въ гор. Махновкѣ (нынѣ мѣстечко, Бердичевскаго уѣзда) была куплена у шляхтича Тадеуша Дерига небольшая типографія; первый печатный оттискъ этой типографіи былъ выпущенъ 27 іюля 1799 г. Цензуру изданій, выходившихъ въ то время изъ губернской типографіи, вѣдалъ, главнымъ образомъ, виленскій университетъ. Въ срединѣ 30-хъ

годовъ Кіевъ значительно выросъ. Будучи всегда центромъ религіознымъ, онъ къ тому времени сдѣлался и центромъ просвѣщенія Юго-Западнаго края, сосредоточивъ въ себѣ въ то же время и главныя торговыя нити послѣдняго, благодаря перенесенію въ Кіевъ контрактовой ярмарки изъ города Дубно. Все это мало-по-малу создало потребность въ мѣстномъ періодическомъ изданіи. И вотъ, идя навстрѣчу требованіямъ жизни, губернское правленіе задумало издавать при своей типографіи газету. Соотвѣтственное разрѣшеніе послѣдовало со стороны генералъ-губернатора 27 декабря 1835 года, при чемъ изданію было дано заглавіе «Кіевскія Объявленія». Подписная цѣна на газету установлена была въ размѣрѣ 2 руб. въ годъ. Съ возникновеніемъ газеты начинается и рядъ улучшеній въ губернской типографіи. Съ 1 января 1838 г. существованіе «Кіевскихъ Объявленій» прекратилось, и вмѣсто нихъ стали выходить въ свѣтъ «Кіевскія Губернскія Вѣдомости», заключая въ неоффиціальной части свѣдѣнія о базарныхъ цѣнахъ, объ ярмаркахъ, о прибывшихъ и выбывшихъ изъ Кіева, о происшествіяхъ и т. д. Въ сороковыхъ годахъ, въ бытность кіевскимъ губернаторомъ И. И. Фундуклея, губернская типографія была значительно расширена и улучшена. Съ 1862 года въ типографіи печатались кіевскія періодическія изданія «Кіевскій Телеграфъ», «Воскресное Чтеніе» и «Труды кіевской духовной академіи».

Въ послѣднее время, благодаря заботамъ кіевскаго губерн. Ѳ. Ѳ. Трепова, въ помѣщеніи типографіи, путемъ ряда перестроекъ, сдѣланы значительныя улучшенія. Введено въ ней и электрическое освѣщеніе. Для учениковъ-же типографіи во дворѣ построена гимнастика. Улучшено также и положеніе служащихъ въ типографіи, гдѣ ежедневно работаетъ въ среднемъ около 60 человѣкъ. (Кіевлян.).

Крупный и рѣдкій даръ. Изъ Бучача сообщаютъ въ газ. «Дило», что умершій тамъ отставной капитанъ мѣстной охраны (obrony krajowej) *Янъ Оберцъ* завѣщалъ все свое имущество, до 40.000 злот. ренс. (32.000 руб.), на пособія недостаточнымъ ученикамъ *обѣихъ народностей* христіанскаго вѣроисповѣданія (т. е. русиновъ и поляковъ), посѣщающимъ народныя школы и гимназію въ Бучачѣ. (Gazeta Lwowska, 182).

Казенная поставка розогъ. Одному изъ сотрудниковъ «Кіевл» удалось видѣть интересный документъ, относящійся къ эпохѣ процвѣтанія тѣлесныхъ наказаній. Это—постановленіе кіевскаго губернскаго правленія отъ 8 апрѣля 1849 года. Въ постановленіи говорится слѣдующее.

«Присутствіе губернскаго правленія слушало два отношенія губернскихъ правленій: одно таврическаго, отъ 5 февраля, а другое херсонскаго, отъ 25 февраля, въ коихъ, изъяснивъ, что въ Таврической и Херсонской губерніяхъ нѣтъ березовыхъ рощъ, изъ которыхъ бы можно заготовлять розги для наказанія преступниковъ, просятъ сіе правленіе увѣдомить, могутъ ли быть заготовляемы въ Кіевской губерніи ежегодно для таврической, до 9.000, и для Херсонской до 20,000 пучковъ березовыхъ розгъ и во что обойдется поставка первыхъ въ Симферополь, а послѣднихъ въ Херсонъ; приказали предписать всѣмъ градскимъ и земскимъ полиціямъ Кіевской губерніи, а также уѣзднымъ стряпчимъ, по собраніи изъ-подъ руки нужныхъ свѣдѣній и сообразясь съ мѣстными удобствами, донести губернскому правленію, можетъ ли быть заготовлено ежегодно прописанное количество розгъ для Таврической и Херсонской губерній, какимъ порядкомъ удобнѣе производить такое заготовленіе и доставку оныхъ и во что обойдется какъ заготовленіе, такъ и доставка оныхъ».

Водяныя мельницы—виновницы быстраго теченія Днѣпра. Въ «Кіевл.» разсказывается про интересный историческій документъ, найденный въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія. Какъ сообщаетъ газета, всякій, кому приходилось ѣхать на пароходѣ по Днѣпру, могъ видѣть у обоихъ береговъ его множество наплавныхъ мельницъ и сукноваленъ. Мельницы эти, основаніемъ которыхъ всегда служатъ двѣ грубо сколоченныя барки, ставятся обыкновенно у прижимистаго берега, т. е. у того берега, у котораго проходитъ главная струя меженныхъ водъ, такъ какъ чѣмъ сильнѣе теченіе, тѣмъ быстрѣе ворочаются и мельничныя колеса. Мельницы такія существуютъ на Днѣпрѣ очень давно. Существовали онѣ, между прочимъ, и въ Кіевѣ въ срединѣ прошлаго вѣка. Стояли онѣ въ то время у праваго берега рѣки, подъ горой, на которой возвышается монастырь Кіево-Печерской лавры, такъ какъ именно здѣсь тогда было очень силь-

ное теченіе. Происходило-же послѣднее вслѣдствіе того, что въ то время главное теченіе Днѣпра, выходя изъ устья Чертороя, противъ Аскольдовой могилы, направлялось къ правому вогнутому берегу рѣки. И вотъ къ этому именно времени относится слѣдующій интересный документъ, извлеченный изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, хорошо характеризующій нашихъ гидротехниковъ того времени. Въ бытность въ 1744 году Императрицы Елисаветы Петровны въ Кіевѣ, Государынѣ приходилось выслушивать много жалобъ на сердитое теченіе Днѣпра подъ Кіевомъ. Между прочимъ, монахи Кіево-Печерской лавры, въ виду того, что гора, на которой стоитъ монастырь, изъ года въ годъ все усиливающимся теченіемъ подмывалась, опасались за цѣлость восточной монастырской стѣны. На вопросъ Императрицы о причинѣ этого явленія, тѣ, кому это вѣдать надлежало, ничтоже сумняшеся, объяснили ей, что всему виной здѣсь наплавныя мельницы, причаленныя къ правому берегу, которыя и создаютъ сильное теченіе. Довѣрившись этимъ объясненіямъ, Елисавета Петровна въ 1745 году издала слѣдующій указъ кіевскому генералъ-губернатору, который мы и приведемъ цѣликомъ, съ сохраненіемъ орѳографіи.

«Указъ нашему генералу и генералъ-губернатору, Леонтьеву.

«Въ бытность нашу въ Кіевѣ усмотрѣно: рѣка Днѣпръ теченіе свое взяла подъ самыми Кіевскими горами и отъ великаго стремленія тѣ горы, а паче гдѣ угодники Божіи въ пещерахъ преопочиваютъ, вредитъ и осыпаетъ. А какъ извѣстно оная склонность воды отъ большой части учинилась со времени того, когда мельницы отъ здѣшней стороны къ нагорной переведены и употребляютця; того ради повелѣваемъ вамъ, по полученіи сего Нашего указу, тотчасъ всѣ тѣ мельницы, которые по Кіевскому берегу поставлены, съ тѣхъ мѣстъ свесть по прежнему на здѣшнюю сторону, дабы ни одной на томъ берегу не осталось».

«Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

«Елисаветъ». 10-го мая 1745 года в. Сантъ-Петербурхе».

Къ постановкѣ памятника И. П. Котляревскому. Какъ видно, Полтавцы и понынѣ не пришли къ окончательному рѣшенію, гдѣ поставить памятникъ И. П. Котляревскому. Такъ, въ № 160 «Полтав-

скихъ Губ. Вѣд.» сообщается, что артисты гостящаго малорусскаго товарищества, гг. Карпенко-Карый, Садовскій и Саксаганскій, по приглашенію городского головы В. П. Трегубова, совмѣстно съ послѣднимъ и нѣкоторыми гласными городской думы, осматривали мѣста, намѣченныя для памятника Котляревскому. Изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ мѣстъ малорусскіе артисты признали наиболѣе подходящимъ для памятника площадку у строющагося зданія народной аудиторіи, исходя изъ того соображенія, что въ этомъ мѣстѣ памятникъ будетъ находиться на глазахъ публики чаще, нежели во всѣхъ другихъ мѣстахъ.

Въ городскую управу недавно поступило заявленіе И. А. Зарѣцкаго о сдачѣ ему сооруженія пьедестала для памятника И. П. Котляревскому по проекту архитектора А. И. Ширшова. Пьедесталъ этотъ г. Зарѣцкій берется изготовить изъ приготовляемаго по его указанію. Опошнянскими гончарами твердаго кирпича. Кирпичъ этотъ, по словамъ автора заявленія, выдерживая необходимыя техническія испытанія, допускаетъ какую угодно раскраску и воспроизведеніе самыхъ тонкихъ, рельефныхъ украшеній. За работу по сооруженію пьедестала, съ матеріаломъ и сборкою, г. Зарѣцкій назначаетъ себѣ вознагражденіе въ 3 т. руб. Если проектъ этотъ будетъ принятъ думою, то для испытанія и оцѣнки качества кирпича г. Зарѣцкимъ будутъ представлены надлежащіе образцы. (Полт. Губ. Вѣд. № 163).

Къ исторіи послѣдней любви Тараса Шевченка. Въ тифлисской газетѣ «Кавказъ» г. Н. Макаровъ разсказываетъ извѣстную исторію послѣдней любви Тараса Шевченка къ простой крестьянкѣ Лукерьѣ.

Въ письмѣ къ Макарову, отъ 2 августа 1860 г., сохранившемся въ семейномъ архивѣ, дается очень рѣзкая характеристика Лукерьи.

«Милый другъ мой, Николай Яковлевичъ, говорится въ письмѣ. Желалъ бы, чтобы первое письмо, которое вы прочитаете, было мое, а не другія. Вы сами угадаете—почему. Неожиданность предложенія нашего бѣднаго поэта поразитъ ваши нервы,—въ этомъ я не сомнѣваюсь. Дѣйствительно, для Тараса Григорьевича нѣтъ другого выхода, какъ жениться на простой дѣвушкѣ и поселиться у себя на хуторѣ, но выборъ его едва ли можетъ принести счастье имъ обоимъ. Лукерья—умна, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: но она видитъ въ Тарасѣ Григорьевичѣ не болѣе, какъ будущаго стараго мужа, который заве-

зетъ ее куда то, куда ей вовсе не хочется, и она такъ мало надѣется быть довольной и счастливой, что не чувствуетъ къ нему даже признательности. Она—натура эгоистическая, которая никогда не оцѣнитъ того, что въ Тарасѣ Григорьевичѣ есть хорошаго, и вполнѣ пойметъ всѣ недостатки его, какъ мужа. Ей хочется пожить, погулять, и если ужъ выходить замужъ за стараго Тараса, то развѣ съ тѣмъ, чтобъ жить паніей. А ему вовсе не то представляется, не того хочется! Когда онъ мнѣ впервые сказалъ о своемъ предложеніи, я одобрилъ его намѣреніе—жениться на простой селянкѣ, но въ отношеніи къ Лукерьѣ я высказалъ ему свои сомнѣнія».

Къ возстановленію владиміро-волынскаго Мстиславова храма. Лѣтомъ нынѣшняго года работы по возстановленію этого храма вчернѣ окончены, т. е. выведены стѣны, и кровли покрыты желѣзомъ. Къ сожалѣнію, древнія формы храма подверглись при этомъ существенному измѣненію: вмѣсто пятиглаваго, какимъ несомнѣнно былъ древній Мстиславовъ храмъ, теперь воздвигнутъ одноглавый; въ формѣ купола, въ разрѣзахъ оконъ, въ разныхъ архитектурныхъ украшеніяхъ намѣренно допущено подражаніе стилю сѣвернорусскому, суздальскому, вмѣсто болѣе естественнаго—кіевскаго. По частнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что, во время производства работъ, въ одной стѣнѣ нашли замурованную руку, но въ печать свѣдѣніе объ этой находкѣ почему-то не проникло.

За израсходованіемъ суммъ, отпущенныхъ на возстановленіе храма, работы прекращены; по смѣтѣ же на внутреннюю отдѣлку требуется еще до 40.000 р., въ виду чего св. Синодъ постановилъ 15-го минувшаго августа произвести повсемѣстно по церквамъ кружечный сборъ на окончательныя работы по возстановленію означеннаго храма.

Освѣщеніе памятника на могилѣ Л. Глѣбова. Вечеромъ, 30-го іюня, въ оградѣ Черниговскаго Троицкаго монастыря собралась группа людей, явившаяся присутствовать при освященіи надгробнаго памятника на могилѣ извѣстнаго украинскаго баснописца Леонида Глѣбова. Все это были почитатели таланта покойнаго и его привлекательной личности. Скромный мраморный бѣлый памятникъ съ крестомъ

вверху исполненъ Рицдолатти въ Кіевѣ. На лицевой сторонѣ памятника помѣщенъ прекрасно исполненный на фарфорѣ, изготовленный въ Вѣнѣ, портретъ поэта и подъ нимъ надпись: «Леонид Глібов, поет-байкарь. Народився 19 лютого 1827. Умеръ 29 жовтня 1893». Съ противоположной стороны отрывокъ изъ стихотворенія г. В. Самійленка, прочитаннаго на похоронахъ Глѣбова.

200-лѣтіе освобожденія Подоліи отъ турецкаго владычества. Въ воскресенье, 12-го сентября, исполнилось ровно 200 лѣтъ съ того времени какъ Каменецъ-Подольскій, а вмѣстѣ съ нимъ и вся Подолія, освободились отъ владычества турокъ и перешли во власть Польши.

Въ этотъ день въ 1699 году выступали изъ города послѣдніе отряды турецкаго войска и чрезъ Турецкій мостъ и Подзамче направились къ Жванцу, а въ городъ вошло польское войско. Въ этотъ день состоялось освѣщеніе Каменецкаго каѳедральнаго костела, оскверненнаго басурманами, и совершено было первое благодарственное моленіе по случаю избавленія отъ ига турецкаго.

27 лѣтъ (1672—1699) въ Каменцѣ хозяйничали турки и за это время опустошили городъ до неузнаваемости. Желая какъ можно прочнѣе утвердиться въ Подоліи, они обратили все свое вниманіе на укрѣпленіе Каменца, какъ важнѣйшаго въ то время стратегическаго пункта, вовсе не заботясь о населеніи города. Для этой цѣли не щадили ни рабочихъ силъ, ни строевого матеріала. Разрушая городскіе дома, зданія и святыни, они исправляли поврежденныя во время штурма старыя башни и воздвигали новыя укрѣпленія. За время владѣнія Подоліей турки привели въ полный порядокъ каменецкій замокъ, въ которомъ въ настоящее время помѣщается исправительное арестантское отдѣленіе; построили массивный каменный такъ называемый Турецкій мостъ, который соединяетъ старый городъ съ Подзамчемъ; оградили городъ укрѣпленными стѣнами; нѣкоторые городскіе бастіоны до сихъ поръ еще угрюмо стоятъ подъ Смотричемъ, напоминая современникамъ о давно минувшихъ судьбахъ стараго города Коріатовичей. Городскія укрѣпленія доведены были турками, можно сказать, до совершенства. Но городъ за это время опустѣлъ. Христіанское населеніе принуждено было бѣжать изъ города, такъ

что къ концу турецкаго владычества на улицахъ Каменца съ трудомъ можно было встрѣтить христіанина.

Возвратившіеся послѣ ухода турокъ прежніе обыватели съ трудомъ отыскивали въ Каменцѣ свои старыя гнѣзда. Въ городѣ многое измѣнилось: дома были разрушены, многія усадьбы представляли изъ себя пепелища или руины. Въ томъ же видѣ въ 1699 году Каменецъ возвращенъ былъ Польшѣ. (Подол. Губ. Вѣд. № 194).

Библіографія.

Палеографическій изборникъ. ***Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв., изданные Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Выпускъ I. Кіевъ 1899.***

Новое изданіе кіевской археографической коммиссіи, выходъ котораго былъ пріуроченъ къ XI археологическому съѣзду, представляетъ большой интересъ для всякаго занимающагося архивнымъ дѣломъ. Это изданіе заключаетъ богатое собраніе фототипическихъ снимковъ съ южно-русскихъ рукописей (всего 81 снимокъ на 20 таблицахъ большого формата—in folio) и даетъ возможность прослѣдить послѣдовательныя измѣненія южно-русскихъ почерковъ, начиная отъ послѣднихъ образчиковъ полууставного письма и оканчивая скорописными почерками XVIII в.

Интересъ книги увеличивается предисловіемъ редактора изданія, извѣстнаго знатока архивнаго дѣла И. М. Каманина. Предисловіе это представляетъ цѣлую монографію по исторіи южно-русскаго письма и, сколько намъ извѣстно, составляетъ результатъ двадцатипятилѣтней работы автора въ состоящемъ подъ его завѣдываніемъ Кіевскомъ центральномъ архивѣ.

Указавъ на важное значеніе палеографіи въ научномъ и практическомъ отношеніи, г. К. довольно мрачными красками рисуетъ состояніе палеографическихъ знаній въ Россіи: «Разработка палеографіи, говоритъ онъ, только что началась; сколько-нибудь изучены лишь болѣе отдаленные вѣка русской письменности; но и тамъ это изученіе не идетъ далѣе собиранія и описанія сырого матеріала, и

при томъ безъ ясно и точно выработанной системы. Собираніе и описаніе палеографическаго матеріала доведено лишь до XIV—XV в., т. е. до времени образованія скорописи».

Задача настоящаго изслѣдованія—до нѣкоторой степени пополнить этотъ пробѣлъ изученіемъ южно-русской скорописи XV—XVIII в., «на небольшой территоріи юго-западнаго края и ближайшихъ мѣстъ на лѣвомъ берегу Днѣпра» (районъ, къ которому относятся изслѣдованные авторомъ документы кіевскаго центральнаго архива). Въ настоящемъ, первомъ, выпускѣ г. К. разсматриваетъ одни только русскіе почерки, не касаясь почерковъ польскихъ и латинскихъ, встрѣчающихся въ актовыхъ книгахъ центральнаго архива.

Основная мысль изслѣдованія г. К. заключается въ томъ, что исторія южно-русскаго письма служитъ отраженіемъ политической исторіи южной Россіи. «Южно-русское письмо, говоритъ онъ, пережило нѣсколько чуждыхъ вліяній вмѣстѣ съ населеніемъ, при измѣнявшихся политическихъ условіяхъ и отношеніяхъ». Поэтому исторія южно-русскаго письма можетъ быть раздѣлена на четыре періода, совпадающіе съ главными періодами политической и культурной жизни южно-русскаго племени. Первый періодъ совпадаетъ съ эпохой культурной самостоятельности южно-русскаго населенія подъ властью великихъ князей литовскихъ (до люблинской уніи); господствующимъ почеркомъ этого періода является «уставная скоропись, представляющая значительное сходство съ стариннымъ русскимъ полууставомъ. Второй періодъ обнимаетъ вторую половину XVI в., т. е. время особенно интенсивнаго вліянія польской культуры; почерки этого періода утрачиваютъ свой національный характеръ и принимаютъ особенности готическаго (латинскаго) письма. Третій періодъ совпадаетъ съ возникновеніемъ и развитіемъ школъ, основанныхъ церковными братствами; почерки этого періода представляютъ сходство съ латинскимъ письмомъ, но различаются по мѣстностямъ въ зависимости отъ вліянія той или другой школы (такъ г. К. различаетъ почерки: острожскій, кіевскій, луцкій, кременецкій, владимірскій, овручскій, житомірскій, чигиринскій). Наконецъ, четвертый и послѣдній періодъ совпадаетъ съ подчиненіемъ Южной Руси сѣверноруccкой культурѣ, начинаясьв ъ лѣвобережной Украинѣ съ половины, а въ правобережной—съ конца XVIII в.; почерки этого времени принимаютъ постепенно особенности сѣверно-русскаго письма.

Трудъ г. К., возбудившій интересъ спеціалистовъ на археологическомъ съѣздѣ, помимо своего научнаго значенія, имѣетъ также и значеніе педагогическое. Настоящее изданіе можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для занимающихся изученіемъ архивнаго матеріала, въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые приступаютъ къ этому дѣлу безъ опытнаго руководителя. Можно пожалѣть только, что спѣшность печатанія выпуска не дала возможности приложить къ нему, какъ это предполагалось, нѣсколькихъ таблицъ сводныхъ азбукъ; впрочемъ, г. К. надѣется пополнить этотъ пробѣлъ въ недалекомъ будущемъ.

Внѣшность изданія безукоризненна. Кромѣ прекрасно исполненныхъ фототипическимъ заведеніемъ С. В. Кульженка снимковъ съ рукописей, изданіе украшено четырьмя виньетками, изображающими двѣ группы актовыхъ книгъ и рукописей кіевскаго центральнаго архива и двѣ заставки изъ рукописей XVI и XVIII вв.

В. Щербина.

---

1) **К. Болсуновскій:** *Сфрагистическіе и геральдическіе памятники Юго-Западнаго края. Кіевъ, 1899 г.*

2) **Его-же:** *Свинцовыя пластинки (пломбы) съ условными знаками церковныхъ праздниковъ. Москва, 1899 г.*

3) **Его-же:** *Каталогъ предметовъ, выставленныхъ въ университетѣ св. Владиміра во время XI-го русскаго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Витрина А: привѣсныя печати и пломбы. Витрина В: жетоны религіозныхъ, благотворительныхъ и ремесленныхъ корпорацій. Кіевъ, 1899 годъ.*

Перечисленными изданіями неутомимый собиратель и изслѣдователь геральдическихъ и нумизматическихъ памятниковъ К. В. Болсуновскій привѣтствовалъ открытіе XI-го археологическаго съѣзда. И первое, и второе изданіе его снабжены каждое двумя таблицами снимковъ печатей и пломбъ. Въ первомъ своемъ трудѣ авторъ, давъ описаніе печатей, представленныхъ на снимкахъ, указываетъ ихъ значеніе, какъ сфрагистическаго матеріала древнихъ родовыхъ знаковъ, возникшихъ изъ мѣтокъ и знаковъ собственности, и какъ геральдическаго матеріала, перешедшаго въ геральдику XVI—XVIII вв., а также какъ памятниковъ забытой иконографіи и граверного искусства.

Разсматривая, на основаніи собраннаго матеріала, процессъ образованія гербовъ, авторъ приходитъ къ выводу, что большая часть изъ нихъ, исключая гербовъ князей, духовныхъ лицъ и учрежденій, имѣютъ въ своемъ основаніи инициалы владѣльцевъ или монаграммы ихъ. Это положеніе свое авторъ иллюстрируетъ нѣсколькими примѣрами на приложенныхъ таблицахъ.

Во второмъ своемъ трудѣ К. В. Болсуновскій, изучая знаки на принадлежащихъ ему дрогиченскихъ пломбахъ, приходитъ къ заключенію, что многіе изъ нихъ тождественны съ условными знаками, какія встрѣчаются въ сѣверныхъ рѣзныхъ календаряхъ (зырянскомъ и древне-литовскомъ), и служатъ для обозначенія великихъ и малыхъ праздниковъ въ году, хотя не касается вопроса, не перешли-ли нѣкоторые календарные знаки изъ языческой эпохи. Вообще, пломбы со знаками праздниковъ авторъ считаетъ имѣющими календарный характеръ и усматриваетъ въ нихъ множество прототиповъ древнихъ родовыхъ знаковъ Руси, Литвы и Польши.

Въ третьемъ трудѣ своемъ г. Болсуновскій даетъ каталогъ предметовъ, выставленныхъ имъ въ университетѣ во время археологическаго съѣзда въ двухъ витринахъ; въ одной—выставлены были привѣсныя пломбы и печати, а рядомъ съ ними и другіе предметы, добытые вмѣстѣ съ пломбами и принадлежащіе автору каталога. Для насъ бóльшій интересъ представляетъ вторая витрина, въ которой выставлены цеховые жетоны, жетоны богатыхъ и жетоны бѣдняковъ на право собиранія милостыни и мног. другіе; такимъ образомъ современное обиліе разнаго рода жетоновъ имѣетъ для себя примѣръ, въ прошедшемъ; одинъ же изъ старыхъ жетоновъ—на право прошенія милостыни—слѣдовало бы возстановить и въ наше время.

Въ той же витринѣ г. Болсуновскій выставилъ древнія гири и вѣсы, съ изслѣдованіемъ о которыхъ своевременно были освѣдомлены читатели «Кіевской Старины».

Изъ сказаннаго мы видимъ, что г. Болсуновскій является не только собирателемъ древностей, но и изслѣдователемъ ихъ, что предметы для своей коллекціи онъ подбираетъ и располагаетъ по строго научной системѣ, а это уже одно достаточно обезпечиваетъ какъ важность самой коллекціи, такъ и прочность выводовъ, сдѣланныхъ авторомъ на основаніи изученія принадлежащаго ему научнаго матеріала.

И. Каманинъ

С. Л. Пташицкій. *Князья Пузыны. Историко-генеалогическіе матеріалы. Спб. 1899 г.*

Изученіе исторіи отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ въ послѣднее время сдѣлало значительные успѣхи; какъ подспорье при обширныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, исторія родовъ имѣетъ, конечно, значеніе, особенно же тѣхъ родовъ, изъ среды которыхъ выходили общественные и государственные дѣятели. По нашему мнѣнію, такая исторія родовъ должна представить, и при томъ подробно, степень и характеръ участія рода и его отдѣльныхъ членовъ въ общественной или политической жизни, дать оцѣнку этого участія и обрисовать каждую личность, имѣвшую историческое значеніе. Такая исторія родовъ не легка и появляется на свѣтъ весьма рѣдко. По большей части къ исторіи родовъ относятъ ихъ генеалогію, которая служитъ не больше, какъ основой для дѣйствительной исторіи. Съ этой точки зрѣнія представляютъ интересъ и работы, подобныя той, заглавіе которой мы выписали выше. Она принадлежитъ лицу, много потрудившемуся въ изслѣдованіи различныхъ историческихъ вопросовъ, и вполнѣ точно имъ квалифицирована, какъ историко-генеалогическій матеріалъ. Родъ князей Пузынъ принадлежитъ къ числу значительныхъ родовъ старой Польши. Происхожденіе этихъ князей, несомнѣнно, западнорусское, но въ настоящее время не можетъ быть съ точностью установлено. Съ конца XVI в. окрѣпло мнѣніе о происхожденіи этого рода отъ князей Козельскихъ и отъ одного родоначальника съ князьями Огинскими. Они владѣли имѣніями въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, и занимали различныя общественныя должности: старостъ, каштеляновъ, стольниковъ, подкоморіевъ, судей и пр., и нерѣдко участвовали въ посольствахъ къ московскимъ государямъ. Они назывались сначала Глазынами; въ концѣ XV в. одинъ изъ рода Глазынъ, Иванъ, бѣжалъ въ Москву; за нимъ укрѣпилось прозвище Пузыны, которое и перешло къ потомству. Отъ этого произошелъ родъ князей Огинскихъ и волынская вѣтвь дворянъ Пузынъ; авторъ разсматриваемаго труда не касается этой вѣтви. Къ генеалогіи Пузынъ приложено 49 актовъ, послужившихъ для ея составленія, и гербъ Огинецъ по Кояловичу и Нѣсецкому.

Вообще, трудъ г. Пташицкаго представляетъ собой строго научное и съ внѣшней стороны весьма изящное изданіе.

И. Каманинъ.

Обозрѣніе журналовъ 1-й половины 1899 года.

Русскій Архивъ №№ 1—6.

Воспоминанія и дневники Адріана Моисеевича Грибовскаго (№ I, стр. 1—2, 1—166). Въ этихъ любопытныхъ запискахъ и дневникахъ, напечатанныхъ теперь гораздо полнѣе, чѣмъ въ 1847 г. въ «Москвитянинѣ», находимъ много мелкихъ, но очень иногда интересныхъ извѣстій о разныхъ лицахъ высокопоставленнаго круга, уроженцевъ Малороссіи, каковымъ былъ и самъ авторъ записокъ, впрочемъ очень недружелюбно относившійся къ своимъ землякамъ, чѣмъ и объясняется характеръ его отзывовъ о нихъ. Такъ, въ «Запискахъ» есть характеристика личностей гр. *Безбородка* (стр. 6—9) и *Д. П. Трощинскаго* (стр. 14), очень субъективная, т. к. она касается лицъ, принадлежавшихъ къ другой партіи при дворѣ; есть тутъ краткія свѣдѣнія о дѣлахъ *польскихъ* въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія (стр. 36—38), о *Новороссіи* (стр. 41—43), объ основаніи Одессы (стр. 43). Среди мелкихъ замѣтокъ отмѣтимъ упоминаніе о «Запискѣ гр. Безбородка о Малороссіи» (стр. 60). Въ «Дневникѣ» есть интересное извѣстіе объ отцѣ гр. Паскевича, поставлявшемъ для казны соль изъ Крыма вмѣстѣ съ своими землякам и—полтавцами, при чемъ, благодаря Грибовскому, онъ освобожденъ былъ отъ посылки на каторгу (стр. 75). По этому поводу въ № 2-мъ (стр. 367) кн. А. Щербатовъ, біографъ фельдмаршала Паскевича, дѣлаетъ поправку, считая, что Грибовскій смѣшалъ мѣщанскую фамилію Пасковича съ отцемъ фельдмаршала.

Воспоминанія Н. Д. Богатинова (№ 2, 3, 4, 5, 6). Имя Н. Д. Богатинова хорошо было извѣстно въ Кіевѣ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, когда онъ былъ здѣсь учителемъ. Воспоминанія этого старожила кіевскаго, казалось-бы, должны для насъ, южанъ, имѣть особенный интересъ, но читатель горько ошибется, разсчитывая найти въ нихъ что-нибудь занимательное: болѣе безсодержательныхъ воспоминаній намъ не приходилось еще встрѣчать въ печати. Нѣкоторыя болѣе интересныя мѣста изъ этихъ воспоминаній были уже перепечатаны въ нашемъ журналѣ (№ 5-й, стр. 66—68, «Кіевъ въ 40 годахъ»). Теперь укажемъ еще на тѣ страницы, гдѣ говорится объ ученіи автора воспоминаній въ гимназіи и университетѣ (№ 6), такъ-какъ тутъ встрѣчается хоть какая-нибудь характеристика лицъ съ

общественнымъ положенiемъ: все-же прочее, можетъ быть, и интересно для ближайшаго семейнаго круга Богатиновыхъ, но не имѣетъ никакого общественнаго значенiя.

Изъ воспоминаній М. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ. (№ 4). Объ этихъ воспоминанiяхъ см. въ нашемъ журналѣ статью *Н. Ш.* въ № 6-мъ.

Универсалъ князя А. Д. Меншикова (№ 4). О немъ было упомянуто уже у насъ въ № 5-мъ, въ отд. «Библiографiя», стр. 103).

Русская Старина №№ 1—6.

Тимощукъ В. В. Новыя данныя о первомъ Самозванцѣ (№ 1, 2, 3, 4, 5). Это есть подробный пересказъ книги *А. Гиршберга* «Dymitr Samozwaniec. We Lwowie 1898», въ которой разработана исторiя этой загадочной личности по новымъ матерiаламъ въ заграничныхъ государственныхъ и частныхъ польскихъ архивахъ. Такъ-какъ въ жизни перваго Самозванца много было моментовъ, связанныхъ съ Малороссiей и въ частности съ Кiевомъ, то естественно, что и данная статья заключаетъ въ себѣ матерiалы, относящiеся къ нашему югу Россiи, главнымъ образомъ въ №№ 1 и 3.

Исаевичъ П. Императоръ Николай 1-й въ Черниговѣ въ 1845 г. (№ 2). Объ этой небольшой статьѣ была уже въ нашемъ журналѣ маленькая замѣтка (см. № 3, отд. «Библiографiя», стр. 175). Въ началѣ статьи авторъ рисуетъ краткую картинку неблагоустроеннаго Кiева въ 40-хъ годахъ, а тѣмъ болѣе Чернигова, черезъ который тогда проходилъ почтовый путь изъ Петербурга на Кiевъ. По пути въ Кiевъ, имп. Николай 1-й и долженъ былъ проѣхать черезъ Черниговъ и переправиться черезъ разлившуюся на большое разстоянiе Десну. Отецъ автора статьи, П. Исаевичъ, завѣдывалъ переправой, о чемъ и разсказываетъ теперь сынъ его нѣсколько эпизодовъ, связанныхъ съ проѣздомъ имп. Николая 1-го черезъ Черниговъ въ 1845 г., а также въ 1846 г.

Въ статьѣ *Н. Дубровина „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка“* (№ 1, 2, 3, 4 и 6) встрѣчаются эпизоды, касающiеся дворянскихъ нравовъ на выборахъ. Такъ, въ Подольской губернiи въ 1808 г. произошли на выборахъ такiе безпорядки, что пришлось призвать полицiю, арестовать нѣсколько дворянъ, а губернскаго маршала и вице-

губернатора уволить отъ должности; въ Виленской-же губерніи, въ Тельшевскомъ повѣтѣ, безпорядокъ былъ доведенъ до того, что сорваны были печати съ баллотировочнаго ящика, погашены свѣчи, и списокъ наличныхъ дворянъ унесенъ. Все это было причиной появившихся въ 1805 году дополнительныхъ правилъ для выборовъ въ польскихъ губерніяхъ, при чемъ право избиранія предоставлялось только лицамъ, имѣющимъ извѣстную опредѣленную собственность (№ 3-й, стр. 559—561).

Рескриптъ имп. Александра I новороссійск. губернат. Миклашевскому—о памятникѣ князю Потемкину въ Херсонѣ (№ 4).

В. И. Дурасовъ. «Графъ Мечиславъ Потоцкій въ Саратовѣ» (№ 4). Одинъ изъ польскихъ магнатовъ въ Подольской губерніи, гр. Мечиславъ Потоцкій, за безнравственные и жестокіе поступки былъ въ 1845 году по Высочайшему повелѣнію высланъ на безвыѣздное жительство въ Саратовъ. Нѣсколько очень интересныхъ страничекъ изъ жизни его тамъ и передается въ этой статьѣ.

Историческій Вѣстникъ (№№ 1—6).

С. Адріановъ. Графиня Софія Потоцкая. (№ 2, стр. 426—439). Статья эта составлена не по новымъ матеріаламъ, а исключительно по напечатаннымъ уже, при чемъ въ значительной долѣ въ нее вошли данныя изъ біографіи Потоцкой доктора Антонія (Ролле), въ русскомъ переводѣ, помѣщенномъ въ «Кіевской Старинѣ» (1887 г. № 1) подъ заглавіемъ «Судьба Красавицы». Разсказъ самъ по себѣ очень интересенъ и читается съ удовольствіемъ.

В. Батуринскій. Черты изъ жизни И. С. Тургенева (№ 3, стр. 887--900). Въ этой статьѣ есть извлеченія изъ любопытныхъ воспоминаній о Тургеневѣ покойнаго проф. М. П. Драгоманова, помѣщенныхъ въ 1885 г. въ итальянскомъ журналѣ «Rivista Politica et Letteraria». Здѣсь передано нѣсколько встрѣчъ автора воспоминаній съ Тургеневымъ, изъ которыхъ болѣе другихъ интересна встрѣча на литературномъ конгрессѣ въ Парижѣ (въ 1878 году), когда между прочимъ Тургеневъ прочелъ докладъ, составленный М. П. Д—ымъ, о положеніи украинской литературы. Въ одно изъ свиданій разговоръ зашелъ и объ Украинѣ; объ этомъ была уже въ нашемъ журналѣ замѣтка (см. № 5, отд. II, стр. 103).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Объ языкахъ русскомъ и малорусскомъ. Подъ такимъ заглавіемъ напечатана въ «Одесск. Листкѣ» (№ 234) статья *В. Модестова*, разсматривающаго все тотъ-же старый вопросъ о правѣ малорусскаго языка быть языкомъ науки и литературы. Вопросъ этотъ затронутъ г. Модестовымъ по поводу извѣстнаго инцидента, возникшаго передъ XI археологическимъ съѣздомъ въ Кіевѣ. Зная издавна взглядъ г. Модестова на малорусскій вопросъ, мы нисколько не удивились, встрѣтивъ въ его статьѣ отрицательное рѣшеніе его. Насъ удивляетъ только, что авторъ, къ сожалѣнію, вмѣсто прямого разсужденія на данную тему, пошелъ совсѣмъ по нежелательному для безпристрастнаго ученаго пути, сведши все къ тому, что кіевскіе украинофилы хотѣли воспользоваться моментомъ, чтобы выиграть косвеннымъ образомъ точку опоры для расширенія правъ малороссійскаго нарѣчія въ самой Россіи". Намъ кажется, что слѣдуетъ предоставить право такимъ образомъ поворачивать вопросъ инымъ людямъ, а не ученому съ такой репутаціей, какъ проф. В. И. Модестовъ. Если-бы г. Модестовъ доказалъ, что галицкіе ученые, которыми и поднятъ былъ вопросъ о предоставленіи имъ права читать рефераты на своемъ галицко-украинскомъ языкѣ, какимъ они привыкли и писать, и говорить, и излагать свои научные доклады, свободно могутъ говорить и на общерусскомъ языкѣ,—то онъ былъ-бы отчасти правъ; но мы думаемъ, что почтенный профессоръ, изъѣздившій всю Европу и теперь даже пишущій свою статью изъ заграницы, вѣроятно знаетъ, насколько громадному большинству галицкихъ ученыхъ трудно,—не скажу понимать,—но объясняться на русскомъ языкѣ. А потому, имъ оставалось на археологическомъ съѣздѣ или отсутствовать, какъ они и сдѣлали, или доклады свои читать на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ получилась-бы картина, едва-ли утѣшительная въ смыслѣ торжества русской народности.

Въ газ. «Русланъ», начиная съ № 169 текущаго года, печатаются поэмы *М. Макаровскаго*, болѣе 50 лѣтъ назадъ впервые помѣщенныя А. Метлинскимъ въ «Южномъ русскомъ сборникѣ» и, по словамъ Б. Вильхивського (см. Зоря 1887 г. № 5), теперь совсѣмъ позабытыя. Кромѣ двухъ поэмъ, «Наталя, або дви доли разомъ» и «Гараськo», писалъ М. Макаровскій и мелкія поэтическія произведенія, которыя

въ 1864 году вошли въ сборникъ, изданный въ Полтавѣ подъ заглавіемъ «Мова зъ Украины» и составляющій теперь библіографическую рѣдкость. Ввиду того, что всѣ произведенія Макаровскаго, отличаясь достоинствами, мало кому доступны въ настоящее время, редакція газ. «Русланъ» рѣшила напечатать ихъ на своихъ страницахъ, разсчитывая, вѣроятно, выпустить въ свѣтъ и отдѣльные оттиски.

Во Львовѣ Вышла въ свѣтъ и быстро распродана была интересная книга «*Украинсько-руськый университетъ у Львови, памяткова кныга першого академичного вича студентивъ всихъ высшыхъ австрійськыхъ школъ*» (см. объ этомъ вѣчѣ въ Кіев. Ст., № 9, текущія изв. стр. 112—113). Цѣна книги 50 крейц. Чистый доходъ предназначается для фонда на основаніе во Львовѣ *людового университета*. Основной рефератъ на этомъ съѣздѣ академической молодежи, М. Галущинського, въ которомъ указаны историческія и фактическія данныя для желанія галичанъ имѣть свой университетъ, напечатанъ въ газ. «Русланъ». №№ 173—175.

Въ «Историч. Вѣстн.» № 9 напечатано «*Воспоминаніе объ Е. П. Гребенкѣ*» его бывшаго ученика *А. С—аго* (стр. 815—832). Воспоминанія эти даютъ очень мало фактическаго матеріала о личности нашего писателя, но отличаются теплотою и задушевностью. Заканчиваются воспоминанія пожеланіемъ, чтобы «оставшіеся родные или близкіе Евгенія Павловича описали состояніе его могилы въ настоящее время [1]); «мы, уже немногіе изъ оставшихся учениковъ его, говоритъ А. С—ій, охотно приняли-бы участіе въ поддержкѣ, украшеніи и приведеніи въ надлежащій порядокъ этой всегда дорогой для насъ могилы».

«Рускій» (русинскій) псалтырь. Епископъ станиславовскій Шептицкій пожертвовалъ 200 зл. р. на изданіе болѣе полнаго и обработаннаго, на основаніи лучшихъ изводовъ, псалтыря. Авторомъ труда является Слюсарчукъ, священникъ изъ Ключева, а изданіе взялъ на себя посолъ свящ. Танячкевичъ (Gazeta Lwowska, 166).

---

[1]) Е. П. Гребенка похороненъ въ хуторѣ *Убѣжище*, пирятинскаго уѣзда, полтавской губ.

Въ «Przegląd-Polski», за августъ мѣсяцъ, извѣстный ученый польскій Александръ Брикнеръ, профессоръ берлинскаго университета, опубликовалъ интересный историческій эскизъ («szkic.») подъ заглавіемъ „Taniec Rzeczy pospolitei Polskiej". Въ библіотекѣ гр. Тарновскаго въ Дзиковѣ хранится рукопись XVII в. подъ заглавіемъ: „Taniec Rzeczypospolitej Polskiej, albo raczej rozmowa dwojga ludzi, Terrygeny z Peregrynem, o wojnie szwedzkiej i potym nastąpionej od węgrow, *kozakow*, multanów i woloszy, a przytem i moskiewskiej". Произведеніе это интересно, помимо художественныхъ сторонъ, еще и потому, что является отраженіемъ современныхъ политическихъ настроеній, а иногда является прямо хроникой происходившаго. (Gazeta Lwowska, № 189).

Въ «*Одесскомъ Листкѣ*» (№ 229) напечатана статья «Изъ жизни русскихъ въ Америкѣ», въ которой разсказывается о положеніи канадскихъ русиновъ и объ отношеніяхъ ихъ къ полякамъ.

Въ фельетонѣ газеты «*Русскій Туркестанъ*» (№ 97) напечатанъ разсказъ неизвѣстнаго автора о поѣздкѣ его въ Ново-Петровское укрѣпленіе, при чемъ сообщаются почти все общеизвѣстные факты о пребываніи тамъ Т. Г. Шевченка, а попутно и кое-что о Н. И. Костомаровѣ. Наиболѣе любопытными могли-бы быть свѣдѣнія о «садѣ Шевченка», но ихъ такъ мало сообщено, что и въ этомъ нѣтъ особеннаго интереса. Въ портфелѣ редакціи «Кіевск. Стар.» имѣются гораздо болѣе точныя данныя объ этомъ, и мы разсчитываемъ въ ближайшемъ будущемъ познакомить съ ними нашихъ читателей.

По поводу съѣзда галицко-русскаго студенчества во Львовѣ съ цѣлью учрежденія «украинско-русскаго университета» во Львовѣ, въ № 879 «Южнаго Обозрѣнія» помѣщена обширная корреспонденція І Личко «Изъ Галиціи», въ которой послѣдній, отчасти на основаніи свѣдѣній, полученныхъ имъ во время пребыванія въ Галиціи, отчасти на основаніи сообщенія въ «Буковыни», разсказываетъ подробно о постановленіяхъ съѣзда, о рѣчахъ, произнесенныхъ на немъ и т. п. Небезынтересно будетъ отмѣтить отношеніе редакціи газеты «Южное Обозр.» къ данному вопросу. Въ примѣчаніи къ корреспон-

денціи редакція прибавляетъ: «Редакція съ удовольствіемъ помѣщаетъ эту корреспонденцію, свидѣтельствующую о столь успѣшномъ просвѣтительномъ движеніи среди галиційскаго народа».

«Новороссійскій Телеграфъ» (№ 7859), отмѣтивъ въ нѣсколькихъ строчкахъ фактъ съѣзда, прибавляетъ:

Въ Галиціи два польскихъ университета, въ Краковѣ и Львовѣ а для трехъ съ лишнимъ милліоновъ русскаго населенія не имѣется ни одного высшаго учебнаго заведенія. Одновременно-же въ Черновицахъ для 50, повторяю прописью, во избѣжаніе недоразумѣній, для пятидесяти нѣмцевъ правительство тратитъ громадныя деньги на содержаніе нѣмецкаго университета! Вотъ такъ равноправность!».

Очень подробную замѣтку о съѣздѣ помѣстила также «Днѣпровская Молва», № 31.

«Сборникъ статей о Пушкинѣ по поводу 100-лѣтняго юбилея. Кіевъ, 1899, I—III+164+287, in 8». Для насъ особенный интересъ представляетъ статья Н, Петрова „Отношеніе поэзіи А. С. Пушкина къ украинской жизни и поэзіи" (стр. 153—168), проникнутая той тенденціей, что украинская поэзія создалась подъ огромнымъ вліяніемъ русской литературы, а въ особенности Пушкина. Поэтому не слѣдуетъ удивляться, читая, что произведеніе Шевченка «Варнакъ» —переработка «Братьѐвъ разбойниковъ», «У тіеи Катерыны» — «Египетскихъ ночей(!)», «Посланіе Шафарикови» и «Славянамъ» — «Клеветникамъ Россіи и «Бородинск. битва». Что-же касается «Наймычки», то само собой разумѣется,—это вліяніе извѣстнаго романса «Подъ вечеръ осенью ненастной». Подобныя «вліянія» подысканы и для другихъ украинскихъ писателей; такъ напр: Боровиковскій написъ стихотв. «Волохъ», гдѣ описывается привольная жизнь цыганъ,—отсюда вытекаетъ, что Боровиковскій слѣдуетъ за Пушкинымъ.

Поступили въ продажу: «Творы О. Я. Кониського—Перебенди». Т. I. Содержаніе: Дидъ Евменъ, Непремыренна, Баба Явдоха, Хвора душа. Т. II. У тиснои бабы, Млынъ, За крыгою, Отакъ булы вскочылы! Завертка, Народня педагогія, Не любы двохъ, Конокрадъ, Музыка Дрантусъ, Надіи, Марта Перепычка, Бабуся Харитына. Цѣна каждаго тома—50 к.

Готовятся къ печати слѣдующіе томы сочиненій того-же автора. Кромѣ того, отдѣльно печатается «Грошолюбка» О. Я. Кониcского.

«*Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild.* Недавно вышло два выпуска этого крупнаго изданія—328 и 329. Первый посвященъ описанію Буковины. Изъ статей можно отмѣтить слѣдующія: A. Romstorfera»: Orts'anlagen und Wohnungen, E. Kolbenheyera«Die Hausindustrie», Исидора Воробкевича—„Musik" и Яна Сборы Die rumänische Literatur und Sprache (Gazeta Lwowska, 177).

Черная рада. Хроника 1663 года. Сочин. *П. А Кулиша,* ц. 60 коп. (на русскомъ языкѣ). Разрѣшена къ печатанью и на малорусскомъ.

«*Дозвиля*» 1888—1898, Н. А. Кузьменко. Екатеринославъ, 1899. Сборникъ стихотворныхъ произведеній.

И. М. Стешенко. Хуторни сонеты. Кіевъ, 1899, 1—32, in 32°. Цина 10 коп.

Huculszczyzna (Museum imienia Dzieduszyckich we Iwowie. Dział VII, etnograficzny). Lwo'w. Nakładem Mus. im. Dzied. 1899, 1+44, in 8°.

Иллюстрированный каталогъ предметовъ, собранныхъ въ Гуцульщинѣ. Всѣхъ таблицъ 37. На нихъ помѣщены снимки самыхъ разнообразныхъ предметовъ: писанокъ, орудій домашняго обихода, образцовъ вышивокъ, глиняныхъ и деревянныхъ издѣлій и т. п. Фотографическіе снимки исполнены прекрасно, съ замѣчательной отчетливостью; къ рисункамъ приложены объясненія.

И. Левицкій. Прыятели. Изданіе третье. Черкассы, 1899 р., 1—46, in 32°. Цѣна 5 коп.

Повне выданья творивъ Пантелеймона Олександровича Кулиша. Досвиткы, думы та поэмы. Тыпомъ другымъ, зуповненымъ. Харькивъ, 1899, 1—254, in 32°. Цѣна 75 коп. Это уже третье изданіе (1-е

въ 1862, 2-е въ 1878 въ Кіевѣ); добавлено—новое предисловіе и «прыпысы» (поясненія и примѣчанія къ стихотвореньямъ,—всѣхъ 8). Совершенно новое стихотвореніе—«Присьвята оправленого въ золото прымирныка“—очевидно предыдущаго изданья, подареннаго женѣ.

П. Мырный. Лыхый попутавъ. Оповиданья. Стр. 38 in 8°. Полтава, 1899.

Д. В. Кулида. Козаче слово. Оповиданья съ переказивъ про козацтво. Кременчугъ, 1899, 1—22, in 16°. Брошюрка, слабая и по языку, и по содержанію.

Археологическая лѣтопись.

Засѣданія обществъ.

9-го сентября состоялось засѣданіе *Церковно-археологическаго общества при Кіевской Духовной Академіи*. Между прочимъ, постановлено ходатайствовать предъ кѣмъ слѣдуетъ, о передачѣ стараго архива кіевской духовной консисторіи (за XVIII вѣкъ) въ вѣдѣніе Церковно-археологическаго общества. Членъ общества, профессоръ Н. И. Петровъ сдѣлалъ сообщеніе *«Объ упраздненной стѣнописи великой церкви Кіево-Печерской лавры*. Анализируя два рукописныхъ описанія этой стѣнописи 1720—1730 годовъ и сопоставляя съ описаніемъ лавры 1653 г. у архидіакона Павла Алеппскаго и съ другими данными, референтъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) О первоначальномъ росписаніи великой лаврской церкви извѣстно только то, что на алтарной стѣнѣ было мозаическое изображеніе Богородицы, а въ главномъ куполѣ—такое-же изображеніе Спасителя, а внизу на стѣнахъ церкви—изображенія, вѣроятно фресковыя, тѣхъ мучениковъ, частицы мощей коихъ, положены въ основаніе церкви. Вѣроятно, нѣкоторыя изъ этихъ изображеній пострадали во время бывшаго въ 1230 году землетрясенія, отъ котораго по свидѣтельству лѣтописи, великая печерская церковь разступилась на 4 части, т. е. дала 4 большія трещины. Въ 1240 году, при разореніи Кіева Батыемъ, великая лаврская церковь была разрушена по окна и по перси иконы Богоматери въ главномъ алтарѣ.

2) Въ 1470 году кіевскій князь Симеонъ Олельковичъ возстановилъ великую лаврскую церковь, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ

надпись на современныхъ барельефахъ съ изображеніями Богородицы и преподобн. Антонія и Өеодосія: «основана бысть церковь на старомъ основаніи при великомъ королѣ Казимірѣ благовѣрнымъ кн. Симеономъ Александровичемъ, отчичи Кіевскомъ, и прі архимандритѣ Іоаннѣ». Къ этому «Синопсисъ» прибавляетъ, что князь Симеонъ Олельковичъ, обновивъ великую лаврскую церковь, «украси ю всякою красотою и различными шаты выписа». Но работа этого князя въ 1482 году уничтожена была крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, который, неожиданно напавъ въ этомъ году на Кіевъ, опустошилъ какъ городъ Кіевъ, такъ и Печерскую обитель.

3) Новыми благотворителями и реставраторами лавры были князья Острожскіе, Константинъ Ивановичъ († 1530 г.) и сынъ его Константинъ Константиновичъ († 1608 г.), изъ коихъ первый и погребенъ былъ въ лаврѣ. Объ участіи этихъ князей въ украшеніи великой лаврской церкви свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и архидіаконъ Павелъ Алеппскій, который въ 1653 году видѣлъ на правой или южной сторонѣ этой церкви каменное надгробіе князю К. И. Острожскому, съ изображеніями на аркѣ воинскихъ подвиговъ сего князя, а на лѣвой или сѣверной сторонѣ—портретъ сына его К. К Острожскаго. Ко временамъ князей Острожскихъ должно отнести и тогдашній иконостасъ главнаго алтаря великой лаврской церкви, по всѣмъ признакамъ одно-ярусной, о которомъ Павелъ Алеппскій говорилъ, что «онъ великолѣпенъ, но старъ».

4) Петръ Могила, сдѣлавшись печерскимъ архимандритомъ, придалъ великой лаврской церкви болѣе нарядный видъ, снабдивъ ее новыми 4-мя куполами, изъ коихъ одинъ былъ надъ главнымъ входомъ, два—на южной сторонѣ и одинъ, въ соотвѣтствіе съ куполомъ Предтеченской придѣльной церкви,—на сѣверной сторонѣ, что не могло не отразиться и на лаврской стѣнописи. Есть извѣстіе о томъ, что Петръ Могила украсилъ великую лаврскую церковь прекрасною греческой живописью и вызывалъ мастеровъ изъ Москвы. Но что въ украшеніи великой лаврской церкви относилось къ этой эпохѣ—сказать трудно.

5) Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в., при гетманѣ Мазепѣ, великая лаврская церковь получила значительныя измѣненія во внѣшнемъ своемъ видѣ. Въ это время съ сѣверной и западной сторонъ великой лаврской церкви пристроены были боковые придѣлы архидіакона Стефана и Іоанна Богослова, вмѣсто прежнихъ часовень,

посвященныхъ этимъ святымъ, а Предтеченская церковь вошла, въ качествѣ придѣльной, въ составъ общаго плана великой церкви. Часовни, бывшія у западной стѣны великой церкви, были замѣнены длинною, во всю ея ширину, и низкою наружною папертью, съ четырьмя входными дверьми и шестью надъ ними овальными окнами. Несомнѣнно, эти наружныя измѣненія великой лаврской церкви должны были отразиться на ея стѣнописи.

6) Пожаръ великой лаврской церкви въ 1718 году насильственно прервалъ нить художественныхъ преданій въ ея росписаніи стѣнописью и иконами. Пожаромъ этимъ и послѣ пожара уничтожена была даже внутренняя штукатурка великой лаврской церкви, а слѣдовательно не только иконопись (за немногими исключеніями), но и стѣнопись. Традиція могла сохраниться, при реставраціи церкви, только въ выборѣ сюжетовъ для живописи и распредѣленіи ея по извѣстнымъ частямъ храма. Да и эта послѣдняя традиція въ значительной мѣрѣ нарушена была, при возстановленіи церкви, какъ новыми надстройками, напр. Преображенскаго и Андреевскаго придѣловъ, вообще измѣненіями въ этой церкви, такъ и художественными вкусами реставраторовъ. Описаніе реставрированной стѣнописи и иконописи великой лаврской церкви послѣ пожара 1718 года сохранилось въ двухъ лаврскихъ рукописяхъ за №№ 204 и 183, которыя представляютъ изъ себя *исполнительные*, послѣдовательно осуществлявшіеся проекты росписи великой лаврской церкви въ 1720—30 гг. и никакъ не могутъ быть считаемы за копіи древняго описанія росписи великой лаврской церкви въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка. Изъ сличенія этихъ проектовъ съ первоначальнымъ росписаніемъ великой лаврской церкви въ XI вѣкѣ и съ описаніемъ живописи у Павла Алеппскаго въ 1653 году видно, что реставраторы 1720—1730 гг., удержавъ немногое изъ прежнихъ сюжетовъ росписи особенно въ иконостасѣ, во многихъ случаяхъ прежніе сюжеты замѣнили и дополнили новыми сюжетами, соотвѣтственно измѣненіямъ въ самой церкви и художественнымъ вкусамъ того времени.

7) Въ 1772—1777 годахъ іеромонахъ Захарія Голубовскій, со своими «молодиками»—учениками, переписалъ заново обветшалую стѣнопись великой лаврской церкви 1720—30 гг., исключивъ нѣкоторые прежніе сюжеты и прибавивъ много новыхъ.

8) Работа Голубовскаго поновлена была въ 1824 и 1840—42 гг. въ послѣдній разъ самоучкой іеромонахомъ Иринархомъ и лаврскими

послушниками и исправлена по указаніямъ академика Солнцева. Эта то стѣнопись и уничтожена была недавно съ надлежащаго разрѣшенія, при чемъ сняты были со стѣнописи, прежде ея очистки, фотографическіе снимки. (Кіевск. Сл., № 4195).

Изслѣдованія и раскопки.

Поѣздки гр. П. С. Уваровой въ Черниговскую губ. и на Волынь. Неутомимый предсѣдатель археологическаго съѣзда гр. П. С. Уварова, почти тотчасъ-же по окончаніи съѣзда, совершила рядъ поѣздокъ для осмотра и изслѣдованія памятниковъ мѣстной старины. Поѣздки эти не останутся безъ результатовъ: авторитетъ графини, ея горячее отношеніе къ дѣлу охраны памятниковъ прошлаго, неослабѣвающій интересъ къ изученію этихъ памятниковъ, способность привлекать вниманіе къ нимъ мѣстныхъ людей, могутъ служить ручательствомъ, что многое будетъ сдѣлано какъ для охраны, такъ и для изученія и изданія тѣхъ или другихъ остатковъ старины.

Первая поѣздка была совершена въ г. Козелецъ Черн. губ. Цѣль ея—осмотръ находящагося здѣсь собора. Въ Козельцѣ, въ срединѣ прошлаго столѣтія, на средства графа К. Разумовскаго, по плану знаменитаго въ свое время художника строителя Растрелли и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, построенъ величественный соборный храмъ въ честь Рождества Божіей Матери. Вслѣдствіе скорой смртеи строителя и его матери Н. Д. Разумовской, соборный храмъ, не обезпеченный вкладомъ на его ремонтъ и содержаніе, а также благодаря бѣдности и малочисленности не только соборнаго прихода, но и всего города, пришелъ въ полный упадокъ. Въ настоящее время нѣтъ средствъ не только на подновленіе великолѣпнаго италіанской живописи иконостаса, но даже на оштукатурку внутреннихъ и наружныхъ стѣнъ храма. Года четыре тому назадъ открытъ комитетъ по возобновленію собора, который, черезъ архитектора, подробно осматривавшаго соборъ, установилъ, что для приведенія соборнаго храма и иконостаса въ надлежащій величественный видъ нужна сумма не менѣе 50 тысячъ руб.; въ комитетѣ по возобновленію собора имѣется всего лишь около 3 тысячъ руб. Узнавши, что въ августѣ мѣсяцѣ въ Кіевѣ будетъ археологическій съѣздъ, комитетъ

письмомъ просилъ предсѣдательницу Императорскаго Московскаго Археологическаго общества графиню П. С. Уварову, не найдетъ-ли она возможнымъ по пути въ Кіевъ или обратно посѣтить г. Козелецъ и осмотрѣть соборный храмъ. Графиня увѣдомила комитетъ, что она можетъ пріѣхать въ г. Козелецъ, а затѣмъ, при личномъ свиданіи въ Кіевѣ съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства А. А. Раковичемъ, назначила и день своего пріѣзда—22 августа. Въ воскресенье, 22 августа, графиня П. С. Уварова прибыла въ Козелецъ и на другой день подробно осматривала какъ иконостасъ, такъ и разницу собора. Ею сдѣлано обѣщаніе способствовать цѣлямъ комитета, почетнымъ членомъ котораго она избрана единогласно въ концѣ іюля, обѣщала хлопотать, чрезъ оберъ прокурора св. Синода, о разрѣшеніи всероссійской подписки на возобновленіе собора, а также объ отпускѣ средствъ изъ строительныхъ суммъ Синода на дѣло возобновленія храма. Затѣмъ графиня, въ сопровожденіи А. А. Раковича, ѣздила въ отстоящее въ 8 верстахъ отъ города с. Лемеши, мѣсто родины графовъ Разумовскихъ, гдѣ осматривала церковь, построенную немного раньше козелецкой соборной на средства Н. Д. Разумовской; ѣздила также въ отстоящій отъ города въ 5 верстахъ Георгіевскій монастырь. [1])

Вернувшись въ Кіевъ и пробывъ въ немъ всего лишь одинъ день, гр. Уварова, вечеромъ 24-го августа, отправилась въ болѣе продолжительную поѣздку по Волыни.

Первая остановка состоялась въ с. Городкѣ, Ровенскаго уѣзда, имѣніи бар. Ѳ. Р. Штейнгель, гдѣ владѣльцемъ имѣнія, два съ небольшимъ года тому назадъ, положено основаніе областному музею Волынской губ. Осмотрѣвъ музей, гр. Уварова обратила главное вниманіе на отдѣлъ «сборниковъ историко-географическихъ матеріаловъ», гдѣ между прочимъ собранъ довольно большой подборъ фотографій видовъ Волыни и снимковъ съ различныхъ памятниковъ старины. Кромѣ занятій въ музеѣ, гр. Уварова принимала дѣятельное участіе въ раскопкахъ кургановъ, подготовленныхъ къ ея пріѣзду бар. Штейнгелемъ вблизи Городка, у д. Рогачева. Здѣсь графиня наглядно познакомилась съ характеромъ погребеній въ волынскихъ курганахъ.

Дальнѣйшій маршрутъ лежалъ на Луцкъ и Владиміръ-Волынскъ. [2])

---

[1]) Свѣдѣнія о посѣщеніи г. Козельца заимствованы нами изъ корреспонденціи, помѣщенной въ газетѣ „Кіевлянинъ“ (№ 238).

[2]) Объ этой части экскурсіи свѣдѣнія помѣщены въ газетѣ „Волынь“, № 106.

Вечеромъ 26-го августа гр. Уварова, вмѣстѣ съ дочерьми прибыла въ Луцкъ. Утро 27 августа было посвящено обозрѣнію древностей г. Луцка. Въ сопровожденіи предсѣдателя владиміръ-волынскаго братства Е. Н. Дверницкаго графиня Уварова посѣтила православные храмы, музей и богадѣльню Кресто-воздвиженскаго братства, мѣста построенія древнихъ храмовъ и окольнаго замка, Любартовъ верхній замокъ, римско-католическій каѳедральный костелъ и еврейскую синагогу. Сохранившіяся стѣны и 3 башни верхняго замка, построеннаго въ XIV вѣкѣ княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ и его ближайшими пріемниками, поражаютъ своимъ величіемъ и крѣпостью каменной кладки. Еврейская синагога состоитъ изъ двухъ частей: башни, построенной, по преданію, въ XIV вѣкѣ Витовтомъ, и пристроеннаго къ ней молитвеннаго зала. Въ ней особенное вниманіе обращаютъ на себя стѣнные старинные свѣтильники; въ ризницѣ ея сохранились старинныя парчевыя и шитыя золотомъ покрывала. Въ ризницѣ каѳедральнаго римско-католическаго костела, кромѣ цѣнныхъ старинныхъ дарохранительницъ, чашъ, блюдъ и другихъ священныхъ предметовъ, хранится около 200 роскошныхъ священническихъ и епископскихъ облаченій, парчевыхъ и шелковыхъ, шитыхъ серебромъ, золотомъ и шелками и украшенныхъ золотымъ венеціанскимъ кружевомъ. Облаченія эти и другіе старинные предметы обновлены старательно и умѣло и хранятся въ образцовомъ порядкѣ, дѣлающемъ честь ихъ хранителю.

Въ тотъ же день графиня Уварова выѣхала въ г. Владиміръ. 28 августа осмотрѣны древности г. Владиміра и его окрестностей, начиная съ Святогорскаго, нынѣ женскаго монастыря въ с. Зимно, гдѣ въ настоящее время реставрируется церковь и колокольня, построенныя, равно какъ и окружающія ихъ стѣны и башни, судя по надписи на одномъ изъ церковныхъ колоколовъ, въ XV вѣкѣ князьями Чарторійскими. При осмотрѣ производящихся работъ гр. Уваровой обращено вниманіе на полное несоотвѣтствіе формъ новыхъ пристроекъ и надстроекъ въ церкви и колокольнѣ остальнымъ древнимъ частямъ этихъ зданій и высказано пожеланіе о сохраненіи нынѣшняго въ церкви иконостаса, построеннаго въ стилѣ временъ Елизаветы Петровны, вполнѣ гармонирующаго съ внутренностью храма. Послѣ Святогорскаго монастыря осмотрѣны развалины древняго храма вблизи г. Владиміра въ урочищѣ «Старая Каѳедра», открытыя въ 1886 г. и лежавшія до того времени въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій подъ

землею. Кирпичъ этихъ развалинъ такъ обветшалъ, что имъ грозитъ въ близкомъ будущемъ полное разрушеніе, несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя братствомъ къ ихъ сохраненію. Въ самомъ городѣ осмотрѣны церкви—древняя свято-Васильевская братская церковь, построенная не позже XIV в. и реставрируемая въ настоящее время, и соборная свято-Николаевская, построенная въ концѣ XVIII в. уніатскимъ архимандритомъ Важинскимъ, въ честь Іосифа Кунцевича, на мѣстѣ его бывшей усадьбы. Въ этой церкви хранится древній запрестольный крестъ Пятницкой церкви, покрытый серебряною ризой въ половинѣ XVIII в. уніатскимъ митрополитомъ Володковичомъ, и старинная серебряная риза съ образа Божіей Матери Мстиславова храма. Въ Христорождественскомъ монастырѣ особенное вниманіе графини Уваровой обращено на древній омофоръ XV в., найденный въ гробницѣ уніатскаго митрополита Володковича. Посѣтивъ затѣмъ древнехранилище свято-Владимірскаго братства, братскую народную читальню съ библіотекой и великокняжеское городище, гр. Уварова закончила обозрѣніе мѣстныхъ древностей осмотромъ величественнаго памятника XII в., каѳедральнаго собора владиміръ-волынскихъ епископовъ, построеннаго во честь успенія Божіей Матери в. к. Мстиславомъ Изяславичемъ, обновленіе котораго, съ сохраненіемъ его древнихъ формъ, близится къ концу. Въ этотъ храмъ, съ разрѣшенія высокопреосвященнѣйшаго Модеста, архіепископа волынскаго и житомірскаго, состоялось переложеніе останковъ в. к. Владиміра Васильковича, почившаго въ 1289 г., въ новый гробъ, помѣщенный подъ однимъ изъ аркасолій храма. Послѣ осмотра древностей г. Владиміра, гр. Уварова съ дочерьми выѣхала въ с. Будятичи, имѣніе Е. Н. Дверницкаго, съ тѣмъ, что-бы на другой день—29 августа предпринять двѣ экскурсіи: въ с. Низкиничи для обозрѣнія храма, построеннаго въ 1653 г. Адамомъ Киселемъ, и въ урочище «Старгородъ» на р. Бугѣ, для осмотра городища и вала, остаковъ, какъ можно полагать, города «Волыня». Вторая экскурсія не состоялась вслѣдстіе проливного дождя. Въ с. Низкиничи гр. Уварова прибыла 29 августа къ обѣднѣ, послѣ которой осматривала церковное зданіе прекрасной архитектуры, мраморное надгробіе Адама Киселя, помѣщенное въ одномъ изъ пилоновъ храма, его гробъ въ склепѣ подъ храмомъ и священническія облаченія, современныя постройкѣ храма. Къ сожалѣнію, замѣчательный въ художественномъ отношеніи металлическій гробъ, въ которомъ покоятся останки Адама Киселя и его брата Николая,

весь покрытый лѣпными украшеніями, сильно пострадалъ въ последнее время, благодаря крайней небрежности каменьщиковъ, ремонтировавшихъ церковь: они, какъ говорятъ, положили на крышку гроба нѣсколько пудовъ заготовленныхъ для ремонта гипса и алебастра, подъ тяжестью которыхъ расплюснулась крышка гроба и въ одномъ изъ его угловъ разошлись стѣнки.

Утромъ 30 августа гр. Уварова выѣхала изъ с. Будятичъ, черезъ Владиміръ и Ковель, въ обратный путь.

Случайныя находки.

На городищѣ у с. Конончи, Черкасск. у. сдѣлана очень интересная находка. Это небольшая свинцовая вислая печать, хорошей сохранности. На одной сторонѣ ея помѣщено изображеніе святого во весь ростъ; изображеніе настолько хорошо сохранилось, что видны глаза и волосы; слѣва и справа изображенія идутъ сверху внизъ надписи, къ сожалѣнію почти совсѣмъ стершіяся, на одной изъ нихъ можно различить лишь букву **Д**. На другой сторонѣ помѣщена, типичными для княжеской эпохи буквами, надпись въ трехъ строкахъ: **ДѢ | НЬСЛ | ОКО**. Это уже второй случай находки вислой печати съ такой надписью. Десять лѣтъ съ небольшимъ тому назадъ подобная по размѣрамъ и надписи печать найдена въ г. Переяславѣ, Полтавск. г.; она хранится въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ, описаніе и снимокъ ея мы помѣстили въ свое время въ Кіевской Старинѣ[1]). Отличается эта печать отъ настоящей лишь тѣмъ, что на ней святой изображенъ не во весь ростъ, а по грудь. На музейномъ экземплярѣ слѣва изображенія ясно читается надпись —**о дакъ** (сокращенное Давидъ?); быть можетъ и въ данномъ случаѣ была такая-же надпись, на это намекаетъ и сохранившаяся буква **Д**. Въ вышеуказанной замѣткѣ мы сдѣлали предположеніе о принадлежности печати черниговскому князю Давиду Святославовичу (1097—1123 гг.); это предположеніе можетъ быть отнесено и къ настоящей печати; не противорѣчатъ этому и находки другихъ предметовъ на

---

[1]) См. 1888 г., іюнь, нашу замѣтку „Два замѣчательные предмета Кіевскаго Церковно-археологическаго музея".

городищѣ у с. Конончи,—всѣ они относятся къ концу великокняжеской эпохи. (Печать поступила въ собраніе Б. И. Ханенко).

Музеи и собранія древностей.

Постройка Кіевскаго музея древностей и искусствъ подходитъ къ концу. Въ настоящее время идутъ работы по устройству упорныхъ стѣнъ для площадки передъ музеемъ и производятся нѣкоторыя передѣлки. Освященіе зданія музея предполагается въ настоящемъ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ, одна часть дѣла будетъ закончена. Затѣмъ, предстоитъ еще внутрненяя сторона дѣла: выработка положенія музея, связанная съ изысканіемъ средствъ на содержаніе зданія, служащихъ, на пріобрѣтеніе предметовъ—этимъ теперь и занято правленіе Кіевскаго общества древностей и искусствъ, завѣдывающее постройкой музея.

Въ Музей древностей университета св. Владиміра, кромѣ переданныхъ постановленіемъ XI-го съѣзда коллекцій, добытыхъ экскурсіями по порученію Предварительнаго комитета съѣзда (коллекціи изъ раскопокъ В. Б. Антоновича и Е. Н. Мельникъ въ Волынской губ. и наша, собранная при обслѣдованіи береговъ р. Западнаго Буга), пожертвованы также нѣкоторыя коллекціи частныхъ лицъ изъ бывшихъ на археологической выставкѣ при съѣздѣ. Среди пожертвованныхъ выдѣляется по количеству экземпляровъ коллекція каменныхъ орудій г. Тиховскаго, происходящая изъ стоянокъ въ урочищахъ Песчанка и Новоселки близъ с. Сапанова, Кременецкаго у. Волынской губ. (Часть этой коллекціи поступаетъ также въ Волынское Епархіальное Древлехранилище).

Въ Церковно-археологическій музей при Кіевской дух. академіи переданъ недавно о. казначеемъ Кіево-Печерской лавры замѣчательный крестъ. Это именно тотъ крестъ, который былъ случайно открытъ въ стѣнѣ церкви на лаврскихъ воротахъ. Крестъ украшенъ эмалью, и въ виду того, что его можно отнесть къ предметамъ датированнымъ, представляетъ рѣдкій экземпляръ произведеній нашей княжеской эпохи. Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Лѣтописи» мы постараемся дать какъ подробное описаніе креста, такъ и рисунокъ съ него. Вмѣстѣ съ крестомъ поступилъ также изъ лавры кусокъ

штукатурки, найденный внутри великой церкви, съ вырѣзаннымъ крестомъ и буквами, относящійся ко времени построенія церкви.[1]) Однимъ изъ цѣнныхъ пожертвованій въ музей является также бронзовый змѣевикъ съ греческими надписями и изображеніями, исполненными чернью; онъ интересенъ для сравненія съ змѣевиками, находимыми въ Россіи.

Городецкимъ музеемъ Волынской губ. барона Ѳ. Р. Штейнгель пріобрѣтена довольно большая партія каменныхъ орудій изъ Кременецкаго и Дубенскаго уѣздовъ. Между пріобрѣтенными предметами есть нѣсколько очень интересныхъ по формѣ и отдѣлкѣ.

Въ собраніе древностей Б. И. Ханенко въ Кіевѣ поступили предметы изъ послѣднихъ раскопокъ г. Мазараки въ Полтавской губ., о которыхъ мы сообщали въ прошломъ номерѣ. Пользуясь случаемъ приводимъ болѣе подробное описаніе скифского меча, найденнаго въ одномъ изъ кургановъ. Собственно отъ меча, имѣющаго 50 снтм. длины, сохранилась желѣзная рукоятка и нижняя часть желѣзного клинка; но длину меча можно возстановить по сохранившейся одной половинѣ ноженъ. Рукоятка и насаженная на нее сверху перекладинка обтянуты золотой пластинкой, орнаментированной полукольцами и городками изъ бисера. Большой художественный интересъ представляютъ ножны; они сплошные золотые, въ верхней части расширяются ($7^1/_2$ снтм.) и здѣсь помѣщено штампованное изображеніе двухъ лошадей, въ изогнутыхъ позахъ, соединенныхъ другъ съ другомъ головами. Среднюю часть занимаютъ 7 барсовъ(?), размѣщенныхъ одинъ подъ другимъ. Конецъ ноженъ гладкій, съ тремя рядами городковъ изъ бисера.

Пріемъ собранія украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго законченъ въ концѣ прошлаго мѣсяца уполномоченнымъ Черниговскаго земства Б. Д. Гринченкомъ, проработавшимъ надъ нимъ около двухъ недѣль. Собраніе сдано по описи Обществу древностей и искусствъ и будетъ храниться въ помѣщеніи новаго музея до 1901-го года.

---

[1]) Описанія этихъ двухъ памятниковъ помѣщены въ статьѣ П. А. Лашкарева—„Остатки древнихъ зданій Кіево-Печерской лавры", Труды Кіевск. дух. Академія 1883 г. январь; см. также его-же „Церковно-археологич. очерки, изслѣдованія и рефераты", стр. 215 и слѣд.

Разныя извѣстія.

Въ теченіе съѣзда выходили *«Извѣстія XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ»*. Извѣстій вышло 14 номеровъ, составляющихъ томъ, in. 8⁰, въ 231 стр. Здѣсь мы находимъ свѣдѣнія о засѣданіяхъ съѣзда, экскурсіяхъ и сжатыя резюме доложенныхъ рефератовъ; въ концѣ помѣщенъ списокъ членовъ съѣзда.

—

Ко времени открытія съѣзда *Б. И. Ханенко* выпущено новое роскошное изданіе—*«Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности приднѣпровья. Эпоха предшествующая великому переселенію народовъ». Выпускъ II. Кіевъ, 1899. 4⁰. 41 стр.+37 таблицъ.* Настоящій выпускъ посвященъ т. н. скифскимъ древностямъ, сравнительно хорошій подборъ которыхъ составляетъ часть собранія Б. И. и В. Н. Ханенко. Коллекція эта составилась изъ раскопокъ С. А. Мазараки въ бассейнѣ р. Сулы, изъ раскопокъ В. В. Хвойко въ разныхъ уѣздахъ Кіевской губ., изъ коллекціи покойнаго Н. Я. Тарновскаго, производившаго раскопки въ Каневскомъ у., и наконецъ, изъ случайныхъ находокъ въ Кіевской, Полтавской и Екатеринославской губ. Въ небольшомъ введеніи къ этому изданію дается краткій очеркъ Скифіи; затѣмъ помѣщены свѣдѣнія о раскопкахъ кургановъ по р. Сулѣ, въ урочищѣ «Галущино» у с. Пастырскаго Чигиринскаго у., при м. Трипольѣ, Кіевск. у. и при селахъ Райгородѣ и Прусахъ, Черкасскаго у., сообщаются также свѣдѣнія о находкахъ въ Матроньевскомъ городищѣ, Чигиринскаго у. Остальную часть текста занимаетъ описаніе предметовъ собранія. Въ этомъ послѣднемъ отдѣльныя главы обнимаютъ собой: 1) предметы изъ желѣза 2) бронзовые предметы, 3) предметы изъ золота, серебра и электрона, 4) предметы изъ кости, 5) предметы изъ камня, янтаря, стекла и разные, а 6) глиняныя издѣлія; всего предметовъ описано 814. Иллюстрирующія текстъ таблицы исполнены роскошно и даже черезчуръ роскошно, такъ какъ намъ представляется излишнимъ издавать въ многочисленныхъ экземплярахъ совершенно одинаковые предметы (см., напр., тт. VI, XII, XXIV, XXV и др.). Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко обладаетъ еще нѣсколькими отдѣлами древностей, не вошедшихъ въ изданія владѣльцевъ,—будемъ надѣяться, что и они, путемъ изданія, сдѣлаются достояніемъ большаго круга ученыхъ и любителей.

—

Какъ «привѣтствіе XI Археологическому Съѣзду» *Юліаномъ Кулаковскимъ* издана *„Карта Европейской Сарматіи по Птолемею“. Кіевъ, 1899*, 4⁰. *31 стр.+карта.* Текстъ состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой помѣщенъ обзоръ общихъ свѣдѣній о географіи Птолемея и выясненіе основныхъ принциповъ его карты земли; во второй—комментарій къ одной изъ десяти таблицъ Европы Птоломея—«Европейская Сарматія“, гдѣ, на основѣ свѣдѣній Птолемея, въ связи съ другими фактами, въ томъ числѣ и археологическими, авторъ старается найти соотношенія между древней и современной топографіей; здѣсь, между прочимъ, авторъ высказываетъ предположеніе, что въ городѣ Метрополѣ Птолемея можно признать нашъ Кіевъ, что поддерживаютъ и находки монетъ, сдѣланныя на территоріи Кіева.

—

XI-му Археологическому Съѣзду посвященъ составленный нами *«Отчетъ Городецкаго музея Волынской губерніи барона Ѳ. Р. Штейнгель за второй годъ, съ 25 ноября 1897 г. по 25 ноября 1898 г.» Кіевъ, 1899.* 8⁰. *59 стр.* Здѣсь, на ряду съ поступленіями по другимъ отдѣламъ музея, подробно описаны и предметы, поступившіе въ теченіе отчетнаго года въ археологическій отдѣлъ. (О нихъ см. «Лѣтопись», февраль.)

—

К. Болсуновскимъ изданы *«Сфрагистическіе и геральдическіе памятники Юго-Западнаго края“. Кіевъ. 1899.* 4⁰. *9 стр.+2 таблицы.* Здѣсь помѣщено изображеніе 52-хъ печатей, какъ частныхъ лицъ, такъ и различныхъ учрежденій, XVI, XVII и XVIII вв. Текстъ къ таблицамъ не безъ опечатокъ. Желательно продолженіе этого изданія,—матеріалъ, трактуемый имъ, еще очень мало затронутъ и обработанъ.

—

Въ № 3, 4 и 5 (въ одной тетради) *«Археологическихъ извѣстій и замѣтокъ»* за настоящій годъ, издаваемыхъ Имп. Московск. Археолог. Обществомъ подъ редакцію Д. Н. Анучина и А. И. Кирпичникова, перепечатано изъ апрѣльскаго номера нашей «Лѣтописи» сообщеніе о находкахъ различныхъ предметовъ на городищѣ Княжа Гора. Перепечатка эта снабжена слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Всѣ эти сообщенія лишь укрѣпляютъ наше недовѣріе къ «древностямъ великокняжеской эпохи», привозимымъ въ такомъ изобиліи на Кіевскій рынокъ». Надѣемся, что у почтенныхъ редакторовъ, побывавшихъ на

съѣздѣ и имѣвшихъ возможность видѣть всѣ предметы, о которыхъ шла рѣчь, «недовѣріе» теперь немного разсѣется. Мы однако недоумѣваемъ, откуда могло возникнуть такое недовѣріе? Вѣдь Княжа Гора давно извѣстна массой находокъ, если-же здѣсь имѣлась въ виду поддѣлка поставщиками-крестьянами древностей, то можемъ завѣрить почтенныхъ редакторовъ, что и въ Кіевѣ есть люди, способные отличить поддѣлку.

—

Въ журналѣ *„Искусство и художественная промышленность"*, въ выпускѣ за іюнь-іюль, *Е. М. Кузьминымъ* помѣщена прочувствованная замѣтка о музеѣ В. В. Тарновскаго. Къ замѣткѣ приложенъ портретъ покойнаго.

—

Археологическіе труды П. А. Лашкарева. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о недавно скончавшемся проф. Лашкаревѣ, помѣщеннымъ въ предыдущей книжкѣ Кіевской Старины, приводимъ болѣе подробный списокъ его ученыхъ работъ въ области археологіи.

1) Религіозная монументальность (напечатано въ Трудахъ Кіевской дух. Академіи, 1866 г. № 1 и 2).

2) Что осталось отъ древней кіевской церкви Спаса на Берестовѣ (тамъ-же, 1867 г. № 7).

3) По вопросу объ архитектурѣ XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ (въ Трудахъ I археологич. Съѣзда въ Москвѣ, т. 1).

4) Кіевская архитектура X—XII в. (въ Трудахъ III археолог. Съѣзда).

5) Развалины церкви св. Симеона и Копыревъ конецъ древняго Кіева (въ Трудахъ Кіев. дух. Академіи, 1879 г. № 5).

6) Киворій, какъ отличительная архитектурная принадлежность алтаря въ древнихъ церквахъ (Труды Кіевской дух. Академіи, 1883 г.).

7) Остатки древнихъ зданій Кіево-Печерской Лавры (Труды Кіев. дух. Ак. 1883 г. № 1).

8) Остатки древней церкви въ Переяславѣ (Кіевская Старина, 1889 г. № 1).

9) Соборная Успенская церковь въ г. Каневѣ.

Всѣ эти статьи вошли въ особый сборникъ, изданный покойнымъ подъ заглавіемъ: «Церковно-археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты». Кіевъ 1898 г. Статья подъ № 9 впервые напечатана только въ этомъ сборникѣ.

10) Въ Сборникъ не вошла еще слѣдующая статья—«Дача Кіево-Братскаго монастыря—Церковщина» (напеч. въ Трудахъ Кіев. дух. Акад., 1899 г. № 3).

П. А. Лашкаревъ уроженецъ Курской губерніи; сначала обучался въ Бѣлградской дух. семинаріи, а потомъ въ Кіевской дух. Академіи, въ которой окончилъ курсъ (въ 1859 г.) первымъ магистромъ, почему и оставленъ баккалавромъ по кафедрѣ каноническаго права и церковной археологіи. Послѣднюю онъ преподавалъ только до 1869 г. (до новаго академическаго устава), а съ этого времени преподавалъ каноническое право, по которому и издалъ свои академическія лекціи (Кіевъ 1889 г., 2-ое изд.). Хотя покойный преподавалъ въ Академіи церковную археологію только 10 лѣтъ, но онъ до конца жизни интересовался церковными древностями; участвовалъ въ раскопкахъ древнихъ памятниковъ, часто осматривалъ старинныя церкви (послѣдняя его экскурсія была въ Черниговъ и описана въ Извѣстіяхъ XI археологич. Съѣзда); на съѣздахъ археологическихъ бывалъ депутатомъ и читалъ рефераты. Живое участіе онъ принималъ въ Церковно-археолог. Обществѣ при Кіев. дух. Академіи, въ которомъ нѣсколько лѣтъ былъ товарищемъ предсѣдателя. Скончался на 66 году отъ роду.

І. К.

Мѣдный поясъ кавказскаго типа, найденный въ Кіевской губ.[1]

(Къ рисунку).

Въ 1889 г., въ с. Подгорцахъ, находящихся въ 25 в. ниже Кіева, на возвышенномъ берегу днѣпровской долины, найденъ былъ горшокъ изъ грубой красной глины съ прямымъ дномъ и довольно толстыми стѣнками, въ которомъ оказался хорошо сохранившійся

---

[1]) Издаваемый поясъ представляетъ очень рѣдкій экземпляръ заносной культуры на нашемъ Приднѣпровьи. Въ низовьяхъ Днѣпра еще можно указать на нѣкоторыя находки съ несомнѣнно выраженнымъ вліяніемъ кавказской культуры, въ среднемъ-же Приднѣпровьи настоящій поясъ является пока единичной находкой, указывающей на нѣкоторыя связи, существовавшія въ глубокой древности съ отдаленнымъ Закавказьемъ. Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что поясъ среди другихъ, извѣстныхъ предметовъ этой культуры, можетъ быть названъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ, побудило насъ издать его въ видѣ приложенія къ настоящей „Лѣтописи". Текстъ къ изображенію любезно согласился составить членъ Импер. Археологической Комиссіи А. А. Спицынъ.

мѣдный поясъ, мѣдная бляха, такая же спираль и кусочки заржавѣвшаго желѣза. Чрезъ мѣстнаго священника Каминскаго рѣдкая находка эта попала въ Музей Кіевской духовной Академіи, гдѣ и сохраняется въ настоящее время [1]).

Поясъ характернаго закавказскаго типа [2]). Онъ представляетъ собою тонкую, широкую, гладкую ленту, длиною 84,4 сант., шириною 10 сант., покрытую орнаментомъ и изображеніями животныхъ. Орнаментъ заполняетъ концы пояса и $^2/_3$ остальной поверхности, такъ что фигуры животныхъ занимаютъ лишь $^1/_3$ ея. Онъ состоитъ изъ тщательно выработанныхъ чешуйчатыхъ, шнуровыхъ и пунктирныхъ линій; концы пояса украшены оригинальными спиралями, свернутыми изъ двухъ сложенныхъ вдвое линій (такъ что на край спирали выступаютъ 4 конца), двойнымъ шнуровымъ орнаментомъ, пунктирными линіями и зубцами. Изображенія животныхъ занимаютъ узкую и длинную полосу. По содержанію онѣ соединяются въ 3 отдѣльныя группы. Посрединѣ представлены олень и двѣ собаки, влѣво—обращенные другъ къ другу головами два буйвола(?), справа—два грифа, въ томъ же положеніи, и утка. Всѣ животныя изображены съ совершенно одинаковыми туловищами, но съ разными головами. Имъ придана поза, наиболѣе выгодная для заполненія узкаго поля: передняя часть опущена и положена на далеко вытянутыя ноги, а задняя приподнята, при чемъ для соблюденія симметріи одна изъ заднихъ ногъ положена на землю. Нельзя не сознаться, что поза придумана очень хитроумно. Туловище животныхъ по необходимости длинное и тонкое. Кругомъ всего туловища, за исключеніемъ головы, проходитъ кайма изъ друхъ линій съ насѣчкою внутри. Такими-же полосками орнаментирована задняя часть туловища, а вся передняя покрыта своеобразнымъ (ассирійскимъ?) чешуйчатымъ или лепестковымъ орнаментомъ. Олень изображенъ съ огромными рогами, длинною, тонкою шеей и короткимъ хвостомъ. Собаки представлены лающими; головы ихъ опущены, пасти широко раскрыты. Нижнія челюсти собакъ характерно изогнуты, уши малыя, лбы выпуклые, у одной загнутый хвостъ. Предполагаемые буйволы представлены также съ тон-

---

[1]) Кіевское Слово 1893, 930.—Указатель Музея Кіев. дух. Акад., стр. 14.

[2]) Virchow, Uber die culturgeschichtl. Stellung des Kaukasus, unter besonderer Berücksicht'g der ornamentirt. Bronzegürtel aus transkaukasichen gräbern. Berlin, 1895.—Morgande, Mission scientifique au Caucase. T. I, стр. 114, 115, 141, 162-164.

кою изогнутой шеей и низко опущенною головой; рога ихъ образованы почти круглыми концентрическими линіями, съ тремя перехватами, ноги непомѣрно вытянуты для наполненія мѣста подъ рогами. У грифоновъ сравнительно короткая шея, голова хищной птицы съ широко раскрытою, круглою пастью, большіе круглые глаза, на лбу орнаментированный выступъ, представляющій въ сущности глазъ (см. описанный у Вирхова поясъ № III); лапы съ длинными ногтями, хвостовъ, повидимому, нѣтъ. Птица помѣщена очевидно лишь для наполненія пустого мѣста, образовавшагося оттого, что у грифовъ нѣтъ роговъ, имѣющихся у симметрично расположенной пары буйволовъ У птицы тонкая изогнутая шея, широкій хвостъ и протянутыя впередъ тонкія ноги; туловище ея покрыто чешуеобразнымъ орнаментомъ, здѣсь совершенно кстати имитирующимъ перья. Всѣ фигуры и орнаментъ исполнены на поясѣ вдавленными линіями съ наружной стороны. Хорошая сохранность пояса объясняется какъ сухостью почвы, въ которой онъ сохранялся, такъ и сравнительно большою толщиною его (0,5 мм.). Совершенно аналогичнаго по рисунку пояса въ закавказскихъ древностяхъ намъ неизвѣстно. По изображеніямъ, ближайшія аналогіи онъ имѣетъ въ поясахъ, описанныхъ у Вирхова подъ № II и III.

Найденная вмѣстѣ съ поясомъ бляха, вѣроятно принадлежитъ къ нему же. Она круглая, выпуклая, снабжена съ внутренней стороны петлею для прикрѣпленія и украшена вдоль края двумя линіями слабаго пунктира и 4 кружками. Такъ какъ діаметръ бляхи 10,7 сант., то длина всего пояса не менѣе 95 сант. Вмѣстѣ съ бляхою найдена еще мѣдная спираль, свернутая изъ четырегранной крупной проволоки. Предполагаемъ, что это часть извѣстной подвѣски, состоящей изъ двухъ такихъ спиралей, соединенныхъ дужкою.

Пояса, подобные описанному, встрѣчены уже въ довольно значительномъ количествѣ въ раскопкахъ де-Моргана, Белька. Ресслера и Марра, произведенныхъ въ предѣлахъ Арменіи. Они попадаются въ могильникахъ, при мужскихъ костякахъ. Наиболѣе старые изъ нихъ вовсе не заключаютъ вещей изъ желѣза. Пояса встрѣчаются, повидимому, не въ этихъ могильникахъ, а въ болѣе позднихъ, гдѣ уже не рѣдки желѣзные кинжалы, ножи и другія подѣлки.

А. Спицынъ.

сять копѣекъ), съ одной стороны, вынимать изъ *кешéни* (изъ кармана), а съ другой принимать и прятать, лишь бы въ такой или въ такой праздникъ, къ заутренѣ или къ обѣднѣ, въ большой колоколъ звонилъ я, а не кто-либо иной... Переходъ *гривéнь* въ этомъ случаѣ дѣлается не сокровенно, но во всенародное свѣдѣніе, и никто этимъ у насъ не скандализируется, и не огорчается: такъ принято, такъ ведется, сложился обычай... Ну, да чтобъ гусей не раздразнить! Довольно, что Гарасько Трохимовичъ стучитъ въ окошечко именно потому: къ заутрени въ большого зазвонитъ колокола не кто-либо, а чернобровый Гарасимéнченко Степанъ... И когда, вечеромъ, пойдутъ колядовать, всѣмъ и каждой будетъ извѣстно, что такъ и такъ—кромѣ, конечно, одной, которая и не знаетъ ничего, и не вѣдаетъ... „Га? Чогó? Щó, сестри́ці, кàжете“?

Но оставимъ Гараська Трохимовича съ его стучаніемъ въ окошечко, съ его интересами: ему еще многое предстоитъ—пусть онъ *повáжно* совершаетъ свое повáжное теченіе! Прійдетъ *до бáтюшкы*, до *пекàрни*, почнетъ стучать въ дверь—слышитъ *наймичка*, да не встаетъ,—посылаетъ *нàймита*; наймитъ тоже слышитъ—посылаетъ наймичку. Потомъ церковь надо отворить, свѣчи зажигать и т. д. Мы отправимся куда-нибудь, къ кому-нибудь,—да вотъ хоть къ старому Ту́ркуту: „хàта тéпла, люде дóбри [1])“, да кстати и въ Гриньки́, съ женою и съ *кутею* [2]), къ тестю и тещѣ, семья большая, люди предковскихъ обычаевъ.

У Ту́ркута: старуха-жива; три женатыхъ сына—одного только осенью женилъ; двѣ замужнихъ дочери—одну выдалъ замужъ тоже только осенью; неженатый сынъ *жени́ло* (котораго пора женить; употребляется въ смыслѣ болѣе или менѣе шуточномъ, иногда даже насмѣшливомъ); двѣ незамужнихъ дочери

---

[1]) Сокращеніе извѣстной прибаутки: „Хáта-тéпла, люде-дóбри, кáбаки-довóли“. Въ такомъ сокращенномъ видѣ прибаутка эта употребляется въ болѣе *деликатной* бесѣдѣ.

[2]) См. 2-е письмо.

навыданню (невѣсты), невѣстки, куча *онукивъ* и *онучокъ*. Туркутъ не изъ богачей—*молодожонъ* (недавно оженившійся, т. е. сынъ) вчера не отправился; меньшая замужняя дочь вчера не пріѣхала изъ Вишнякивъ; вся семья, поэтому, на лицо, пріѣзжихъ не имѣется.

Изъ экономіи, въ *ти хати*, въ чистой, *черезъ сины*, огня нѣтъ, а тутъ, на полочкѣ, у *комына кагдничыкъ*, *еле-еле*, нагорѣлъ *инитъ* (свѣтильня). Спятъ—на *полу* старикъ съ *дидовымъ онукомъ*; на печкѣ—старуха съ *бабыными* онуками и онучками; на *лави*—женыло: „таке зилля, якъ парубокъ, треба мать на оці—не то, щобъ... про те у насъ крый Бигъ! а такъ—дурный розумъ, разъ бы въ разъ на улыцю, ще нашурубурыть!“ (на землѣ) *доли, покотомъ*, одна изъ старшихъ невѣстокъ и остальные онуки и онучки, которые поспокойнѣе, *дидови* не будутъ мѣшать спать. А тамъ *черезъ сины*, остальная семья: незамужнія дочери на печкѣ: „у насъ, кажу, про те крый Бигъ, а дивоти якось незвычайно при старыхъ, хоть батько й матьı“; на полу—невѣстка, у которой грудной ребенокъ, на землѣ—*молодожоны съ дрибязкомъ* (съ маленькими дѣтьми), а тѣ двое *по лавахъ*.

Тихо, крѣпко спятъ, даже старикъ крѣпко спитъ; только изрѣдка одинъ изъ онуковъ: „переймай, переймай!“ вскрикиваетъ, или: „на свій бикъ! на свій, на свій!“—*булка*[1]), должно быть, ему грезится... да отъ времени до времени, *пидъ пиччю*, вздыхаетъ малый теленокъ—передъ самою *кутею* Богъ далъ! то-то праздниками полакомится *дитвора молозывомъ*[2])!

Но вотъ *бевкнуло* (ударили въ колоколъ)—не громко, еще хорошенько *серця* не *росколыхалы*... въ другой разъ—громче—старикъ притихъ... еще громче—услышалъ. „Слава тоби“, говоритъ, „Господы!“ *заворушывся*, крестится, поднимается...

---

[1]) *Булки*, или *ковинька*—игра. Подробное объ этой игрѣ объясненіе можно найти въ одномъ изъ примѣчаній къ Отрывкамъ изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка. См. выше.

[2]) *Молозыво*—извѣстнымъ образомъ приготовленное блюдо, изъ молока только-что родившей коровы. Самое молоко тоже называется молозывомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ обѣихъ хатахъ у Туркута—яркій огонь, бѣготня, *умывання*, *одягання*, кромѣ самыхъ малыхъ дѣтей, которыхъ и не трогали. А Гарасименченко Степанъ звонитъ и звонитъ, стараго и малаго зоветъ послушать великую вѣсть: „Дѣва днесь Пресущественного рождàе!"

Сборы въ церковь на Рождество не долги, особенно старику и мальчикамъ: бѣлье чистое надѣто съ вечера, все убранство вынуто изъ скринь и принесено изъ *хижи* (изъ чулана въ сѣняхъ), *комиръ*, тоже съ вечера. Вотъ развѣ дивчата съ своими *стричкàмы*, да пожалуй еще молодая невѣстка—*вимостыть рижечкы* у платка, у новой плахты *гривы*, *червóный* поясъ, чтобы конецъ сзади такъ и разостлался!..

Мальчики ужъ готовы, у порога, перешептываются, посматриваютъ на старика. Готовъ и старикъ, поясомъ *пидперезàвъ каптанòкъ*, надѣлъ новый нагольный кожухъ.

— А ну, старá, достàнь тепéръ гроши!—говоритъ, окончивъ *одягання* и поправляя что-то за *комиромъ* (за воротникомъ),—должно быть что-то жметъ.

Старуха достаетъ изъ скрыни мѣдныя деньги, завязанныя въ *хустину*—беретъ, садится возлѣ стола и принимается считать и раскладывать въ маленькія кучки, отъ времени до времени присвѣчивая къ каганьцю: „шагъ вонó (грошъ ли это), чы копійка". „Ну", говоритъ, „уже деньги теперь настали! просто *кинци зъ нымú погубышъ!* На, лышéнь, старà, подывúсь ты!" или обращается къ кому-нибудь изъ старшихъ дѣтей, кто случится ближе...

Окончивъ разсчеты, старикъ подзываетъ старшаго онука: „Оце", говоритъ, тоби шажóкъ (грошикъ), свичку обминышъ (не купишь, а вымѣняешь, или поставишь) Бóжи Матери... А оцé, Петрýсю, тоби"! Получившіе совершенно счастливы!... „А вы, объявляетъ остальнымъ:—вы на слýжби (на обѣднѣ т. е., *обминыте*)... На, старá, дасú имъ тоди, а то погýблять (потеряютъ)." Неполучившіе немножко опечалены:—имъ бы хотѣлось сейчасъ имѣть шажки въ рукахъ;—*дидивъ* онукъ дѣлаетъ даже возраженіе, баба хочетъ замолвить слово за *своихъ*: „Ни, ни"!

говоритъ тихо:—идить"!—онъ знаетъ, что́ дѣлаетъ, онъ разсчиталъ крѣпко!..

Двери скрипнули, *чо́боты* (сапоги́) застучали, и чрезъ нѣсколько секундъ хата отъ *дитво́ры* опросталась.

Потомъ старикъ даетъ деньги женатымъ сыновьямъ, чтобы каждый поставилъ по свѣчѣ всѣмъ намѣстнымъ иконамъ, на утренѣ и на обѣднѣ, по нѣскольку шажковъ дочерямъ и невѣсткамъ... *Женйло* проситъ и себѣ!. „Ще й тоби"! говоритъ старикъ:—„я, якъ бувъ такы́мъ, нико́лы у ба̀тька не просы́въ!.. Ну, на; та йды́ соби геть!.. Архыстраты́хови жъ Мыхаилови поставъ"!.. уже вслѣдъ, а тотъ только усмѣхается;—„а на службы Іва̀нови Во̀ину"!.. чы не оду́чять хоть воны́ тебе одъ кула́чокъ [1])!.. „На жъ и тоби, стара̀"! заключаетъ старикъ, обдѣливъ всю семью и отложивъ и себѣ нѣсколько шажковъ. Старуха отказывается: „гдѣ ужъ! мнѣ-ли *протдвпытьця* (протолкаться т. е. къ свѣчамъ и къ иконамъ)"! Вотъ, говоритъ, на службу пораньше пойду и Матери *Бджи* свою, *самодилкову* (домашняго, своего приготовленія).

Уходитъ въ церковь старикъ, а за нимъ и другіе: сыновья, невѣстки, дочери... Какіе *дукачи* (въ родѣ медальоновъ—мѣдные, серебряные, иногда и золотые) у нихъ, *намыста́, стричкы́*! Какія свиты бѣлыя:—еще ни разу не надѣвали!... Послѣднею

---

[1]) Старикъ намекаетъ на предстоящіе, во время праздниковъ кулачки. Вообще, парубокъ въ многочисленной семьѣ у насъ какъ, будто чужой: воно таке зилля—задыракувате, гулливое, въ лѣсъ смотритъ, а не въ семью, пока не женится, т. е., не то чтобы въ лѣсъ, а за ворота... Впрочемъ, это отчужденіе болѣе наружное, чѣмъ внутреннее, болѣе ворчаніе, чѣмъ дѣйствительно гнѣвъ: «Ще й тоби» говоритъ старикъ Туркутъ:—«ну, на, та йды соби геть»! Скажу даже больше: я крѣпко сомнѣваюсь, чтобы за этимъ ворчаніемъ не было чего-нибудь совсѣмъ противоположнаго насупленному виду, сердитому голосу,—также крѣпко сомнѣваюсь, чтобы старикъ Туркутъ велѣлъ поставить свѣчи Архистратигу Михаилу и Ивану Воину, именно для того, чтобы они отучили повѣсу отъ кулаковъ, а не для того, чтобы они помогли ему весь Тарани̇вскый кутъ (уголъ, т. е. часть села, гдѣ живутъ Тараны) гонять праздниками на кулачкахъ, какъ череду. Не даромъ же повѣса, уходя, усмѣхался!

собирается старуха... останавливается еще разъ, оглядываетъ себя и все кругомъ, ка̀къ бы еще чего не забыть. Ушла—и чрезъ нѣсколько секундъ снова назадъ, стучитъ въ окошечко: „Глядить же мени“, говоритъ: „не забу́дьте теля́ты нагодувать“!

Остаются дома: только невѣстка съ груднымъ ребенкомъ, всѣ *дивча̀тка*-онучки!—гдѣ имъ толкаться ночью!—да онуки-мальчики, которымъ въ церкви пришлось бы только носы утирать. Къ обѣднѣ, пожалуй, кое-кого и изъ нихъ заберутъ, кто покрупнѣе—старуха возьметъ,—*матери*; а теперь:—„воно̀ ще зовсимъ малѐ,—якы́й ще у йёго грихъ“!

Главная забота остающейся дома невѣстки—убрать хаты, накормить теленка и затопить *пе́чи*.

Уборка хаты въ настоящемъ случаѣ состоитъ уже не въ подбѣливаньи и вымываньи: все, что́ нужно было вымыть и вымазать, вымыто и вымазано вче́ра послѣ вече́ри, или,—какъ объ этомъ сказано мною въ своемъ мѣстѣ—и раньше. Не займется теперь невѣстка и украшеніемъ хаты. То ли, что для народа, говоря вообще, праздникъ становится осязательнѣе, ближе его сердцу, теплѣе, только съ того момента, когда въ празднованіе начнутъ привходить предметы, болѣе доступные его пониманію и ему близкіе—напр., на Свѣтлый Праздникъ, когда, на заутрени, „обнимемъ другъ друга“, еще болѣе, когда вокругъ церкви станутъ рядами *паскѝ*, и еще болѣе, когда хата, все и всѣ въ праздничномъ, всѣ цѣлуются, христосуются, а на столѣ—паски, то, другое,—другими словами, то ли, что праздникъ у народа, по крайней мѣрѣ у нашего народа, сосредоточивается главнымъ образомъ въ обѣденное и послѣдующее за тѣмъ время, или же тутъ имѣютъ значеніе какія-либо другія причины, напр., просто разсчетъ, заняться украшеніемъ, когда вытоплено, подметено, пыль не подымется и не сядетъ ни на чемъ—то́ ли, или это; но сколько я замѣтилъ, украшеніе хаты на Рождество дѣлается у насъ всегда, когда вотъ-вотъ уже изъ обѣдни!... подразумѣвается, если кто нибудь изъ женщинъ во время обѣдни до̀ма; если же всѣ уходятъ въ церковь—что̀, скажу мимоходомъ,

бываетъ только въ семействахъ слишкомъ немногочисленныхъ, да и тб не всегда,—украшеніе—во всякомъ случаѣ—послѣдняя вещь, чѣмъ займется хозяйка, или кто тамъ вмѣсто нея, такъ-что приди изъ церкви, поклонись образамъ... погляди кругомъ—свѣженькое все, чистенькое, хата какъ съ иголочки... Невѣстка Туркутишина, потому, не займется теперь украшеніемъ хаты: этимъ займется во время обѣдни наименьшая невѣстка:—кстати, она такая *джыджулу́ха* [1])! она уберетъ постели, одежу, которую поразбрасывали спѣшившіе въ церковь; меньшія дѣти станутъ подыматься, будетъ умывать ихъ, наряжать, чѣмъ Богъ послалъ: дѣвочкамъ—*нами́стечка* по *разо́чку* (по ниткѣ) или по два, а, пожалуй и какую-нибудь ленточку на головку... мальчикамъ—копѣечной тесемки по кусочку, *въ за́стижкы*; а встанутъ всѣ—солому подобрать, гдѣ спали, *пидъ пичь*, хаты подмести, повынимать *рушныкы* для убранства хаты и т. д.

Кормленіе теленка,—не на Рождество, а во всякое другое время,—занятіе не изъ такихъ, которыя особенно озабочиваютъ моихъ земляковъ и землячекъ; а потому во всякое другое время о немъ не стоило бы и упоминать. Но на Рождество,—для нихъ, а слѣдовательно и для насъ, ведущихъ рѣчь объ ихъ *Риздвя́нныхъ святка́хъ*, оно очень важно. По нашимъ понятіямъ,—коровы, во время *Риздвя́нныхъ святокъ*—Риздвянныхъ свято́къ въ тѣснѣйшемъ значеніи, т. е. первыхъ трехъ дней: на *са́ме Риздво́*, или на *Святый Ве́чиръ*, какъ у меня названъ тотъ день, на *Богоро́дыцю* и на *Тро́йцю*—должны быть неразлучно съ своими телятами, и телята должны *въ пры́пустъ* (сколько хотятъ) кормиться молокомъ... Ясли ли, давшія убѣжище Матери, рождающей Бога, или что-либо другое послужило тутъ основаніемъ—не берусь разсуждать. А что дѣло ограничивается однѣми коровами—изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ только коровы и свиньи въ эту пору рождаютъ; но послѣднія—въ

[1]) Любящая, чтобы все было на ней и гдѣ она живетъ, изящно, чисто, принаряжено. О мужчинѣ не говорится джыджулунъ, хотя и говорится прыджыджулывся.

такомъ снисхожденіи не нуждаются:—онѣ и безъ тòго не разлучны съ дѣтенышами. Притомъ, животныя эти, занимая столь почетное мѣсто въ яствахъ украинскихъ христіанскихъ празднествъ, занимаютъ слишкомъ непочетное мѣсто въ украинскихъ христіанскихъ понятіяхъ.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, относительно коровъ и телятъ, мои земляки и землячки такихъ-именно убѣжденій, а потому, тотчасъ послѣ вечери на Багату Кутю, телятъ впускаютъ къ матерямъ,—въ кошары, или гдѣ тамъ онѣ есть,—и оставляютъ вмѣстѣ до утра четвертаго дня праздника, иногда даже и долѣе. Если же теленокъ слишкомъ малъ, можно опасаться, замерзнетъ на дворѣ, или пожалуй въ темнотѣ наступитъ *товаря́ка*,—держатъ въ хатѣ, по крайней мѣрѣ ночью, но за то носятъ, какъ можно чаще, кормить. „А що“, спрашиваетъ молодой *хáзя́инъ* у своей молодой *хазя́йки*:—мóже бъ порà до корóвы теля́?—„Та тилькы що носы́ла“!—„Ну, и що жъ“?—„Такъ цмолы́ть (съ охотою, съ аппетитомъ сосетъ, *ажъ цмокае*), такъ цмолы́ть“!—„А та?“—„Та?... скáзано, мàты—ажъ пидтюпцемъ [1]), якъ побачыла!.. и такъ лы́же ёгó, лы́же“! И молодой *хàзя́инъ* поворачивается къ окошечку съ улыбкою, которая даетъ разумѣющему разумѣти, что благодать Божія на домѣ семъ: „Ну“, говоритъ, „полыжы́ жъ и ты своѐ“!

Самая главная забота остающейся невѣстки—топить *пéчи* и *пры́ймáтьця пóратьця*. Печка въ той хатѣ, *черезъ сины*, топится сейчасъ же, по уходѣ всѣхъ въ церковь, или, смотря по заведенному въ семействѣ порядку, немножно позже; но въ печкѣ здѣсь, гдѣ и ѣсть будутъ варить, разводится огонь къ концу заутрени; словомъ, такъ, чтобы *топинка* окончилась непремѣнно до окончанія обѣдни—а обѣдня на Рождество бываетъ у насъ по деревнямъ довольно рано—и притомъ такъ окончилась, чтобы осталось немножко времени и *прыджыджу-*

---

[1]) Этому слову нѣтъ соотвѣтственнаго въ великорусскомъ языкѣ. *Тюпать*—бѣжать рысцею, *пидтюпцемъ*—идти такъ быстро, что вотъ-вотъ побѣжитъ, и даже сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ бѣгомъ.

лыть хату. Въ семействахъ немногочисленныхъ,—вообще, гдѣ на обѣдню всѣ уйдутъ и печки *дотóплювать* некому будетъ—разводится огонь и еще раньше, чтобы покончить совсѣмъ по крайней мѣрѣ къ тому времени, когда *задзвóнять у веси.*

Впрочемъ, хлопоты тутъ *зъ топинкою* не бываютъ такъ многосложны, какъ въ другіе праздничные дни, кромѣ, конечно, Свѣтлаго праздника; даже не такъ многосложны, какъ и въ *бýдденъ*. Блюдъ, въ этотъ день, какъ увидимъ ниже, приготовляется немного; все, чтó нужно для *варинки*, изъ погреба, изъ коморы и т. д., внесено съ вечера, какъ объ этомъ объяснено у меня во второмъ письмѣ, даже топливо заготовлено на Багату Кутю, т. е. принесены поближе солома, тростникъ, дрова, какъ тоже объяснено во второмъ письмѣ. А чтó вчера сало накрошено, мясо нарублено—объ этомъ и говорить нечего! По нашимъ понятіямъ, въ такой праздникъ, какъ Рождество' вообще грѣшно работать: напр., грѣшно доставать *вáрыво* изъ погреба, мыть лаву, даже топить грѣшно, и если топимъ, то дѣлаемъ это по самой необходимой необходимости[1]); но крошить, рубить—вообще, *рѣзать*—изъ работъ это у насъ самая грѣшная! Откуда это, въ силу какихъ причинъ, подъ какими вліяніями сложилось у насъ такое вѣрованіе? Замѣчу однако, что рубить, дѣлая *домовúну* (гробъ)—не грѣхъ, какъ не грѣхъ дѣлать это ни въ одинъ день въ году, конечно, если настоитъ въ томъ крайняя надобность. И еще замѣчу, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины рѣзать на Новый Годъ и еще грѣшнѣе. Это еще непонятнѣе. Хотѣлось бы очень знать, въ какой степени повсемѣстно это вѣрованіе у украинскаго народа, не выключая галичанъ и потомковъ запорожцевъ. Нашъ Новый Годъ, къ сожалѣнію, я имѣлъ случай наблюдать только въ Полтавской губерніи и, главнымъ образомъ, только по рѣкѣ Оржицѣ.

Время отъ заутрени до обѣдни употребляется, мужскою частію семьи, на тó, чтобы овцамъ, лошадямъ и проч. дать

[1]) Ужинать, поэтому, на Рождество у насъ почти никогда не готовятъ, какъ объ этомъ будетъ и ниже.

досвитча́ну и *вра́нишну* порцію корму, погнать до *опо́лонкы* и проч., и чтобы немножко *прыкорхну́ть, замiну́ть* по крайней мѣрѣ, т. е. дать *досвитчану* порцію сейчасъ, пришедши отъ заутрени, потомъ заснуть, а потомъ, уже предъ самою обѣднею, дать и *вранишню* порцію.—Кормленіе и напованіе скота въ этомъ случаѣ дѣлается не очереднымъ изъ сыновей или внуковъ, вообще—не по заведенному порядку, а *гурто́мъ*, общими силами, чтобы поскорѣе. „А нуте, диты, кы́ньтесь!“ говоритъ старикъ Туркутъ—и тотъ по *осоку́*, тотъ солому *смы́кать*, тотъ ополонку пробивать—не прорубливать, а пробивать—а *мале́ча* ужъ конечно возлѣ овецъ. Такъ же точно употребляется это время и женщинами: кормятъ птицу, свиней и *щобъ хоть о́чи полама́ть*[1]), —съ тою только разницею, что какъ птица и свиньи, *вдо́свита* никогда не кормятся, то не кормятся и теперь.

Но вотъ снова зазвонили *до це́ркви*,—(конечно, у *вели́когo дзво́на* другой кто звонитъ, а не Герасиме́нченко)—снова опросталась хата, да ужъ такъ, что только наименьшая невѣстка дотапливаетъ печку, да двое, трое дѣтей, *хво́реньkыхъ* или совсѣмъ *не́змыслнивъ*, дома,—даже груднаго ребенка унесли! Вотъ и печка дотоплена, *джыджулу́ха* принимается, наконецъ, хату *джыджулы́ть*...

Но нѣтъ! не стану объ этомъ разсказывать! Интересно наблюдать, какъ обломокъ мрамора, подъ рѣзцомъ искуснаго ваятеля, мало-по-малу превращается во что-то образъ имѣющее; но гораздо выше интересъ—взглянуть, когда этому мрамору данъ, такъ-сказать, послѣдній ударъ, и произведеніе явится во всеоружіи соотвѣтственныхъ идеѣ формъ...

Случалось мнѣ на Рождество входить къ моимъ землякамъ и въ хаты... и въ мѣщанскія и въ панскія *го́рнычкы*, и въ великопанскія и купеческія горницы. Войдешь къ купцу, мѣщанину и даже къ подгородному доброму моему земляку—панское и великопанское въ сторону—такъ и рѣзнетъ сейчасъ тебѣ въ

---

[1]) Непереводимое выраженіе: «Не засну́ла, а тилькы о́чи полама́ла», говорятъ преимущественно женщины.

глазъ: какая-нибудь яркаго цвѣта занавѣска у кіота—у купца; шпалеръ, теремокъ—у мѣщанина, у подгородняго земляка. А рѣзнуло въ глаза,—дѣло извѣстное—и вниманіе тамъ остановится, недоумѣваешь или усмѣхаешься, а дальше не пойдешь, а пойдешь,—не скоро, или такъ пойдешь, что́ и вспоминать не стоитъ... Но сколько я ни входилъ къ моимъ добрымъ землякамъ, хуторскимъ или сельскимъ захолустникамъ,—бѣденъ ли онъ, достаточенъ,—сначала, отъ порога, только чистота—не та, какою-то терпкостію дышащая чистота, которая обдаетъ васъ, когда входите въ нѣмецкій домъ, а чистота теплая, улыбающаяся... отъ *пе́чи*, зъ пидпиччя, отъ *мы́сныка*, лавы, *полы́ць*... потомъ, на *колóчкахъ*, постепенно: *рушнычкы́*, рушники, шитые рушники, разшитые... и наконецъ, въ преразшитомъ рушникѣ, на бѣленькомъ *божныку́*, съ пахучими васильками по бокамъ и съ висящими изъ *божныка́* обильными колосьями жита... какъ средоточіе міра этого, какъ его послѣднее слово... *мовъ въ гниздéчку*,—маленькій, потемнѣвшій... ликъ какъ и наши, изможденный, какъ и мы... благословляетъ!.. голова долу преклоняется, рука поднимается крестъ сотворить... А подъ нимъ, поистинѣ *Вочеловѣчившимся* [1]), на *пóкутти*,—ясли, гдѣ Онъ когда то...

Обѣдъ на Рождество начинается и продолжается среди обстановки, какъ и на Багату Кутю: курится ладанъ, читается молитва, горитъ восковая свѣча. А все не то, что Багата Кутя,—нѣтъ той теплоты и тихости, той таинственности, того чего-то, чѣмъ такъ проникнута *вечéря*.

Если и весело бываетъ на Рождество за обѣдомъ—веселость выходитъ какая-то шумная, съ набитымъ колбасою ртомъ, съ разрумяненными подъ вліяніемъ чарки, послѣ холода, щеками..

За первою чаркою вспоминаютъ и отсутствующихъ— „нехáй же, мовъ, легéнько и имъ згадáетця!“—но вспоминаютъ какъ-то вскользь, безъ особеннаго значенія; а ужъ заплакать— очень, очень рѣдко!

---

[1]) Едва ли иной народъ, съ очертаніями своего лица, отразалъ себя въ иконописи, больше, чѣмъ народъ украинскій—конечно въ иконописи своей, а не заимствованной, или привозной.

Предложатъ дѣтямъ *горилкы*—если еще и предложатъ: пьютъ—пусть пьютъ, а не пьютъ—„дурни, такого дыва та не хочуть!"

Въ отношеніяхъ семьи съ домочадцами внимательный наблюдатель непремѣнно замѣтитъ, что того, что́ было вчера, ужъ нѣтъ!

Первымъ блюдомъ на столѣ непремѣнно является что-нибудь изъ остатковъ вчерашней вечери, большею частію рыбное: холодный борщъ, холодные *товчёныкы*, холодная жареная рыба. Подается все разомъ, ѣдятъ, кто что́ хочетъ, пока кончатъ. Нѣтъ рыбнаго—даютъ немножко кути или узвáру; но только, говорю, начать обѣдъ непремѣнно нужно вчерашнимъ.

За этимъ слѣдуетъ сейчасъ колбаса—смотри, *джыджолýхо*, чтобъ была она горячая, шкварчащая! Ужъ не даромъ же шесть недѣль „и въ вúчи не бáчылы, якá вонá!"

Колбаса—„не та чóрзна-яка, а хорóша ковбасá, нáська"—вообще говоря, для насъ желанный гость на столѣ, и появленіе ея мы всегда привѣтствуемъ извѣстнымъ осклабленіемъ въ лицѣ и ковтаніемъ слюнокъ; что́жъ и говорить, если еще шесть недѣль!.. шутка ли—шесть недѣль! А вѣдь есть несчастные, которые и по шести мѣсяцевъ и даже по шести лѣтъ въ глаза ея не видали!.. Запѣвалы, конечно, тутъ *малéча*: чуть *джыджолýха зашамотила* у печки, послала *хвáткы* доставать сковороду—позаворачивали *головкú*, повытягивали шеи... А старшіе —„оцé бъ такы́ й воны́!"

Но вотъ сковорода визжитъ, тянутъ по черени... вытянули, *сычúть*—мысли и сердца дѣтскія, áможе шествіе ея! А! поставили на столъ...

Да не подумаетъ однако читатель, что дѣтскій восторгъ, удивленіе—только изъ дѣтскаго желудка! Дѣло въ томъ, что эта самая колбаса, и не дальше какъ сегодня утромъ, была въ лѣсѣ, въ *садкý*, или просто гдѣ-нибудь въ *гайкý*, на деревѣ, и особенно на вербѣ, вмѣстѣ съ саломъ и тому подобнымъ скоромнымъ, и только вотъ, предъ самымъ окончаніемъ обѣдни, спустилась—въ село, въ печку, и прямо на сковородку! Поне-

волѣ будетъ и восторгъ, и удивленіе, а пожалуй и опасеніе: а ну, да вздумаетъ снова!.. Въ какой степени распространенъ у насъ обычай говорить подобное дѣтямъ—не знаю; но знаю навѣрное, что онъ существуетъ не на одномъ только пунктѣ лѣвой стороны Днѣпра... Нижеподписавшійся самъ испытывалъ ощущенія, которыя сейчасъ описалъ, и живо помнитъ, ка̀къ во времена оны, ѣдешь бывало съ старикомъ къ заутрени—переѣзжать надобно было черезъ лѣсъ:—„А что́", спрашиваешь, „колбаса вѣрно ужъ спускается съ дерева"?—„Какъ можно! отвѣчаетъ серьезно:—еще рано"!—„Да гдѣ жъ она?—невидно"! „Въ *гущыни*, ночь"! Случалось, что къ заутренѣ не ѣздили, а поѣхали къ обѣднѣ: „Да, говоритъ, ужъ начала спускаться! вѣрно ужъ на *пивдёрева* спустилась"! А возвращались изъ церкви: „Вонъ-вонъ"! говоритъ:—видишь, какъ *чхурну́ла*"!—„Гдѣ, гдѣ"?—„Да вонъ же, впереди"!—„Да гдѣ же"?—„Эхъ, якы́й же ты дурень! говорю—впереди"! Вы напрягаете все вниманіе, *зпына́етесь* (поднимаетесь) на саняхъ—нѣтъ!—„Схова̀лась ужé", говоритъ, „за ригъ повернула"!

Въ семействахъ, познакомившихся съ разными, идущими въ снѣдь, прибавками, къ колбасѣ подаютъ соленые огурцы. „Що́ то вонó за птыця була̀ бъ, та ковба́са, якъ бы ій крыла"!

За ковбасою слѣдуетъ иногда борщъ, но большею частію, можно сказать почти всегда, *капу́ста*, что-то въ родѣ великорусскихъ щей, только гораздо гуще—почти розмазнею: приготовляется изъ сѣченой капусты, немножко пшена, *съ свини́ною*. Блюдо довольно вкусное, если хорошо приготовить. Почему въ праздникъ Рождества *капустѣ* отдается преимущество предъ борщомъ—не знаю. Не потому ли, что, какъ я сказалъ выше, въ праздникъ этотъ не позволяется ничего рѣзать, а для капусты не нужно ни *пелюсто̀къ* рѣзать, ни *бурякивъ крыши́ть*? Притомъ, приготовленіе *капусты* легче и не столько *коло̀ нѐи захо́ду и забобоновъ*, какъ возлѣ борща.

Капустою и оканчивается обѣдъ. Въ семействахъ достаточныхъ и, вообще, въ такихъ, гдѣ до колбасы не ѣли кути, послѣ капусты ѣдятъ еще и кутю, обыкновенно съ молокомъ;

но какъ избранныхъ такихъ не слишкомъ много, то и считаю себя вправѣ заканчивать на Рождество обѣдъ капустою.

Послѣ обѣда, *джъдджулу́ха* съ мужемъ собирается къ своимъ, въ Гринькú—да чтобы все новое да лучше надѣть! и въ особенности, чего въ Гринькахъ не носятъ: пусть ахаютъ прежнія подруги, удивляются—„вотъ", молъ, „у *Ививны*: кóмиръ у нèи на кожу́си бабакóмъ оббы́тый, платокъ—съ золотыми цвѣтами"! Джыджулу́ха бѣгаетъ, суетится, а старикъ наказываетъ и поклонъ передать *сватáмъ*, и просить въ гости *прыбувáть*. И непремѣнно добавитъ: „Та скажы́, що мовъ свекоръ щодня бьé"!—„А свекру́ха", подхватываетъ Туркутиха въ томъ же тонѣ: „щодня́ исты не даè"!.. Тѣ собираются, а остальная семья—вся спать, даже дѣти: надо вознаградить за ночное бдѣніе, да и время свободное. А выспавшись хорошенько...

Но прежде, чѣмъ Туркутова семья выспится хорошенько считаю нужнымъ прервать на время свой разсказъ.

Вамъ, можетъ быть, страннымъ показалось, отчего я, разсказывая про *праздникъ*, прошелъ молчаніемъ то, чтò считается самымъ важнымъ въ праздникѣ, т. е. ничего не сказалъ о рождественской заутрени или обѣднѣ, или даже не повелъ васъ въ церковь? Вмѣсто всякаго объясненія, выписываю слова, которыми начинается 1-е мое Письмо. Подъ словомъ „святки", праздники, я буду разумѣть не то, что мы привыкли обозначать этимъ названіемъ, а то, чтó празднуетъ или чествуетъ какимъ-нибудь обычаемъ украинскій народъ" и т. д.—Рождественскія заутреня и обѣдня не заключаютъ въ себѣ ничего, что въ душахъ моихъ земляковъ отразилось бы какимъ-нибудь особеннымъ трепетаніемъ, какъ, напр., приведенныя выше свѣтловоскресенскія „обнимемъ другъ друга" и паски вокругъ церкви, или же *Ордáнь*, процессія по полямъ на Юрія, освященіе воды на *Маковія* особенно если еще освященіе бываетъ на паромѣ... Паромъ отчаливаютъ, выѣзжаютъ на средину рѣки—и тамъ святятъ воду... Рождественская заутреня и обѣдня для моихъ земляковъ,—да, сколько успѣлъ я замѣтить, и для великорусскихъ простолюдиновъ—какъ заутреня и обѣдня послѣдняго воскресенья, воскре-

севья предпослѣдняго и т. д. Вся разница въ томъ, „що то булà недиля, а то велыке свято, *Риздвó*, рòзговины“—а это еще не много. Одинъ только признакъ рождественскаго церковнаго празднованія, да и то—одной только обѣдни, составляетъ особенность для моего земляка, именно то, что на Рождество „слỳжба дỳже дóвга“; но эта особенность не такого характера, чтобы могла занимать мѣсто въ моемъ изложеніи. Двѣнадцатый годъ и по груди Украины прошелъ нелегкимъ колесомъ; но наскочило это колесо не на томъ пунктѣ, гдѣ у нея сердце, а тамъ, гдѣ карманъ... да помяло немножко шею, помозолило руки. Спросите у украинскаго простолюдина, чтó это правилось на Рождество послѣ обѣдни: „та то“, говоритъ, „про Фрàнцуза... Фрàнцузъ, кáжуть, колысь... рàтныкивъ брàлы“, и разскажетъ вамъ многое на тему „постачàлы—постачàлы“!.. да въ добавокъ, пожалую, укажетъ на свой *каптàнъ фабрыцького* сукна, сшитый отцомъ или дѣдомъ въ тѣ поры: „Бáчыте“, говоритъ, „якè дермó (дрянь), а по пятнáдцять рублывъ, якъ однá копійка“!

Считаю нужнымъ, „за однымъ зàходомъ“, сказать тутъ и слѣдующее. Украинскій рождественскій праздникъ, поставленный подъ уголъ зрѣнія, подъ какимъ у меня онъ поставленъ, кажется, есть не чтó иное, какъ продолженіе праздника, начавшагося вечерею на Багату Кутю,—продолженіе съ помарками и пробѣлами,—и заканчивающагося на Святый Вечеръ колядками. Трудно это доказывать, и вообще при состояніи народознанія, въ какомъ оно у насъ находится, а тѣмъ болѣе—мнѣ; потому и не осмѣливаюсь доказывать свое предположеніе, а только высказываю: можетъ быть, на чтò-нибудь пригодится. Скажу только, что основаніемъ для него у меня—главнымъ образомъ—вѣяніе и отъ Рождества тѣмъ близкимъ, *риднымъ*, о которомъ я упомянулъ во 2-мъ Письмѣ, говоря о Багатой Кутѣ, и которое я сильно чувствую всякій разъ, когда опускаюсь поглубже въ трактуемый предметъ. Вѣроятно, между двумя, видными на нашемъ горизонтѣ *озерявынамы* и перемежающимися между ними какими-то углубленіями, была когда-то связь; вѣроятно, во времена оны, протекала тутъ какая-то рѣка, да мѣстами высохла

или берега обвалились, мѣстами ее засыпали или запрудили, и на лицѣ земномъ, послѣ многихъ столѣтій, является что-то, что разгадать въ состояніи только зондированіе почвы, сравненіе, соображеніе, трудъ долгій, терпѣніе великое. Болѣе же осязательными для меня признаками: 1) употребленіе на Рождество и на Багату Кутю въ пищу предметовъ, такъ сказать, самаго *домашняго* свойства; 2) въ извѣстной степени сходство—обѣда на Рождество съ вечерею на Багату Кутю; 3) обычай брать кутю (*иттй* или *ихать* съ кутею), отправляясь къ роднымъ, не только на Багату Кутю, но и въ Рождество; 4) другой обычай—проводить всею семьею день Рождества не въ гостяхъ или гдѣ бы то ни было, а непремѣнно дома, въ хатѣ, до наступленія колядокъ,—такъ-что, на дворѣ вы увидите только, что вышли дать скоту и проч. вечернюю порцію корму; на улицѣ, въ полѣ—„диты до ба́тька идуть, ону́кы до дида и ба́бы"; и 5) безразличное (на разныхъ, впрочемъ, пунктахъ Украины) употребленіе для обоихъ праздниковъ названія *Свя́тъ вечиръ*, *Святы́й ве́чиръ*: въ однихъ мѣстахъ Свя́тъ-вечеромъ называютъ Багату Кутю, употребляя и это послѣднее названіе; въ другихъ—вечеръ и даже день Рождества, а въ иныхъ—оба дня,—различая только иногда Багату Кутю отъ Рождества употребленіемъ, для первой, названія *Свя́тъ вечиръ*, а для послѣдняго—*Святы́й вечиръ*.

Время отъ сна до сумерекъ, Туркутова семья проводитъ: старшіе въ *си ха́ти*, тутъ же и пріѣзжая дочь съ своимъ мужемъ—сейчасъ послѣ сна пріѣхали—бесѣдуютъ, взаимно передаютъ новости, *забавляются* разными *за́бавкамы; малѐча*—въ той хатѣ тоже забавляются разными за́бавками, играютъ въ разныя *ха́тни* игры.

Самыя употребительныя въ это время *за́бавкы*: *со́яшныкове* и *гарбузо́ве насиння* (сѣмена подсолнечника и тыквы), а при недостаткѣ со́яшныковаго и гарбузо́ваго—*ды́няче* и *кавуно́ве*; орѣхи, гдѣ водятся близко лѣса; *кысли́ци зъ ква́су*, гдѣ водится много садовъ; яблоки *зъ пиcпы* (особый родъ квашенья яблокъ) и *зъ капусты*, кто позажиточнѣе и познакомился съ подобными

прі́мхамы (выдумками, капризами); *медяни коржи* и т. п. У горожанъ, а также и у сельскихъ козаковъ, склоняющихся по образу жизни къ панству, появляются сверхъ-того иногда: *вергуні́* или *ба́нты*, *оришкы*, *шышечкі́* и тому подобные продукты мѣстнаго кондитерскаго искусства, *маковныкі́* и т. д. Разумѣется, старикамъ, какъ Туркутъ, всѣ подобныя *дурні́цu* большею частью не по зубамъ, и они ихъ и называютъ та́къ: „дурныця»! говорятъ. А вотъ груши и яблоки изъ *узва́ру*—это другое дѣло! „Ке-лышѐнь мени горщо́къ зъ узва̀ромъ (Дай-ка, и проч.)“! Возставши отъ сна, онъ выпилъ наваръ, а теперь: тѣ—орѣхи, сѣмена, а онъ—свое, *зоба́ та й зоба́* [1])!

Изъ игръ самая употребительная въ это время—любимая наша *цицuба́ба* [2]). Кому-нибудь изъ играющихъ, по жребію, завязываютъ глаза, ведутъ до порога и заставляютъ взяться руками за колышекъ, которымъ отворяется дверь, а сами прячутся: „А ну“! скажетъ какой-нибудь *цвиркýнъ* (сверчокъ), изъ-подъ *пдкуття*, или просто стоя посреди хаты,—увернется, надѣется на свою ловкость:—„уже“! говоритъ, и цицибаба, повернувшись и разставивъ руки, принимается тихонько, осторожно, нагнувшись впередъ, прислушиваясь... Иногда, когда игра въ разгарѣ, такую возню подымутъ, такой *гвалтъ* и крикъ, что просто, какъ говорится, хоть святыхъ вонъ выноси! со всѣхъ сторонъ шмыгаютъ, хохочутъ, дергаютъ, *сипаютъ*, а бѣдная цици́баба, какъ вьюнъ на огнѣ: и сюда, и туда!... Пойманный въ свою очередь, становится цици́бабою.—Въ большомъ ходу въ это время и *чмыхъ*. Садятся въ кружокъ—посрединѣ хаты или на *полý*, гдѣ лучше, и одинъ объявляетъ, что „запирается чмыхъ“, т. е. что никто не долженъ говорить, ни даже *чмы́хнуть*. Игра

[1]) Зобать—клевать, говорится о птицѣ, клюющей зерно, по преимуществу съ вылущиваніемъ отъ шелухи, а также и о людяхъ, зобающихъ насиння, ѣдящихъ что-нибудь мелкое, напр. груши, потихоньку, зъ разстановкою,—словомъ, какъ птица: сначала однимъ глазомъ посмотритъ, поворотивъ головку—другимъ, и клюнетъ. Вылущила—и снова.

[2]) Въ иныхъ мѣстахъ куци-баба.

состоитъ въ томъ, что одинъ старается разсмѣшить, а другіе должны удерживаться. Провинившійся наказывается условленнымъ числомъ ударовъ *джгутомъ* (сплетеннымъ платкомъ и т. п.), и въ свою очередь запираетъ чмихъ. Иногда выходятъ очень смѣшныя сцены! Для *дитвдры* довольно одной мысли,—и чмихнуть нельзя—ужасно какъ смѣшно! а тутъ еще кривляется, дѣлаетъ рожицы... Иной, чтобы вѣрнѣе удержаться, приподымется даже, старается ни на кого не глядѣть, особенно на *тоіб*... но нечаянно взглянулъ, за носъ себя!.. движеніе его замѣчено—и другіе за носъ... Нѣсколько мгновеній молчаніе, тишь передъ взрывомъ, посинѣли даже—и вдругъ чмихъ, чмихъ, чмихъ, неудержимый хохотъ! Но иногда выходятъ сцены и другого рода: дѣло доходитъ до слезъ и до разбирательства старшихъ...

Но вотъ уже въ хатѣ темнѣть начало,—пора засвѣтить *каганѐць*—на Рождество, какъ сказано выше, вечеромъ почти никогда не топятъ, *вечѐряють* то, что̀ осталось отъ обѣда,—почему утромъ и готовятъ побольше; вотъ *зашамотила дитвдра*: кто постарше, одѣлись, куда-то ушли; немного спустя каганецъ засвѣтили—дивчатъ ужъ нѣтъ, куда-то исчезли, паробокъ *шмыгнýвъ*, нѣтъ даже одного изъ женатыхъ сыновей... Туркутова семья сидитъ, какъ и сидѣла, какъ-будто ничего и не случилось, продолжаютъ *гýторыть*, забавляются *зàбавкамы*, ведутъ тихую бесѣду...

Стукъ въ сѣняхъ отъ многихъ *чобитъ*; отворилась хата—*дитвдра—колядныкы*, первая *бýрта* (первый отдѣлъ).

Охъ, дѣтство мое невозвратное!..

Пишущему строки сіи воспоминается его дѣтство, когда и онъ еще былъ малымъ-премалымъ *пахòлкомъ*!..

Семья, какъ и Туркутова: старикъ, *старѐсенькая* моя—не *старѐсенькою* тогда была! всѣ, и я возлѣ *старѐсенькои*, *прытулы́вшысь*...

Воспоминается, какъ одни за другими колядники: *дитвóра* дивчата, парубки, женатые... просятъ благословенія;—благословятъ, колядуютъ...

Воспоминается, какъ дивчата—(подъ крылышкомъ у матери, любимое дитя)—*прыспивувалы* мнѣ...

Ой ра̀но ку́ры запилы,
Святы́й вѐчиръ!

А ще ранише панъ Матвійко вставъ...
какъ я прятался подъ рукавъ матери....

Панъ Матвійко вставъ, коня́ осидла̀въ,
Коня осидла̀въ, въ по́ле выижжавъ...

Но всего памятнѣе, когда два брата Лёдове́нки—какіе колядники были!.. высокіе, длинноусые, строгія лица!..

Нѣтъ, не вспомнить мнѣ тѣхъ колядокъ! Про какихъ-то *орливъ* пѣли, гдѣ-то и куда-то летавшихъ... какъ-будто... какъ-будто теперь осень скучная и холодная... а оттуда, съ какого-то мглистаго далека, вѣтеръ хлопьями доноситъ—что-то больно, больно щемящее сердце... какъ будто:

Вылита̀лы орлы́
Зза круто̀и горы́,
Вылита́лы, буркута̀лы,
Ро́скоши шука̀лы...

„*Вернитеся*", говорятъ, „*лита̀ мои*"!—„Нѣтъ,—отвѣчаютъ, *не ве́рнемось, не ве́рнемось*"!..

13 февраля 1861 г. С.-Петербургъ.

Дидъ Мына и баба Мыныха. [1]

I.

Сусидами тутъ звуўтця, хто биля́ ко́го жывѐ... Вонѐ и въ на̀шій сторони та́къ же са̀мо: хто биля́ ко́го жывѐ, и сусиды соби. Тилькы въ на̀шій сторони и ти ще, хто въ чужій ха́ти не наймо́мъ. Бу́де оцѐ въ чоловика ха́та порожня, и винъ пу́стыть въ іи когѐ жыть, той вже и *сусида* ёго́, хоть бы та ха̀та була геть де-нѐбудь одъ ёго, хоть бы за село́мъ, або́ и въ друго́му сели. Сихъ сусидивъ ще йноди й пидсусидками звуть у насъ; тилькы то́ вже по-письмѐнному такъ, паны такъ звуть, а наро́дъ—про̀сто: „Сей чоловикъ," ка̀же, „сусида мій!" або́: „йде до ме́не въ сусиды."

Въ такыхъ сусидахъ колысь у насъ бага̀то народу жылѐ, и у панивъ, и у замо̀жнёго коза̀цтва. Охо́чо було́ йдуть въ сусидство; на́ветъ булѐ йдуть, хто и польцѐ своѐ мавъ. Прыйде було́ до хазя́ина: „А що́", мовъ, „па́не Пе́тре!" абѐ тамъ: „па́не Семе́не! прыйма́й въ сусиды!"—„Прошу́", ка̀же, „покѐрно прошу́!" Заыскувалы, зна́ете, хазяины народъ: просторнише булѐ. „А заложыть же за те́бе", ка́же, „бага̀то тре́ба?" Се бъ то заплатыть пе́ршому хазя́инови до́вгъ, або́ подушнѐ тамъ и рекрутчыну. „Пять тамъ, чы де́сять рублив."—„Добре́", ка̀же. И зало́жыть,

---

1) «Хата», сборникъ изд. П. Кулиша. Спб. 1859. 8°.

и той перехо̀дыть. Та чомъ було̀ и не йты? Хазяинъ заложывъ довгъ, або̀ подушнѐ и рекрутчыну,—звисно, не да̀ромъ, а вывертà за робо̀ту. Одбу̀ткивъ сусида не зна: хазя̀инъ всимъ дворо̀мъ одбува̀ одбу̀ткы, а не ко̀жна душà самà по соби. Воно̀, здаѐтця, те та на те й выхо̀дыть, тильки въ хазя̀йстви воно̀ не выхо̀дыть те та на те, ни для хазя̀ина, ни для сусидивъ. По̀тимъ, для худо̀бы сусиды да̀ромъ хазя̀йська толо̀ка и хазя̀йськый пасту̀хъ: де хазя̀йське пасѐтця, тамъ и ёго̀; огоро̀дъ, пидметъ для конопѐль—тежъ да̀ромъ, а иноди—й для сина по̀ле, або̀ боло̀то; жне за снипъ, моло̀тыть за коро̀бку, ко̀сыть, гребѐ, ривъ копà, скотъ пасѐ, наймытуе—за гро̀ши, або̀ одвертà. Всяка робо̀та гуртовà,—прымиромъ сказàть, орàть, тыны плесты, хàты вкрывàть, хазя̀йськи и сусидськи,—гурто̀мъ зъ хазя̀иномъ и за хазя̀йською харчю. Та що̀ й казàть? Якъ тильки сусида не зо̀всимъ бувъ ледàчый, зкончытця рикъ—подушнѐ й рекрутчына одро̀блени, зъ симъєю выгодувався, зодигся и зобу̀вся, худо̀ба и вся рухо̀мость пры ёму̀, та ще й прыдбà: прыплидокъ тамъ одъ скотынкы, хлибець не поила симъя̀—продàсть, гро̀ши бу̀дуть. А якъ ще сусида якѐ ремесло̀ мàе въ рукàхъ,—прымиромъ сказать, музыка винъ, або̀ швець, або̀ кушниръ—ще бильше грошеня̀тъ заро̀быть, и одъ людей, и одъ хазя̀ина. Иноди було̀ самъ такы хазяинъ навчыть и ремеслу̀.

Покійныкъ тату̀сь—нехàй надъ нымъ земля перомъ!.. Вже було̀ ледàчи цурàютця ёго̀, якъ *той* лàдону; затѐ роботящи люде—все було̀ до ёго въ сусиды. Бо такъ було̀ покійныкъ: побàчыть, що тамъ у котро̀го хло̀пець, або̀ дивчя до чо̀го вдàчу мàе: „Э“, кàже, „та твій, бачу̀, Петру̀сь, або̀ твоя Мотру̀ся—о̀нъ-що зъ ихъ бу̀де!“ и зàразъ же и оддàсть въ нау̀ку, або̀ тутъ такы, до котро̀го зъ сусидивъ, або̀ куды ыныше. Соби, знàете, булà корысть: якого нужно, и есть, не трѐба ни спытувать, ни йиздыть; ну, и сусида ёго̀ бу̀де чоловикомъ замо̀жнымъ. Такъ що, въ яку̀ було̀ хàту ни зайды у ёго до сусиды: бàтько опѐ тамъ—на скрыпци, або̀ шыломъ ро̀быть, жинка—ткàля, дочкà—кылымныця; а якъ що чоловикъ було̀ росторо̀пный и невсыпу̀щый, то й рàзомъ на всяке дило. Та що̀ й ка-

зàть? У покійныка мижъ сусидами всёгó булó знàйдешъ, чогó тилькы въ хазяйстви трѐба: трóе на скрыпкàхъ грàлы, та ще якъ грàлы! и въ панивъ булó весилля грàють! трóе шѐвствомъ зароблялы, чынбари, воскобійныкы, кравци, пòвсти былы, кылымныци, ткàли—всёгò-всёгò, кажу, булó.

II.

И такымы-то сусидамы у насъ булы и дидъ Мына зъ своѐю бáбою. Тамъ хàтка булà у насъ надъ дорóгою, якъ-разъ проты нàшыхъ хатъ,—воны й жылы тамъ. И булö—ненàче тепéръ іи бàчу! зимою зàвжды очерéтомъ—викóнця тилькы блыщять, мовъ у тыи сидухы очыци; а литомъ—билѐнька-билéнька, сказáвъ бы въ новій сорóчечци! и въ стрихы зъ усихъ бòкивъ—вылà, граблыщá, штыли: [1]) згорбылась, мовлявъ, старѐнька бабуся, та й пàльци розстáвыла... И булò, якъ почнé вже вечорить,—по толóци каплоухи до хутора, тилькы трюхъ-трюхъ однà за 'дныéю, ажъ уха телипàютця; дали—вивци, а тамъ и товàръ, и котрѐ жъ пòпаскы, а кордòвы—такъ попѐреду, и ажъ гòловами выхытують! А баба Мыныха вже й колò порòга, высивокъ тамъ заколотыла, лушпаёкъ въ пидсытокъ: гарнéньке у старыхъ булò хазяйствечко. И якъ наблызятця—тому сёгò, тому тогò... а ыноди й по шматкý ще хлиба, та й силлю зверху... Погладыть, почуха, лàскаве слòво скàже,—не такъ якъ у ыншыхъ, що тилькы й чуешъ—проклынàють, абò й ломáкою. А котрé, въ репъяхы тамъ, въ колючкы вбрáлось, абò въ багни валялось, зашкарубло: „Ай-яй!“ кàже, „якъ же оце ты, ледащыце! абò тамъ—бродяжко!“ и повыбирá, обчуха, а ыноди, то ще й гребиночкою розчѐше. Стоитъ скотына, абò овечка, пъе тамъ, або хрума, и знай хвостòмъ... любыть. А ыноди й бáбу пыкою, по спыни тамъ, абò по руци: „И тебé“, мовъ, „почухаю!“

И предывніи булы покійныкы обòе, дуже дывни! Тепѐръ такыхъ людéй вже й немá! Трудящи булы, невсыпущи, а тилькы такъ якось...

---

[1]) Що соломý нóсять, якъ молóтять.

Прымиромъ, жне було Мына, або косыть,—якъ и други робыть; а дали—кынувъ серпъ, або косу: „Годи вже!“ каже, та ще й шапку-кожушанку свою зверху, долонею,—завжды було іи ажъ на нисъ, и завжды вона въ ёго, якъ у тій писни спивають:

Зве́рху дирка,
Витромъ пидбыта.

„Пиду ще“, каже, „до-дому!“ и повіявся геть помижъ жытамы, тилькы шапка та поверхъ колосся, мовъ той будякъ, що репнувъ и пухъ розлитаєтця. Або оце возовыця було почне́тця сусидська, дидови своє бъ треба перевезты: „Вже жъ“, каже, „пан̀оче, нехай и мое разомъ перевезуть!“ и пишовъ, не дожыдаючы одвиту.

И не подумайте, щобъ хто на ёго зъ сусидъ за те поремствувавъ колы. „Не тилькы“, мовъ, „въ хазяйській роботи ввылює, а й ёму ще робы“,—ни! Разъ те, що то вже такый чоловикъ бувъ, такъ уже́ й зналы, що винъ такый, що ёго вже не переробышъ; а друге—вси зналы, що хоть иноди й за ёго прыходытця, такъ винъ же за тебе во-стократъ. Винъ покынувъ отто жныва, або косовыцю,—вже то винъ щось та нагле́дивъ, або щось та надумавъ, и нехай бы котре́ пишло, то або цимрыну лагодыть коло колодязя,—обвалылась, недобре воду тягать,—або заплишуе и прыправляе дверци коло якои сусидськои кошаркы,—недоглядъ, або никольство господареви. И то вже певно знайте, що винъ тамъ обныкає и по сусидськыхъ хатахъ, и по огородахъ и скризь,—и де що не такъ, заразъ направыть, якъ треба; и на дитей посварытця, щобъ не пустувалы безъ матерокъ, або не робылы ка-зна-чого, а котре голодне, и нагодуе; що попры сирнювано, а дощъ накрапа,—попрыбыра, якъ слидуе.

И якъ у малому було дили покійныкъ, такъ було и въ велыкому. Чоловыкъ оце на тикъ багато насадывъ, а тутъ хуртовына насуваєтся,—кыне своє, що бъ тамъ ни робывъ, и за ципъ: „А ну!“ каже, „молоты, небоже, скорише! бачъ яке́ суне!“ и стане у грядкы, и вже такъ було почне́ вымахувать ципомъ, и такъ ухе́кае того, що мусыть и шапку геть, дарма що морозъ

буде зъ очыма, якъ то ка́жуть. (Хоть и бильше шестыдесяты було, кремьязный ще дидъ бувъ! невелычкый такый, шырокоплечый и за́вжды пра́ве негдленый, а волдсся пра́ве й сывить ще не почына́ло.) Абд зндву: оце́ буде бидный чоловикъ котрый зъ сусидивъ, и въ тогд чоловика симъя велыка буде, ничымъ гара́здъ заплатыть кравцямъ, щобъ тамъ свытыну, або́ кожухъ зложылы,—прыйде до его: „А ну, лыше́нь“, ка́же, „свои лынтвари [1]), абд тамъ суккд“ (винъ и краве́цьке дило вмивъ), и зшпорта. Той тамъ, звисно: „Будь ла́скавъ, диду!“ абд: „Спасыби, мовъ, тоби“, а дидъ и байдуже соби, мовъ и не чуе. И спра́вди було такы иноди не чуе: все, зна́ете, тамъ у его въ голови що-нѐбудь. Оце́ булд й дывытця винъ на тѐбе и дриботыть тоби (дриботунъ бувъ старый), а дума пѐвно о чимсь другимъ: „а якъ“, мовъ, „на-за́втре оттѐ и отте?“ Тымъ булд ча́сто: оце́ дриботыть-дриботыть, та й стане, або скаже тоби таке́, що ни къ селу, ни къ гдроду. Хто не зна́въ его, булд пытаютця: „Та сей дидъ“, ка́жуть, „ма́буть, у васъ прыдуркуватый, абд-що?“ То наши булд и шуткують: „Та ни“, ка́жуть, „винъ не прыдуркуватый, а тилькы однымъ днемъ за́вжды старшый одъ се́бе!“ Та́къ-то винъ було́. А якъ що вже було́ и почу́е, що тамъ той,—зведе́ брдви (густи таки и велыки булы, и гдлову и дчы за́вжды вннзъ), и такъ и ба́чышъ, що „Що це“, мовъ, „винъ?“ и дывытця-дывытця; тилькы вже выдно—щось друге прышлд на мысль, за ша́пку и повіявся.

А вже кисся́ було́, обручи, выла́, ключкы́, штыли—для усего́ дврру постача́ булд: лиснычыть любывъ, й того́ булд понадбавуе! Якъ тилькы було́ выберетця у егд слободна годына,—деревяни постолы, магырку свою, черезъ плечѐ тдрбу, за пдясъ сокыру,—и пишо́въ ча́вкать и бре́хатьця, осдкою та очерета́мы, до лизъ и до лисивъ! И цилисинькый булд день выходыть ыноди тамъ. И де вже було ожына есть, груши, те́ренъ, гусы дыки де на яйцяхъ, журавли,—все зна́йде, до всего́ добудетця. А вже що горихивъ-горихивъ було́ ндсыть! та ще все одынъ въ одынъ

[1]) Лынтва̀ръ—ове́ча шкура.

чорнобрывци, що вже спіе-спіе, та й вывалытця зъ гнизда! знайды та роскусы, то ядрд ажъ хрумтыть! Зъ мышыныхъ ниръ достае́ булд ихъ, й видтиля булд выдере! Зъ инои норы, якъ роскопа, ыноди булд въ ддброи пивъ-корббкы выгорне!

Мы, диты, якъ булб знаемо, що винъ въ лисъ пишбвъ, тилькы вѐчиръ—надъ гору, и вже й очѐй не зведемб; то гляды лышень, и гойдаетця де-небудь повѐрхъ очере́ту гаёкъ... Оттб вже Мына начухра́въ тамъ всячыны, и такъ, зъ гиллямъ и лыстомъ, и лбмытця! И якъ выйде на бе́регъ,—по пбясъ пра̀ве въ грязюци (а тбрба и па́зуха бнъ-якъ надулысь!), брёхнувъ обере́мокъ ббъ-землю: „А нуте лыше́нь!“ ка̀же.... Якъ зайци кынемось булд до ёго, и винъ: тому ожыны, тому горихивъ, а вже мени булб (дужче всихъ дите́й любылы мене́ покійныкы оббе) яке-не́будь журавлыне яйце́, абб тамъ яструбенятъ, шуличенятъ.... И якъ пидемо булд выбрыкомъ на гбру, тылькы“: „Хи-хи-хи“! Скрыпъ-скрыпъ! (мовъ скрыпыть, сміе́тця булб). Та ще и въ бокы визьметця,—вовсимъ башта́нный дидъ, якъ витеръ, и лозына пидъ нымъ скрыпыть!...

III.

Якый дидъ Мына бувъ, та́кже са́мо и ба́ба Мыныха була́ у всякій роббти! Де вже по іи сылахъ ва́жко булб, абб де пиччання бага́то—глыну тамъ мисыть, ха́ты валькува́ть, конбпли мочыть и тяга́ть, за те́рныцею—вона́ не бува́ла никблы. А отъ—та й то хиба̀ сама́, бо іи вже и не клыкалы—пирья тамъ драть, вбвну скубты, помогты тамъ щб матуси. А и на не́и нихтд булд не поре́мствуетця, бо и вона̀.... Щобъ тамъ бабува̀ть булб, якъ у насъ стари жинкы пра̀ве за̀вжды, абб тамъ ликамы, абд зна̀-харствомъ,—никбли булб вона̀; зате̂ всяку хазяйственну ча̀сть нихтд булб такъ не зна́. Прымиромъ, на корбву булд подывытця: „Ни“, мовъ, „зъ сые́п корбвы корысти не ма̀тымешъ“, то вже такъ вонб и буде, не ма́тымешъ, Абб оце́ на огорбдъ до те́бе прыйде и пороска́зуе, що: „Оттутъ“, мовъ, „капустку, оттутъ картбпельку, а оттутъ для тютюну вгидця“, то такъ и

робы, якъ ка́же; а зро́бышъ ына́ково—все пога̀но вы́йде! И такъ було̀ вона́ у всякому надвирнёму дили. А вже що въ хатнёму дили—коло̀ ді́йва тамъ, коло̀ пе́чы, коло̀ тиста, коло́ ва́рыва... Видкиля вона́ всёму тому навчылась, Богъ іи святый зна́е... Ка́же було́, що й ма́ты іи була́ така́ ба́ба. И тымъ всяке було́ до неи за пора́дою. Оце напалы скотыну перелогы, чоловикъ купуе телыцю або́ вивцю, тисто не входыть, а тутъ такый случа̀й: шышкы тамъ тре́ба липыть, корова́й бгать, кныши тулыть на гробкы,—за́разъ до бабы Мыныхы!... И вже хочъ яка́ тамъ не́погодь, назустричъ іи витеръ, дощъ въ вичи сиче́; а вона́ зогнулась невелычкая, обгорнулась въ сиреньку юпчыну, на голови билый плато́къ—и ажъ тюпотыть! Ле́дви поспиша́ется той.

А вже якъ котре́ захворяе було́ въ хутори, а особлыве дуже: „Ба́бу Мыныху“, про́сыть було́, „поклычте!“ Не зна́ла, кажу, вона́ ніякыхъ ликивъ, а тилькы буде коло хво́рого, вже ёму и ле́гше! бо нихто̀ було́ не зъумие такъ перевернуть, такъ го́лову вмостыть, вкрыть доладу. И вже було́ якъ поклычуть, не одпустыть винъ іи. Жинку й дите́й ыноди не пидпуска́ до се́бе чоловикъ, важко серде́шнему; а ба́ба Мыныха неха̀й тутъ буде... И якъ почнѐ вже було́ вона́ ёму тыхою и неспишно́ю мо̀вою свое́ю, и се, и те... и такъ було́ теплѐнько тоби нѐю, яжъ до са̀мого се́рця, та ще й усмихъ такый, (святи, ма̀буть, Бо́жи тилькы усмиха́ютця такъ),—и чоловикъ заслухаетця, розва̀жытця, ле́гше ёму стане на тили и на души...

IV.

А на таку людыну хто жъ такы ста́не рѐиствувать, колы воно́ ма́е Бо́га въ жывоти! А щобъ хазяинъ тамъ,—та вона̀ однымъ пасишныкува̀ннямъ одпла̀чувала хазяинови за все! Бо и тутъ вона̀, якъ и у всякій хазяйственній части,—и пасика наша зовсимъ була̀ на іи рука̀хъ. Та ще того̀ ма̀ло сказа̀ть, була̀ на іи рука̀хъ: вона̀—не зна̀ю, якъ сказа̀ть вамъ... Оцѐ було́ тилькы прыйде Тѐплого Оле́ксы и со́нечко гара̀зденько обытріе, вже вона̀ й йде́.

„Добрыдень“, ка́же, „вамъ,—и вамъ, панбче, и вамъ, панимàтко, и вамъ, дитоньки!“ Було́ якбсь поважнише вона въ сей день.

„Добрыденъ и тоби, бабусю!“ кàжуть.

„Будьте здорбви зъ прàзныкомъ святымъ, зъ Тéплымъ Оле́ксою!“

И почне́. Іи прбсять садовытьця, одпочыть.—„Ни“ка́же, „я прышла́ за диломъ, пора́ за Бо́жу пта́шку прыйма́тьця“.

„Та ще хо́лодно!“ ка́же татусь:—«мо́же бъ, ще пидожда́ть.»

«Ни», ка́же, «пора́: Тèплого Олèксы!.. хоть одынъ-другый улыкъ погритьця!“

И такъ ужé було́ по іи й буде: поснидаемо, поклычуть двохъ-трёхъ чоловика зъ сусидъ, поблагословылысь (а горилки нихто́ було́ ни капли: не любыть бжола й духу горильчàного), и пидуть вси до бжоляныка!

И такъ було́ вонà цилисиньке лито, покы й знову пàсику на зимивлю въ по́гребъ: всюды прывидъ даè, а татусь тилькы за нèю, хоть и не дуже-то покійныкъ любывъ за чужымъ прыводомъ ходыть и хоть самъ знàвся на пàсици до́бре. И вже було́, якъ одвезуть пасику въ поле, самà тамъ и рои збирà, и, чы трèба въ гречкы перевезты, одшукàе такè мисце; за всимъ, кажу, самà. И якъ було́ вонà, якъ прыйдемо туды до нèи!..

Тамъ у насъ степо́къ—версто́въ зо́ дви одъ хутора, або й бильше—хоро́шый такый степо́къ! И тепèръ винъ хоро́шый, а тоди ще луччый бувъ: травà зàвжды було́ въ по́ясъ, а ыноди и пидъ-плечи; а вже що квито́къ-квито́къ!... А на степку садочокъ въ прыдолынку: по краяхъ густо, мовъ зàгорода, а по серèдыни—чысте мисце, тилькы десь-нè-десь порозтыцювани вышенькы та квиткы... ще лучче, нижъ по степу: горбшокъ пахучый купами, матерынка, смилка, зàяча кривця... Тутъ-то й пàсика булà, хливèць велычèнькый для пасичныка и для улыкивъ..·

И оцè було́, якъ ко̀нчымо писля обида вчèння, и братъ татусèви—братъ насъ тоди вчывъ—що, мовъ, до́бре вчылысь, татусь и одпустыть до Мыныхы: «Колы до́бре», кàже, «то нехàй и йдуть!» Вже знавъ покійныкъ, що якъ туды, то ничо̀го й

луччого намъ не треба! И запряжуть було визъ, або и просто пихотою, та ще и всякои всячыны матуся надае: тому глечычокъ зъ молокомъ, тому борошно въ торби, тому сало,—и мы мовъ ти комашкы, що несуть свои подушкы...

А та вже й выгляда насъ! И якъ тилькы загледыть,—назустричъ намъ: «Голубъяточка мои», каже, „якъ потомылысь!“ И въ одну руку сало, въ другу глечыкъ, торбу зъ борошномъ перекыне черезъ плече,—и вона по-середыни, а мы—кругомъ, мовъ ти каченята плутаемось по трави... И скилькы роивъ піймала, роскaзуе, якъ будка проихала оттамъ шестырыкомъ, якъ кони басувалы, и лакызка ззаду кунявъ.

А якъ прыйдемо, роботу геть (пыть було любыть стара и жать: тамъ за-для неи завжды було сіють, такъ було й кажуть „за для бабы Мыныхы“), и вже все було коло насъ: сестеръ позаквитчуе, винкы поплете, братамъ тежъ що-небудь; а вже що мени—метелыкивъ!... Тамъ наветъ у неи изъ пирію така клитка була для метелыкивъ: кошаркою було звуть іи, а метелыкивъ—худибчыною моею: „Васюнына“, кажуть, „худибчына“!

А якъ уже стане було сонечко на взаходы—вечерю варыть гуртомъ! Вона жъ порядкуе, а мы пораемось: хлопци огонь розводять, сестры, за іи прыводомъ, мисять галушкы, варять.... И любо було, и корысть була: залюбкы навчалысь, чому прымусомъ и не навчылысь бы, може, и що потимъ де-кому зъ насъ було, якъ нахидка! Я знаю, якъ скипокъ наколоть, якъ розвесты огонь, скилькы солы и пшона въ кашу,—я тутъ навчывся, и потимъ, якъ пидбильшавъ и ставъ валасатьця по свитахъ, прыгодылось мени и куды тоби! Коней попасувать було станемо въ степу, або де надъ стовбовымъ шляхомъ ночувать, що за тыею дорожнетою ничого не добудесся,—поганяйло жъ коло коней, а я назбыравъ тамъ труску якого, або що, прыправывъ казанокъ до оглобли або на сишкахъ, розвивъ огонь, и таку кашу було втну, що тилькы на та покоштуй!

А якъ було повечеряемо,—поперемываемо мысочкы, похова Мыныха хлибъ и все, въ стриси въ хливци, щобъ собакы не добулысь (нихто було коло пасикы не ночуе,—ни для чого), та

й до-дому!... Покы й вику могó, думаю, не забуду, якъ булó тоди! Хброше такъ, прохолóда; зóри тилько що почалы показуватьця; кругóмъ пахъ одъ травы и квитóкъ, а тутъ пéрепелы питьпидёмкають, у дзвóны мовъ бьють... деркачи, дыки утята десь свыстять крыламы, журавли десь курлюкаютъ на тырлахъ, вивчáрыкъ вертáетця, въ лисъ, посвыстуе: хоть бы й до вику вишнего здаётця, зостався бъ такъ... А мы купцемъ коло Мыныхы, и вонá тыхо такъ, мовъ по зóрямъ чытáе: „Оци квитонькы такъ“, кáже, „звутця, а оця травыця такъ... оцé берéзка, оцé чебрéць, оцé дрикъ... на такыхъ и такыхъ ростуть воны поляхъ, оттаки й таки бувають, на те й на тé прыгóдни“... Абó про зóри булó роскáзуе: „Огтó“, кáже, „дорóга...—для невóльныкивъ та дорóга! Зъ невóли“, кáже, „хто втикáе, на іи трéба дывытьця, чы зъ Турéцькои невóли, чы зъ Татáрскои: якъ-рáзъ вонá черезъ нáшу стóрону! Богъ колысь“ кáже, „дужче любывъ нáшу стóрону—й дорóгу ту зробывъ для нáшыхъ невóльныкивъ“

V.

И вже де трéба булó замистыть татуся абó матусю, особлыве въ повáжному дили: хрестъ одвезты на ныву, що печуть на Хрестци, покропыть въ кошáрахъ и въ бжоляныку на Голóдну Кутю, одвезты въ Дмытрову Субóту мыску на гробкы и все тамъ, якъ слидъ велыть,—дида Мыну; зажóнъ зробыть, на чáсточку попóви дать, кáшу зварыть, якъ котрé грамáтку абó часлóвець зкóнчыть,—старá! А ынодi и обóе рáзомъ, де треба бъ татусéви и матуси обóмъ. Нáймычка-сиротá зáмижъ одъ насъ выхóдыть, абó сиротá-нáймытъ жéнытця, батькувáть и матерювáть треба бъ, а татусеви и матуси куды ихать, у рóдычивъ весилля, абó-що,—воны! И вже на той разъ стари, якъ-бы и спрáвжни хазяинъ и хазяйка, и въ весильному дили, и у всёму. А якъ дило урочысте йде, то и татусь и матуся будуть дóма, а зкруту багáто, абó трéба литнёи людыны, то си самó по соби, а то й воны такы. И вже въ такимъ рáзи, а найпáче де трéба, якъ звычай укáзуе, ти бильше булó рóблягь, особлыве

матуся—молода́ людына ще була́, а стари—такъ порядкують. Отъ, прымиромъ, якъ и за паскы було́ прыймутця!

У насъ ихъ, зна́ете, бага́то було́ печуть, дуже бага́то: ввесь Билый тыждень тилькы й дила було́, що жа́рять въ печахъ! Бо въ нашій сторони такый звычай, що якъ прыйде Велыко́дна Субо́та, то вже ста́рцеви не дадуть хлиба тамъ шматка́, або́ пажка́, а па́сочку невелычку, та й до па́сочкы ще: крашано́къ, са̀ла, со́ли дрибо́къ, паляныччку для попа̀—всёго́. Та й не тилькы старцямъ такъ: бидный хто буде въ сели, вдове́ць, сыроты, и имъ пошлють. „Хто, мовъ, имъ тамъ, або́ зъ чо́го?“ Та ще й такъ у нашій сторони: скилькы вже ни буде у хазяина сусидивъ, то имъ, и паскы, и всячыны посвятыть. Наветъ и панкы своимъ хрестянамъ такъ, котри биднши и ще не зовсимъ забулы стародавни звычаи. Ну, котра̀ хазяиновыта хазяйка, и для се́бе тежъ, и пасо́къ, и всякои всячены: панійкы—па̀пушныкы тамъ, бабы, пундыкы ра̀зни, прыщи прыщять, а котри та̀къ соби, люде та й го́ди, тежъ що-небуть; такъ що ынодн недиль зо́ три або́ й зъ чотыри контытуютця тымъ. Одъ то́го-то, кажу, у насъ було́ ввесь Билый тыждень зъ паска̀мы.

И якъ печуть було́, то вже порядкуе було́ бильше ба̀ба Мыныха. А де вже, якъ звычай велыть, прымиромъ сказа̀ть, замисять дижу, хрестъ зробыть на тисти па̀льцемъ, перехрестыть іи, закрыть и цмокнуть, щобъ до́бре захо́дыла,—хоть въ другимъ ра̀зи и аби-хто бъ се, а для па̀скы вже вона̀: якось воно́ поважнише, зна̀ете, якъ така̀ людына. Або́ оце́ напалилы пичъ для пасо́къ, вымелы, свяченои вербы тре́ба туды прутыкъ, щобъ згоривъ, такъ годытця, або́ бо́рошна жминьку, чы въ-миру пичъ напа̀лена,—тежъ завжды було́ стара̀. А вже въ Велыкодну Суботу, паскы було́ дилыть въ комо́ри и розсыла̀ть ихъ...

На-двори оце́ такъ со́яшно, зе́лено!... сусиды, выдно въ две́ры, метуть двиръ, огороды, наймыты и наймычкы на прысинкахъ, а вона—натупалась старе́нька!—на скрыни: „Отту“, ка̀же, „до́чко (дочко́ю вона̀ матусю зове́ було́ въ такимъ случаи) Головане́ви“, ка̀же, „о́тъ що вичыкъ зарумянывся, а отту велыку—Грыцыси: зъ диткамы мале́нькымы бидна!... та й са̀ла їй биль-

шый кусо́къ!“ то матуся вже, якъ вона̀ ка̀же, а наймыты и наймычкы въ рушныкы и въ скатерти, и розно́сять.

Сама̀ було́ зъ дидомъ на̀веть и святыть повезе, и для насъ и для сусидивъ. Зъ ве́чора було́ ще налаштують, воло́вый визъ, найлуччый, и поскладàють. А якъ тилькы пора̀: новый кожухъ або́ нову свыту, дидъ—новый кобенякъ, на̀ветъ батигъ новый и нову магырку, и зъ Бо́гомъ!... Летымо́ було̀ до службы, ясно такъ, ве́село, зе́лено!... наганяемо: старе́нька куко́блытця, то до тые́и па̀скы, то до другои!... а той зпереду, ша̀пку ажъ на нисъ, и въ правій налыгачъ, а въ ливій батигъ. Не до́бре бъ и держа̀ть налыгачъ, а ще незручнише батигъ: рукава̀—до́вги, сукно́—цупке́, лѐдви закавра̀ши зла́муе. Та не дуже бъ то нужно й держа̀ть ихъ: сири смырни, дружни. А держыть: паскы на во́зи! „Береженого“, мовъ, „Богъ береже́!“ — „Хрысто́съ воскрѐсъ, Хрысто́съ воскрѐсъ!“ зацвириньча̀ла дитво́ра. Та̀—тилькы голово́ю, усмихнулась... а той мовъ и не чуе: „Со́бъ-со́бъ, сири!“ ка̀же: не ска̀жуть воны: „Во-ыстыну воскре́съ!“ покы не почують „Хрысто́съ воскрѐсъ!“ одъ попа̀.

И дитво́ри ще веселише—хотилы старенькыхъ пидневидыть: гамъ, ле́минъ! Те—якъ ба̀ба усмихнулась; друге, „що и дидъ“, ка̀же, „усомъ моргнувъ“...

VI.

И вже що щыри булы покійныкы до насъ до всихъ, прыхылени, до хазяйського добра̀ копа̀тельни! Кожне було́ скорише свое́ перепустыть, нижъ попустыть зъ хазяйского! Я нико́лы не забуду, якъ разъ дидъ Мына!... Тепе́ръ, смихъ мене́ бере́, якъ згада̀ю, а тоди не до смиху було́ мени, та и всимъ було не до смиху!

Тоди, зна̀ете, тилькы що появывся Засо́рынъ... Засо́рынъ, зна̀ете, колысь бувъ тамъ; або́ мо́же, ёго́ й не було́ нико́лы мо́же, чы й бувъ винъ колы на свити, а тилькы чутка така̀ пишла̀, що про́би, мовъ, издыть! Було́ оцѐ сёго́дня, що, мовъ, у тако́го-то стягу шкуры зъ спыны, а за̀втра, що допомигъ тамъ...

И багàто було́ всякои всячыны. И було́, кàжуть, такый винъ, що якъ хо́че вже кого́ пидобрàть, то ще й оповистыть попе́рѐду—готуйся, мовъ!... И вже й готуйся, кàжуть було́, колы оповистывъ, и не думай якъ-нѐбудь тамъ; бо ничо́го не докажешъ, ще гирше буде: знавъ винъ, лыбо́нь, щось, чы що́. Рàзъ, кàжуть, одынъ панъ въ Мыргоро̀дському повыти (се я до̀бре помятую, що въ Мыргоро́дському) здумавъ бувъ, щобъне пустыть, мовлявъ („вечѐрять буду“, сказàвъ той), и скризь зъ лыхтарнямы и зъ каганцямы постàвывъ,—знавъ же винъ лыхтàрни и каганци!.. Ти, кàжуть, и стережуть, а Засо́рынъ сусиль въ хату!... „А що́“, кàже, „встеригся, вражый сыну!“ и канчукивъ тому пàнови повечѐрявшы (а такы повече́рявъ, и пàна и пàнію посадовывъ зъ собою)!.. И якъ давъ канчукивъ, бувъ такый, та й немà! шукàй витра въ по́ли!... Тильки, кàжуть, сторожи, що тамъ геть стоялы зъ лыхтàрнямы, икъ царыни: „Чого́“, мовъ, „вы бàйдыкы бъетѐ! Идить соби и къ сучій мàтери до-до́му, я вже побувàвъ у вàшого пàна!“

Такый-то бувъ, кàжуть, той Засо́рынъ! И багàто, кажу, було́ объ ёму всякои всячыны! Якъ уже́ перестàлы объ ёму чуткы ходыть, кàжуть було́ люде, що ёго́ й не було́ нико́лы що то певно десь дзвинъ велыкый лылы и пустылы таку поголо́ску, щобъ голоспишый бувъ; а тоди—багàто одъ ёго страху було́! И було́ якъ побàчять, що до ко́го замо́жнёго проижжи паны, въ кàрети або́ въ коляси, пересто́ять и ко́ней попàсты, або́ тамъ переночувàть: „Охъ“, кàжуть було́, „та то́ жъ пѐвно Засо́рынъ!“ (бо той все було́, кàжуть, въ карѐти або́ въ коляси) и такый о́страхъ піде по селу, що и крый Бо́же!... И по́тимъ по всёму повиту рознесѐтця, що, мовъ, у онъ-того́ Засо́рынъ бувъ,—а той и въ вичи ёго́ нико́лы не бàчывъ, и якый винъ!...

Такъ лучылось разъ и у насъ. Тильки що повече́рялы, и матуся насъ постàвыла молытьця Бо́гу (а татуся не було́ тоди до́ма), колы въ хàту вивчарь Якивъ и ажъ блидный! „Пайматко!“ кàже... „Якыйсь панъ“, кàже, „въ коляси за толо́шнымы воритьмы!“

Матуся такъ и затрусылась, а мы й соби, на нéи дывлячысь... „Ой лышечко жъ“, кàже, „мени!... Чогó жъ ёму трēба?“

„Переночувàть, кàже, просытця... „Я“, кàже Яквъ, „що, мовъ, и немà панотця дома“, „прóби!... Попросы“, каже, такъ хазяйку“.

— Що ёгò въ свитоньку Бòжому робыть!... „Бижы“, кàже, „що мовъ, диткы малèньки, спать не дадуть“. А насъ такы ховàть, въ стинку, въ кущи.... А пòтимъ назàдъ, и зъ переляку не знàла вже, що, та скрыньку зъ мидякàмы, и въ пекàрню підъ верстàть!... Смiётця булò пòтимъ зъ нèи чàсто покiйникъ татусь.

Колы Яквъ знòву, и ще блидншый: „Вже“, кàже, „въ горòди“!

Та що вамъ и роскàзувать! Якъ почула матуся, що мовъ и въ горòди вже, и до насъ!... и забрàвшы, стинкамы, левàдою, и до Мынивъ: „Рятуйте, мовъ, ховàйте насъ, Засòрынъ прыихавъ!“ И тутъ то дидъ Мына!... Зпèршу и Гòсподы, якъ переляквся: тилькы—„эгè!... эгè!... эгè!...“, и то въ той кутòкъ, то въ другый! А дàли, якъ вхòпыть ципъ, и туды!... Смихъ кажу, мене́ тепèръ берè.

Якъ вбигъ, знàете, въ прыхожу, а той сàме роспытуе у чèляди. „Немà хазяйкы дòма!“ одчеркнувъ не дòвго думаючы!... А ципъ такъ и держыть напоготòви: колы, мовъ, щò, щобъ такъ и лулуснуть посере́дъ лòба....

И такъ покы той спать лигъ, все зъ ципомъ. И якъ той ничòго соби, вечèрявъ тамъ тò-що (бо такы матуся осмилылась пидъ викнò до пекàрни: „Давàйте“, мовъ, „чогò зхòче“, то и Мына ничòго; стоить соби въ кутòчку и на ципъ зхылывся; а якъ той стàне наблыжатьця, абò до свитлыци,—зàразъ и пиднимà ципъ: „Не мòжна“, кàже, „не мòжна!“ Роскàзувавъ пòтимъ татусèви самъ панъ той (бо татусь незабàромъ вернувся до-дому, и вòны справди одынъ однòго знàлы. А матуся вжè й не выхòдыла до тогò пàна): „По òчамъ“, кàже, „у вразького дида выдно булò—такъ бы й почàвъ молотыть!“